

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 16

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНЕ
XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА**

Москва, 1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЦЕСЛАВ)

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 16

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНЕ
XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА

Материалы международной научной конференции
"Россия и славяне XVIII – 1918 г."
(Москва, 25–27 июня 1991 г.)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
профессор Л. П. Лаптева

Москва, 1992

Редакционная коллегия:
В.Н.Виноградов, Е.К.Вяземская, Л.В.Кузьмичёва,
Л.П.Лаптева (отв. ред.), И.В.Чуркина

Рецензенты:
доктор исторических наук В.М.Хевролина
кандидат исторических наук С.И.Данченко

ISBN 5-201-00735-8

Институт славяноведения
и балканистики РАН,
1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает материалы проходившей в Москве 25-27 июня 1991 г. международной научной конференции, посвященной 90-летию известного ученого, историка-слависта С.А.Никитина (1901 - 1979). Вшедшие в сборник статьи распадаются на две основные рубрики: а) отношение России и ее представителей к зарубежным славянам, б) отношение зарубежных славян к России и ее реалиям. Внутри этих двух основных сфер материал очень разнообразен и поддается более детальной классификации только условно.

Большинство статей сборника относится к первой из указанных рубрик. В ней выделяется прежде всего проблематика, связанная с материалами о славянах в русской печати (статьи М.Ю.Досталь, Н.М.Пашаевой, С.А.Виноградова). Близка к этой проблематике статья А.Овакимяна об откликах печати российских армян на славянское возрождение. Далее рассматриваются: славянофильская программа отношений России со славянами Центральной Европы (Т.Ивентышнова); культурные и политические аспекты православной миссии России в землях австрийских славян (О.В.Лебедева); оценка русской историографией вопроса об отношении Яна Коллера к России (Г.В.Рокина); отношение русской секции I Интернационала к славянам (А.Н.Круглашов).

Несколько статей посвящено материалам о славянах, содержащихся в творчестве отдельных представителей России. Так, в этом аспекте характеризуется научное наследие казанского профессора И.Н.Смирнова (1856 - 1906), чьему посвящены статьи Ю.В.Пахомова и С.И.Муртузалиева; отношение к славянским проблемам В.И.Покровского, проанализированное Е.П.Аксеновой; взгляды М.П.Погодина (1800 - 1875) на сложет "Россия и Польша", рассмотренные А.Н.Бачинским; оценка А.А.Майковым (1826 - 1902) национально-освободительного движения на Балканах (О.Н.Хохлова) и Вас.Ив.Немировичем-Данченко (1844 - 1936) освобождения Болгарии (Н.Т.Сапронова). Связи русского слависта А.А.Котляревского

(1837-1881) с чешскими учеными обрисованы Л.П.Лаптевой, переписка Н.А.Попова (1833-1891) рассмотрена И.Г.Воробьевой.

В остальном материале исходным пунктом являются зарубежные славяне. Несколько статей (В.Вулетич, В.И.Фрейдзон, С.Ф.Фирсов) характеризуют отношение отдельных представителей славянского мира к России. Наконец, имеются материалы об отношении к России целых славянских народов (И.Ф.Макарова, В.Матула, Л.А.Кирилина). М.Криль рассматривает связи галицийских и российских ученых первой половины XIX в., И.Очак характеризует хорватские источники о хорватско-русских связях конца XIX - начала XX в.

В целом, хотя у нас о русско-славянских научных и культурных связях имеется уже богатая литература, равно как и значительное число комментированных изданий текста источников, настоящий сборник вносит много нового в освещение этой проблемы. В ряде статей содержится материал, основанный на архивных документах, еще не вводившихся в научный оборот и позволивших авторам прийти к новым выводам и оценкам или скорректировать уже имевшиеся. Наряду с архивными в работах анализируются и опубликованные источники - корреспонденция, прессы, периодика и т.д. В своих выводах авторы статей по большей части отходят от стереотипных оценок сущности и характера русско-славянских связей, встречавшихся в литературе прошлых лет, и по-новому осмысливают хорошо известные факты. Хотя вошедшие в сборник статьи не равнозначны по их научному уровню, можно надеяться, что книга является шагом вперед в изучении проблемы, не теряющей своей актуальности уже в течение многих десятков лет.

Л.П.Лаптева

Г.В.РОКИНА

ЯН КОЛЛАР (1793-1852) И РОССИЯ

Связи Коллара с Россией занимают значительное место в истории межславянских отношений в первой половине XIX в. Словацкий учёный и поэт, являясь автором теории славянской литературной взаимности, серьезное внимание уделял ее практическому воплощению. Однако, при этом широко известная идея славянской взаимности понималась учеными уже в начальный период ее распространения достаточно разноланово. Так, уже во второй половине XIX в. дискуссии вокруг имени Коллара и оценки его трактата "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими" привели к определению его взглядов как панславистских.

Значительное число работ о Колларе и его трактате появляется в 1893 г. в связи с празднованием 100-летия со дня рождения словацкого поэта. В Вене под редакцией Ф.Пастрика вышел юбилейный сборник "Ян Коллар"¹. Именно в этот период впервые в историографии поднимается вопрос о панславизме Коллара. Затронутая впервые в периодической печати², эта проблема долгое время дискутировалась в чешской, словацкой и русской литературе. Прежде всего необходимо отметить различный подход к самому термину "панславизм". Исходя из понимания его сути, давалась оценка идеологии Коллара. Известно, что "панславизм" возник в противовес "пангерманизму", появившемуся в условиях реального процесса формирования немецкой нации³. "Панславизм" нередко применялся славянскими авторами для обозначения всего лишь межславянских языковых, культурных и научных проблем. Существование рядом двух терминов "панславизм" и "пангерманизм" породило немало недоразумений, в том числе и таких, что будто бы всякий славянин, заявляющий о своих славянских симпатиях, является сторонником русского царизма.

В литературе конца XIX в. Коллару особенно часто приписывалась панславистская идеология. Особое рвение в связи с этим проявили некоторые неославянофильские и панславистские авторы⁴.

На рубеже XIX-XX вв., а затем в период буржуазной республики интерес к наследию Коллара в чехо- словацкой литературе заметно падает. Но это относится только к его поэзии. Славянскую идею Коллара, наоборот, начинают активно использовать в своих национальных интересах чешская и словацкая буржуазия. В этом плане показательна работа Т.Г.Масарика "Славянская взаимность Яна Коллара"⁵.

Если многие русские и неславянские исследователи творчества Коллара считали его панславистом, то, пожалуй, большинство чешских, словацких и южнославянских ученых (М.Мурко, Й.Карасек, Ф.Пастрнек, П.Благо и др.) воспринимали идею славянской взаимности Коллара как литературную, т.е. так, как представлял ее сам автор.

В литературе, посвященной Коллару, проблема панславизма тесно связана с его политическими взглядами и убеждениями. Здесь также существуют противоположные точки зрения. С одной стороны, Коллара признавали политически неспособным деятелем, поэтом-романтиком, а с другой – ему приписывались определенные политические взгляды. Так, А.Экк, автор единственной в русской историографии монографии о Колларе, считал, что политического радикализма эпохи Коллар не усвоил, так как не был способен к политической деятельности⁶. А.Н.Лычин, подчеркивая политическую невинность идей Коллара, указывал на политический консерватизм его самого, на "глубокое почтение к властям предержащим"⁷. Автор статьи "Коллар и Хомяков" представлял Коллара "блестящим исключением среди обилия мелкого политианства"⁸. Чешский исследователь Я.Якубец отмечал, что Коллар в своих политических и социальных взглядах освободился от первоначального радикализма, усвоенного во время учебы в Иенском университете, и "перешел к гуманистической концепции Гердера"⁹. Более ясно в этом плане высказался Т.Г.Масарик, считавший, что "литературная деятельность Коллара имела национальную и в определенной мере политическую тенденцию. Коллар в конце своей жизни прямо включился в политику"¹⁰.

Подробно вопрос о влиянии идей Коллара в России был разработан авторами сборника "Славянская взаимность", по-

священном 100-летию со дня публикации трактата "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими"¹¹, в частности в статьях русского историка В.А.Францева и советского литературоведа В.Чернобаева¹². В этих работах содержится оценка значения трактата для развития русской общественной мысли.

Так, В.А.Францев отмечал, что русская наука и литература уделили трактату Коллара большое внимание, подчеркивая вместе с тем, что многие общеславянские начинания были продиктованы не столько трактатом, сколько веянием времени, которое выдвинуло и Коллара. Исследователь заметил, что те идеи Коллара, которые были приняты, например, в России, чаще всего не осуществлялись. Также и В.Чернобаев говорит о "важности и сугубой конкретности" идей Коллара для России, но в то же время отмечает, что эти идеи "не нашли, за редким исключением, более широкого понимания и развития".

В современной чехословацкой историографии тема "Коллар и Россия" малопривлекательна для исследователей. Здесь, по-видимому, несколько причин: "отступничество" Коллара в вопросе о словацком языке, дискредитация самой идеи славянской взаимности, которую разрабатывал Коллар, и многочисленные модернизированные штампы в оценке Коллара в чехословацкой историографии 50-70-х годов. В то же время постановка такой проблемы важна и в конкретно-историческом плане, и в теоретическом в связи с современными попытками "нового прочтения" термина "панславизм". На наш взгляд, любая обновленная окраска этого термина ни в коей степени не изменит его содержания, характерного для второй половины XIX в. Для большинства славянских ученых и политических деятелей оценка их трудов и деятельности как панславистских была по меньшей мере непривлекательна, а порой и оскорбительна.

В связи с этим рассмотрим некоторые сюжеты из жизни и творчества словацкого ученого, которые помогли бы непредвзято оценить его место в развитии русско-славянских контактов.

Имя Яна Коллара было широко известно в научных кругах

России, неплохо были осведомлены о нем и отдельные государственные деятели (министр просвещения граф Уваров), знал это имя император Николай I, а великие княгини Мария Павловна и Елена Павловна приняли непосредственное участие в судьбе его творческого наследия. Коллар состоял в переписке с преподавателями Московского и Петербургского университетов, редакторами некоторых российских изданий. С большинством из них Коллара связывали общие научные интересы: ученые обменивались информацией по вопросам славянской филологии, истории, этнографии, оказывали друг другу помощь в получении научной литературы, делились впечатлениями о сочинениях современных славянских ученых и славянских периодических изданий. В письмах также обсуждались вопросы сотрудничества Коллара в русской периодике¹³.

Как показало изучение российской периодической печати первой половины XIX в., в России появлялись рецензии практически на все сочинения словацкого ученого и поэта. Первая рецензия опубликована в 1825 г. в "Библиографических листах" П.И.Кеппена, а в дальнейшем сведения о знаменитом словаке приводили "Телескоп", "Сын Отечества", "Москвитянин", "Отечественные записки" и др. В 30-40-е годы в российской печати появляются первые переводы произведений Коллара и среди них – трактат "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими".

Как свидетельствуют источники, в этот период Коллару симпатизировали и славянофилы, и западники, не говоря уже о профессионалах-славистах. Особое внимание уделили Коллару И.И.Срезневский, О.М.Бодянский, М.П.Погодин, С.П.Шевырев. Надо сказать, что дружба Коллара со сторонниками официальной народности и их покровительство во многом в дальнейшем повлияли на отношение к имени словацкого ученого и в России, и в славянских странах.

Невосторожные комментарии рецензентов к литературным произведениям Коллара приводили порой к опасным политическим коллизиям. Так, в 1831 г. в журнале "Телескоп", издаваемом Н.И.Надеждиным, была помещена рецензия на прог-

раммное сочинение Коллара – поэму "Дочь Славы". Эта рецензия была одной из самых смелых и откровенных в оценке внутреннего содержания поэмы Коллара, она раскрывала явно русофильские настроения ее автора. Рецензия была написана английским литературным критиком Дж.Бауингом. Н.Надеждин поместил в своем журнале перевод рецензии Бауинга во французском журнале "Ревю Британик".

Русский перевод статьи Бауинга был во многом смягчен и сокращен. В нем сняты упоминания об июльской революции, выпады против австрийской власти, допустимые для французской прессы 1831 г., но неприемлемые для николаевской цензуры. В аллегориях поэмы английский критик увидел призыв Коллара к политическому объединению славян под эгидой России. В дальнейшем именно эта рецензия Бауинга давала основание определять идеи Коллара как панславистские, подменяя ими лишь русофильскую направленность его сочинений, в том числе и поэмы "Дочь Славы". Как писал один из современников Коллара Б.Копитар к чешскому ученому В.Ганке: "...Можно заставить Коллара поплатиться кровью за сомнительное удовольствие от комплиментов Бауинга... Нет ничего опаснее невежественного друга"¹⁴.

По-разному можно оценивать и материальную поддержку, которую Коллар получал из России. Она давала основания обвинять его в панславизме. Действительно, Коллара поддерживали из России и материально. В архивах сохранились свидетельства, что денежные средства, которые передавал ему и другим славянским патриотам М.П.Погодин, могли быть им получены от Николая I. Каких-либо свидетельств о меценатской поддержке не сохранилось, за исключением упоминания факта помоши, оказанной Коллару известным русским меценатом А.Н.Демидовым. Однозко, эти сведения оказались неточными. Так, читаем в письме Н.В.Гоголя к М.П.Погодину от 3 мая 1839 г.: "Ничего я до сих пор не сделал для Коллара. Виделся, наконец, с Демидовым, но лучше бы не сделал этого. Чудак страшный. Его останавливает что бы ты думал? Что скажет государь! Что мы переманиваем австрийского подданного... Из-за этого могут произойти неприят-

ности между двумя правительствами"¹⁵.

По-видимому, этот факт стал причиной того, что в одном из изданий поэмы "Дочь Славы" (1832 г.) Коллар поместил Демидова в ад. За это его упрекали чешские учёные Челаковский и Ганка. Ганка писал в 1832 г. Коллару: "Если бы Вам было известно, что Демидов в Российской Академии ввел такое правило, что ежегодно за самую лучшую русскую книгу первый писатель получает премию... тогда бы Вы его не поместили в 520 сонет"¹⁶.

Несомненно, Коллар узнал о том, что русский меценат отказал ему в поддержке, хотя неизвестно, кто из корреспондентов сообщил ему об этом. Не исключена и личная встреча Коллара с Гоголем, когда Гоголь был в Чехии в сопровождении В.А.Панова. Сохранилось рекомендательное письмо В.Ганки¹⁷, с которым они встречались в Праге, для Панова Коллару.

Более внимательно к Коллару отнеслись в Российской Академии, в 1836 г. принявший решение о награждении его золотой медалью средней величины (хотя в 520-м сонете Демидов остался в аду).

Переписка Коллара с российскими учёными и общественными деятелями, сохранившаяся, к сожалению, фрагментарно, также не даёт оснований говорить о панславистских убеждениях Коллара. Пожалуй, есть лишь конкретное подтверждение легитимизма его политических взглядов.

Особое место в отношениях Коллара с Россией занимает история издания русского слависта П.П.Дубровского "Денница". Пожалуй, это был единственный случай прямого практического воплощения идеи славянской взаимности, как она была сформулирована в трактате Коллара, - основание единого общеславянского журнала.

В "Деннице" (1842-1843 гг.) Дубровский попытался достичь цели - "сблизить и познакомить между собой славянские племена"¹⁸. Корреспондентами русской газеты были известные славянские общественные и литературные деятели - С.Враз, В.Ганка, В.Мацеевский, П.Шафарик, Я.Пуркине и др. Начинание П.Дубровского нашло одобрение и у официальных кругов -

журнал был основан при прямой поддержке министерства народного просвещения¹⁹. В сохранившихся отрывках из писем Коллара к П.Дубровскому словацкий ученый высказывает свое отношение к изданию: "Без сомнения, никто так, как я, душевно не радовался Вашему журналу - имеющему целью - взаимность"²⁰.

История издания "Денницы" показала, что особого интереса идея славянской взаимности в широких общественных кругах не вызывала, оставаясь лишь предметом теоретического обсуждения узкими специалистами и политическими деятелями России.

И еще один аспект вопроса о характере связей Коллара с Россией - судьба последнего (неопубликованного) сочинения Коллара "Боги Ретры", рукопись которого случайно обнаружена автором данной статьи в ЦГИА СССР²¹. Будучи уже профессором славянской археологии в Венском университете, Коллар не прерывает своих связей с Россией. Издание Коллара готовилось на деньги великой княгини Елены Павловны, условия контракта были таковы, что после неожиданной смерти словацкого ученого в 1852 г. рукопись была продана его вдовой русской покровительнице. В дальнейшем рукопись так и не вышла в свет.

Как показывают документальные источники, действительно, были попытки использовать имя Коллара для популяризации панславистских идей и создания иллюзии, что эти идеи имеют широкое распространение у зарубежных славян. Сам Коллар никогда не считал себя панславистом, хотя в его творчестве ярко выражены русофильские настроения, а в конце жизни, после революции 1848 г., он все более склонялся к австрофильству. В отношении к России у словацкого ученого на первом месте стояли чисто профессиональные интересы: это определенно показывает анализ его переписки с И.И.Срезневским, О.М.Бодянским, В.И.Григоровичем, М.П.Погодиным. Немалую роль здесь играли и меркантильные моменты. Так, Коллар прямо писал М.П.Погодину, что только богатая Россия может помочь бедным словакам в публикации книг на словацком языке.

По-видимому, в вопросе о "панславизме" Коллара сыграли

роль та же причины, что и в случаях более поздней модернизации его идей (статьи А.Фадеева и З.Недлы о роли идей Коллара в годы второй мировой войны, статья словацкого исследователя Пиволуски о значении наследия Коллара во время Словацкого национального восстания и более ранняя работа Т.Г.Масарика о чехо-словакизме Коллара). Таким образом, в творчестве Коллара, в его научной и возрожденческой деятельности отразились некоторые проблемы русско-славянских отношений XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Kollar J. 1793-1852: *Sborník statí o životě, působení a literární činnosti pevce "Slavy Ďcery"*. Viedeň, 1893.
2. См. подробнее: Ян Коллар в оценке русской периодической печати 20-50-х гг. XIX в. М.: МГУ, 1985. 60 с. (Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 21291 от 25.06. 1985).
3. См.: Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов "пангерманизм" и "панславизм" // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С.25-69.
4. См.: Лаптева Л.П. Ян Коллар в русской дореволюционной литературе // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С.291-310.
5. Masaryk T.G. Jana Kollara Slovanská vzájemnost // Naša doba. 1893. Sv. I-4.
6. ЭКК А. Ян Коллар: Очерк его жизни и деятельности и его поэма "Дочь Славы" // Варшавские университетские известия. 1900. № I-5, 9.
7. Шипин А.Н. Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879.
8. Читатель. Коллар и Хомяков // Русский архив. 1879. Вып.2. С.310.
9. Jakubec J. Politické a socialné názory v Kollarovej poesii // Rozhlédy. C.3. 1894. S.313.
10. Masaryk T.G. Op.cit. S.31.
11. Slovanská vzájemnost. 1836-1936: *Sborník prací k 100. výročí vydání rozpravy J. Kollara*. Praha, 1938.
12. Francev V.A. Ohlasy Kollarovy rozpravy "O literární vzájemnosti" v ruské literatuře let 30. a 40. // Slovanská vzájemnost. S.175-205; Чернобаев В.Коллар в России// Ibid. S.152-174.

13. Рокина Г.В. Корреспонденция Яна Коллара как источник по истории русско- словацких связей // Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1985. С.84-99.
14. Письмо Б.Копитара к В.Ганке от 26 июля 1828 г. // Сборник Отделения русского языка и словесности. 1897. Т.62. С.76-77.
15. Материалы для биографии Н.В.Гоголя В.И.Шенрока. Т.Ш. №: Тип. Элисснера и Ю.Романа. 1895. С.425
- 16. *Vsažená dopisy V. Hanký a J. Kollara//Časopís Českého Muzea.* 1897. S.231
17. Доланский Ю. Гоголь и чехословацкая культура // Славяне. М., 1952. № 3. С.5-6.
18. Денница. Варшава. 1843. Ч.1. С.70.
19. Материалы по изданию и подписке на "Денницу" хранятся в ЦГИА СССР. Ф.733.
20. Денница. Варшава. 1842. № 24. С.304.
21. См. подробнее: Рокина Г.В. Рукопись Яна Коллара "Боги Ретры" в ЦГИА СССР // Советское славяноведение. 1991. № 2.

В.МАТУЛА

КОНЦЕПЦИЯ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА И СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ В СЛОВАЦКОМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ (До революции 1848-1849 гг.)

Предшествующая и современная историография уже достаточно подробно и убедительно показала ту роль, которую сыграла идея славянской взаимности в новой истории славянских народов. Точнее говоря, речь идет о различных концепциях славянского единства и сотрудничества, которые в той или иной мере были составной частью идеологических и политических программ отдельных общественных слоев и классов (или их отдельных групп) в разные периоды общественно-политического развития, особенно в эпоху национально-освободительных движений этих народов в XIX столетии – решающей фазе всего процесса их национальной идентификации и эманципации¹. И процесс формирования современной словацкой нации – в период перехода от феодализма к капитализ-

му – представляется нам прежде всего как борьба за ее национальное и политическое освобождение при одновременном признании высшего наднационального этнокультурного славянского целого (по тогдашней терминологии "славянского народа", "нации"). Существование этого целого с его историческими традициями, географическим пространством и культурным потенциалом, составной частью которого было могучее русское государство на Востоке и независимое Сербское княжество на юге Европы, служило источником сил и надежд на успех национально-освободительных движений остальных зависимых, национально и социально угнетенных славянских народов.

Решающую фазу процесса формирования современной словацкой нации, которую мы традиционно называем "национальным возрождением" (хотя более адекватным здесь был бы, вероятно, термин "национальное пробуждение"), можно подразделить на несколько исторических этапов. Этим периодам, которые отличались друг от друга не только количественно (по числу активных участников процесса), но и качественно, соответствуют и особые формы проявления славянского сознания, особые концепции славянского единства и сотрудничества как способа включения словаков в более широкое реальное и постулированное славянское целое ("народ").

Первый комплекс представлений о славянстве в Словакии сложился еще в ХII–ХIV вв. и в специальной литературе давно известен под термином "барочный славизм". Главные его адепты одновременно были представителями словацкого позднефеодального историзма, а его ведущие идеи стали краеугольным камнем идеологии словацкой феодальной нации². При этом прежде всего поднимались вопросы об этногенезе славян, их автохтонности в среднем Подунавье, об их распространенности в Европе, этимологии понятий "славянин"– "словак", славянском языке. Столь примечательный комплекс представлений о славянстве впоследствии обусловил первоначальное "племенное" понимание "славянского народа" и одновременно рассмотрение территории на север от средневенного Дуная, т.е. Словакии, как прародины славян и словаков, как их ядра. Несмотря на то, что утверждение критицизма

эпохи Просвещения в науке в конце XVIII в. обусловило серьезный кризис "барочного славизма" в Словакии, подобные взгляды и их горячая защита некоторыми словацкими патриотически настроенными историками стали важной основой, на которой выросла словацкая научная славистика. Причем влияние этих представлений на научные взгляды П.И.Шафарика и Я.Коллара, на их развитие в многочисленных романтических ненаучных концепциях штуроццев и их проявления и во второй половине XIX в. и даже в начале XX в. очевидно.

Известно (главным образом благодаря многочисленным работам Я.Тибенского), какую большую роль на первом этапе словацкого национального возрождения и формирования его идеологии сыграло сочинение Юрая Папанека ² "Historia gentis Slavae" которое по праву считается первой историей Словакии. (Ее первое издание вышло в 1780 г., а ее "более четкая" версия "Compendiata historia gentis Slavae" опубликована Юраем Фандлы в 1793 г.) С точки зрения нашей темы принципиально важно констатировать, что Папанек в своей концепции исходил из существования "славянского народа", но особо выделял его "словацкое племя", которое проживает на среднем Дунае - ранней колыбели Славян. Словаки - прямые потомки древних славян, единственные из тех, кто непрерывно жил на исконной славянской территории, единственные из тех, кто сохранил их первоначальное имя. Именно поэтому словацкий язык из всех наречий славянских языков сохранился в наибольшей чистоте и первобытности. Пересяв все традиционные особенности славян на словаков и сосредоточившись только на территории, населенной этим народом, Фандлы отразил тем самым тот факт, что процесс выделения словацкой нации из общего славянского целого к этому времени уже значительно продвинулся. Само это издание должно было прежде всего доказать обоснованность бернолаковской кодификации литературного словацкого языка 1787 г., которая не только была проявлением растущего национального самосознания словаков, но и выражением демократических стремлений первого поколения словацкой интеллигенции эпохи национального возрождения и средством их

реализации. Для того чтобы осознать место и функции славянского целого ("народа") в формировании национальной идеологии словаков в этот период, важно констатировать, что Бернолак признавал существование всеобщего, хотя, конечно, абстрактного "славянского языка", но словацкий язык считал наиболее сохранившимся и чистым наречием, ближе всего стоящим к общей славянской "праматери". Это мнение он высказал уже в своей словацкой грамматике /Grammatica slavica/, 1790/ и особенно четко в неопубликованных завершающих строках введения к своему Словарю 1796 г. Взгляды Бернолака на словацкий язык оказали значительное влияние не только на младшее поколение его сторонников, прежде всего на Яна Голлого, но и на последователей Штура.

Что касается словацкой протестантской интелигенции эпохи возрождения, которая, как и бернолаковцы, опиралась на традиционные представления о славянском народе и славянском языке, то несмотря на некоторые попытки внедрения словацкого языка в Венгрии и симпатии к языковой реформе Бернолака, она осталась верной чешскому библейскому языку, который был языком их богослужения. Из многих работ о чешском языке как литературном языке словаков, следует упомянуть лекцию молодого Юрая Палковича в кружке словацких студентов в Йене /Societas Slavica/ "Рассуждение о словаках и особенно их речи", прочитанной в 1790 г. (опубликована только в 1817 г.), в которой он также отождествлял словаков со славянами, "славянским народом", но их языком однозначно считал чешский язык. Новым моментом здесь, однако, явилась тенденция отождествления нации и языка (языковое понимание нации), которая впоследствии стала играть доминирующую роль особенно в колларовской, а также штурковской концепциях словацкой национальной идеологии. Стремление словацких протестантов культивировать чешский литературный язык (главным образом после бернолаковской кодификации словацкого языка) привело к заметной активизации и расширению связей словацких сторонников чешского языка с представителями чешской "будительской" интелигенции (Ю.Рыбай, Ш.Лашка, Б.Таблич, Ю.Палкович, а

с чешской стороны в особенности Й.Добровский, а позднее Й.Юнгман). Наряду с этим процессом начинает формироваться другая концепция в словацком национальном движении – концепция "чехо=словацкого племени" славянского народа и чехо=словацкого наречия славянского языка, которая получила свое завершение в творчестве Яна Коллара. На первом этапе словацкого национального возрождения были сделаны попытки установления контактов и сотрудничества с другими славянскими народами, прежде всего в области культуры и на базе более широких славистических интересов, но результаты были более чем скромными. В начале XIX в. заметно усилились проявления славянского патриотизма и возросло сознание принадлежности к широкому славянскому целому, "славянскому народу".

Второй этап словацкого национального возрождения (1820–1835) отмечен в особенности двумя выдающимися, и с точки зрения нашей темы решающими событиями: научной деятельностью П.Й.Шафарика, что одновременно является началом формирования современной научной славистики в Словакии, и колларовской концепцией славянского единства и культурно-литературной взаимности.

Уже первое славистическое сочинение Шафарика "*Geschichte der slavischen Sprache und literatur nach allen Mundarten*" (1826) по праву можно считать основополагающим для научной славистики. Наряду с общим "славянозащитным" тоном, оно внесло в процесс национального самоопределения словаков некоторые новые моменты³. Вся концепция этого сочинения направлена на то, чтобы подчеркнуть единство славянского мира в национально=освободительной борьбе. Но несмотря на такое интегральное понимание славянства, здесь ясно проявляется и стремление к дифференцированной оценке отдельных славянских народов, желание определить объективные тенденции их дальнейшего развития. Шафарик использует термин "славянский народ" в смысле "славяне", "славянские народы", будучи при этом хорошо осведомленным о разделении этого славянского целого на части. Поэтому он подразделял славянский язык на наречия и поднаречия, а

"славянский народ" на племена, причем, идя по следам Йозефа Добровского, старался это членение еще более детализировать. Так в его систему славянских языков первый раз был включен и словацкий язык. Это положение стало основой концепции Шафарика, на которую впоследствии опирался и Л.Штур. Употребление терминов "славянский народ", "славянский язык" не может скрыть от нас основное, а именно зарождение научных представлений об этом ключевом вопросе словацкого национального развития.

"История" Шафарика, которую можно считать также и началом чешской и словацкой компаративистики (что еще более повышает ее значение в развитии научной славистики), и его дальнейшие славистические сочинения сыграли чрезвычайно важную роль в формировании национального самосознания среднего и особенно младшего поколения словацкой интелигенции эпохи возрождения. Ее собственный патриотический славянский и словацкий запал, пробужденный и оживленный поэзией Коллара ("Дочь Славы" действительно стала их поэтическим евангелием), Шафарик подкреплял серьезной научной аргументацией, которая служила опорой идеологической концепции ее национально-освободительной борьбы. Для надлежащей оценки значения Шафарика в этой области важно учитывать то обстоятельство, что его позднейшее выступление против штурковской кодификации словацкого литературного языка (например, статья в сборнике "Голоса о необходимости единства литературного языка чехов, мораван и словаков", Прага, 1846) не отрицало объективной обусловленности этой акции, но выражало его скептицизм и недоверие по поводу возможности полнокровного развития словацкого языка в данных условиях, что правильно поняли и штуровцы.

В начале 20-х годов XIX в. выкристаллизировалась колларовская концепция славянского единства с известной "четырехплеменной" структурой. В проповедях о добродетелях словацкого народа (1822) Коллар дал свою дефиницию народа как сообщества людей, связанных между собой единым языком, общностью нравов и обычаяй, и перенес ее на "народ славы,

или славян", который населяет 15 земель и насчитывает более 50 миллионов человек. Он говорил о характерных духовных качествах (добродетелях) этого народа и предрекал ему великое будущее в истории человечества. Через год в предисловии к изданному совместно с Шафариком сборнику "Песни светские люди словацкого в Уграх" (1823) он в основном сформулировал свою концепцию славянства и развил свои категорические и неизменные взгляды на его внутреннюю "четырехплеменную" структуру. В связи с этим он выразил принципиальную точку зрения по вопросу о языковом и литературном единстве чехов и словаков и столь же категорично сформулировал свою идею "чехо=словацкого племени", т.е. их национальной идентичности. Позднее, в середине 30-х годов, в трактате Коллара «О литературной взаимности», в котором можно назвать завершенной его концепцию "славянского народа" и его четырехплеменной структуры, он изложил широкую программу славянской культурной взаимности и способов ее реализации как наиболее надежного средства предохранения этого фиктивного целого от дальнейшего расчленения. Хотя колларовская концепция славянского единства и сотрудничества (славянская взаимность) выросла из конкретной словацкой ситуации и была в значительной мере ответом на активизацию деятельности бернолаковцев и их языковую реформу, она перешагнула границы словацкой и чешской среды. Это произошло не только благодаря присущему ей гуманизму и свободомыслию, призыву к деятельности патриотизму, но и потому, что это была программа, которая, хотя и содержала потенциально политические тенденции, но в целом имела культурно=политический характер. В 20-е и еще в первой половине 30-х годов она в общем соответствовала степени развития национально=освободительного движения славянских народов габсбургской монархии, носившего преимущественно культурно= и языково=литературный характер. Внутри Словакии программа Коллара и особенно его стремление к последовательной словакизации чешского литературного языка позволили развивать сотрудничество между обоими конфессионально=языковыми течениями национального дви-

жения. Это свидетельствовало об усилившемся национально-объединительных стремлениях и объективных исторических тенденциях формирования национального единства и национальной идеологии, необходимых для успешного завершения национально-освободительной борьбы. Эти тенденции, приведшие в середине 30-х годов к созданию надконфессионального Общества любителей словацкого языка и литературы и его альманаха "Зора", носили, однако, ограниченный и временный характер по многим причинам и особенно из-за того, что каждое течение стремилось привлечь другое на свою сторону.

Определяющим с точки зрения решения многих ключевых задач, которые выдвигал объективный исторический процесс формирования словацкой нации, стал третий этап словацкого национального возрождения (1835-1848), отмеченный деятелемостью младшего поколения словацкой интеллигенции эпохи возрождения, поколения штурковцев, которые вступив на сцену общественно-культурной и политической жизни в середине 30-х годов, называли себя "молодыми сынами Словакии". Это поколение получило в наследство сильное всеславянское сознание и патриотические чувства, почерпнутые из сочинений Коллара и Шафарика, а также и словацкое национальное сознание, укреплявшееся не только поэтическим творчеством Ина Голлого, но и глубоким пониманием реальных потребностей словацкого национально-освободительного движения. Говоря о творчестве Коллара и его идее славянской взаимности как важном источнике формирования идеологии штурковцев и их патриотической деятельности, надо подчеркнуть два важных обстоятельства. Во-первых, младшее поколение влипало в себя не только "Дочь Славы" и трактат о славянской литературной взаимности, но (по свидетельству И.М.Гурбана даже в гораздо большей степени) также и его "Национальные песни (1834-1835), обширный двухтомный сборник словацкой народной поэзии, наглядно показавший богатство словацкого разговорного языка и открывший для них собственный народ, разумный, талантливый, наделенный большими духовными способностями. Во-вторых, колларовскую патриотическую слав-

вянскую программу штуртовцы не усваивали автоматически, но привнесли в нее качественно новые черты, включив ее в совершенно новый контекст. Они сознательно отошли прежде всего от ее принципиальной аполитичности и, ориентируясь на широкие слои словацкого народа, его насущные интересы, расширили общественные рамки колларовской славянской взаимности, включающие прежде только интеллигенцию. И это обстоятельство с самого начала сближало их с национально-будительской и национально-просветительской деятельностью бернолаковцев⁴.

Одной из важнейших задач словацкого национально-освободительного движения в начале 40-х годов XIX в. и условием его дальнейших успехов было формирование общей идеологической платформы и программы, создание национального единства. Основной предпосылкой ее реализации оставалось устранение длившегося более полувека языкового раскола как выражения существования двух идеально-политических и конфессиональных течений в словацком национальном движении и их объединение на базе общенационального литературного языка.

Дальнейшее прогрессивное решение этой кардинальной задачи и связанного с ним вопроса о славянском целом и его структуре возможно было только на пути теоретического обоснования концепции национальной самобытности словаков и ее последовательного воплощения во всех сферах жизни словацкого общества. О том, как продвинулись на рубеже 1842-1843 гг. штуртовцы в теоретическом обобщении представлений о новой структуре славянского наднационального целого в их понимании словацкого единства и взаимности, свидетельствует письмо Л.Штура одному из ведущих представителей иллирийского движения Станко Вразу от 15 января 1843 г. В этом обширном письме, до недавних пор известном только коротким фрагментом, к тому же с неточным текстом (все письмо нашел и опубликовал Р.Ергань в 1969 г.)⁵, Штурт убеждает Враза в абстрактности самого имени "иллир" и, наоборот, в реальности национальных имен: хорват, серб, словенец, отражающих их существование как самобытных славян-

ских народов. Штур впервые целенаправленно объясняет и обосновывает свою новую концепцию славянства как высшего национального целого, как единства в разнообразии – "дух славянский в особенных племенах". По его мнению, все славянские племена имеют право на включение в славянский народ прямо, а не опосредованно, как часть других, больших и искусственно сконструированных племенных формирований. Ту же самую идею о необоснованности такого опосредованного включения отдельных славянских народов в славянское целое (хорватов, сербов, словенцев посредством "иллирийского" племени, словаков посредством чехословакского племени, которое было возможно только тогда, когда "народ дремал", высказал незадолго до этого в письме А.Г.Шкультетту И.М.Гурбан.

Равным образом этот вопрос, обсуждавшийся в рядах представителями младославацкой интелигенции уже с конца 30-х годов, был затронут в конце января 1843 г. в письме неизвестному адресату одним из активнейших членов штурковской братиславской "дружины" Л.Францизы⁶. Последний писал, что "наше племя по языку, нравам и задачам отличается от чешского и по сути само по себе племя". Францизы одновременно извещал в письме, что Л.Штур готовится по-новому объяснить "идею всеславянства" и выступить против "партикуляризма", под которым в кругу штурковцев понималось стремление либеральных представителей чешского и хорватского национального движений к политической гегемонии в духе зарождающейся концепции австрославизма.

Речь шла о сочинении Штура "Словацкое наречие или необходимость писать на этом наречии", над которым он начал работать еще во второй половине 1843 г., завершил в апреле 1844 г., а опубликовал в самом начале 1846 г. В нем на широкой теоретико-философской базе он обосновал принцип национальной самобытности словаков как особого равноправного народа со своим собственным литературным языком. Проблему национального обособления словаков, равно как и всех остальных славянских наций, и их отношения к высшему, наднациональному славянскому целому Штур разрешил пу-

тем творческого применения гегелевской диалектической теории отношения частей и целого и единства в многообразии. Сам Штур и его приверженцы понимали свою новую концепцию как дальнейшее развитие колларовской идеи славянской взаимности, но в исторической перспективе ее можно обозначить как диалектическое отрицание этой концепции в отличие, например, от простого отказа от нее у Карла Гавличека-Боровского. С Колларом штуровскую концепцию связывает и общая конечная цель, которой является прогрессивное развитие всего славянства и соответствующая интеграция его вклада в общую сокровищницу культурных ценностей человечества. Но по решению вопроса о структуре славянства, о взаимоотношении всех частей между собой и их отношении к целому как самобытных славянских народов в духе демократического принципа права на самоопределение, это была качественно новая концепция. Ее прогрессивное историческое значение состоит в том влиянии, которое оказало провозглашение права на национальное самоопределение на словаков и другие славянские народы, их тогдашние и будущие взаимные отношения.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Robert C. *Les deux Panslavismes*. 1846. Немецкий перевод Я.П.Йордана под названием: *Der zweifache Panslavismus. Die gegenwärtige Lage der slawischen Völker gegenüber von Russland*. Leipzig, 1847; *Prelog M. Slavenska renesansa. 1780-1848*. Zagreb, 1924; *Slovenská vzájemnosť. 1836-1936*. Praha, 1938; Kohn H. *Pan-Slavism. Its history and ideology*. Notre Dame, Indiana, 1953; Wollman F. *Slovanství v jazyko-věderním obrožení Slovanů*. Praha, 1968;

Колейка Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964; *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968; Ľudovít Štrúr und die slavische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969; 1969; Освободительное движение народов австро-венгерской империи. М., 1980-1981. Т. I-2; Mikulka J. *Slovanství a polská společnost v XIX století*. Praha, 1984; и др.

2. Tibenský J. "Barokový historizmus" a začiatky slovenskej slavistiky// *Štúdie z dejín svetovej slavistiky do polovice ce 19. storočia*. Bratislava, 1978, S. 93-124.

3. Rosenbaum K. *Safárikovo literarnovedného diela// Štúdie z dejín svetovej slavistiky...*, s. 222-234; Hroznencík J. *Význam Safárikovho diela pre národnú a politickú emancipáciu slovaských národov// Štúdie z dejín svetovej slavistiky...*, S. 237-258.

4. Matula V. Kollarovská a štúrovská konceptia Slovans-tva a slovanskej vzajomnosti // .Studie z dejín svetovej slavistiky..., S.259-288. В сокращенном варианте:
Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я.Коллара и Л.Штура // Сов. славяноведение. 1978.

№ 2. S.58-71
5. Slovenské pohľady. 1969.č.3, S.77-79.

6. Цит. по: Hodža m. Česko-slovenský rozkol. Príspevky k dejinám slovenčiny. T. Sv. Martin, 1920, S. 140-141.

Перевод М.Ю.Досталь

Т.ИВАНЫШИЛОВА

РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА ВО ВЗГЛЯДАХ СЛАВЯНОФИЛОВ

По проблеме "Россия и Европа" наиболее определенную позицию среди славянофилов занял К.С.Аксаков. В неопубликованном трактате "О восточном вопросе" (1854) он противопоставляет "аристократический Запад" и славянский Восток, проникнутый "духом кротости и мира". Главной отличительной чертой России по сравнению с Европой является, по его мнению, православная вера, присущая когда-то "почти всем славянам". Ненависть к России, с начала войны в Европе ставшая, по его представлению, "безмерной", проистекала из противоположности "начал славянского и западного миров". В военном конфликте он видит "борьбу за православную веру, за единоверных утесненных братьев-христиан".

Политические причины конфликта России с европейскими державами К.Аксаков видел в ее ясно определившейся православно-славянской миссии. Новым для европейской политики он считал осознание Европой той могучей политической силы, которую представляют собой симпатии славянских государств Европы к России. Цели русской политики он формулировал очень однозначно: "...провозгласить независимость всех славян и всех православных верующих в Турции" и освободить их². Прочный союз всех славян под верховным протекторатом России должен был стать результатом этой активной славянской политики. Однако наряду с южными славянами в сфере интересов России, по его мнению, должна быть и Центральная Европа. Ввиду того, что Австрия своей антируссской

позицией в годы войны "развязала России руки", Аксаков предлагал последней "исполнить" здесь призвание освободительницы единоплеменных и частью православных народов, присоединив конечно при этом к себе свое древнее достояние Галицию.

Многие из идей, высказанных в этой рукописи, были откликом на подъем патриотизма русского общества в период Крымской войны, который был присущ и славянофилам. Однако некоторые взгляды Аксакова свидетельствовали о развитии славянофильских идей в направлении к панславизму.

Традиционная славянофильская схема Россия-Европа приобрела в интерпретации К.Аксакова конфронтационный характер, отличавшийся радикализмом.

Аналогичный подход к пониманию России и Европы как двух непримиримых категорий пропагандировали уже в 40-е годы, т.е. задолго до начала военного конфликта представители консервативного направления русской общественной мысли Ф.И.Тютчев и М.П.Погодин.

В трактатах "Россия и Германия" и "Россия и революция", опубликованных в 40-х годах в Германии³, Ф.И.Тютчев анализировал политические отношения в Германии и Европе. Ясно проявившиеся там признаки нестабильности, он считал фактом, представлявшим угрозу для России. В особенности Австрийская монархия, более всех раздираемая внутренними противоречиями и усилившимися проявлениями национализма, представлялась ему государством, обретенным на неминуемый распад, и по этим причинам Центральная Европа должна была войти в сферу внешнеполитических интересов России.

Чрезвычайное значение Центральной Европы для русских интересов отмечал и М.П.Погодин. Изучение национальных отношений в Австрии привело его к убеждению о неизбежной активизации роли славян в ней. В своих панславистских мечтаниях об универсальной русской монархии Погодин, подобно Тютчеву, не обходил своим вниманием и вопросы европейской политики.

Аналогии во взглядах Ф.И.Тютчева, М.П.Погодина, с одной стороны, и К.С.Аксакова и славянофилов - с другой,

побуждают нас поднять вопрос, в какой мере их взгляды совпадали и в чем их различие.

40-е годы являются ключевым периодом в истории славянофильства, но они имеют также первостепенное значение и для понимания генезиса славянской концепции славянофилов. Источники, свидетельствующие о масштабах славянских увлечений славянофилов в этот ранний период, не очень многочисленны, но могут хотя бы в самых общих чертах дать понятие об особенностях восприятия ими национальных и политических проблем народов Австрии. Исходная ориентация во многом определила развитие взглядов славянофилов в 50-е годы и позднее. Подробный анализ этого начального периода, проливая дополнительный свет на малоизвестные стороны их деятельности, мог бы выявить и некоторые наиболее заметные отличия между системами воззрений славянофилов и русских консерваторов.

Книга, изданная Д.А.Валуевым в Москве в 1845 г. под названием "Исторический и статистический сборник о России и народах ей единоверных и единоплеменных", была одним из первых славянофильских сборников. Его особое значение в истории славянофильства до сих пор не вполне оценено. Значительная часть сборника была посвящена рецензиям работ по истории и культуре славян, что свидетельствовало не только об зрудии Д.А.Валуева, но и о прямой связи с европейской славистикой. Влияние идей славянского национального возрождения, по всей вероятности, было значительно большим, чем до сих пор предполагалось.

С точки зрения нашей темы наибольший интерес представляют статья А.С.Хомякова и введение Д.А.Валуева. Главной темой статьи последнего было отношение русской и европейской культур в исторической ретроспективе. Сравнение славянской и западноевропейской культур – сюжет достаточно распространенный в научных и публицистических работах деятелей славянского национального возрождения. Его можно рассматривать как часть процесса самоопределения и эманципации славянской культуры. В этой связи небезынтересно обратить внимание на то, что статья Валуева ограничивается

анализом влияния западноевропейской культуры на Россию только на уровне сопоставления. Неизбежное освобождение русской культуры от преобладающего западного влияния он понимает не как противопоставление, а как составную часть европейского культурного контекста. Констатация факта, что "с Европой мы разделены всем нашим прошлым" не приводит Валуева к отрицанию европейской культуры и науки, наоборот, он заключает свою статью надеждой на то, что разумный путь к прогрессу, который проложил Петр, не заастет травой⁴.

По мнению Валуева, анализировать характер русской культуры можно только с помощью более глубокого познания собственного русского, а также более широкого славянского прошлого. Термины "русский - славянский" у Валуева во многих местах тождественны - явление аналогичное тому, которое характерно для начала возрождения у австрийских славян.

Связь с источниками, послужившими импульсом для славянского национального возрождения, и славистикой в Австрии особенно явно проявилась в статье А.С.Хомякова. Хотя автор ссылается на П.И.Шафарика только в одном месте, но использование им результатов научного творчества последнего очевидно⁵. Статья "Славянское и православное население Австрии" является первой работой Хомякова, посвященной австрийской и центральноевропейской проблематике. По своему характеру она не выходит за рамки научно-статистических публикаций сборника, представляя собой компиляцию об этническом расселении жителей Центральной Европы на основе опубликованных статистических и этнографических материалов. Можно предположить, что проблемы, затронутые в статье, обсуждались в кругу славянофилов.

Важность этой статьи Хомякова определяется прежде всего избранной темой. Для выяснения взглядов славянофилов на положение славян в Австрии статья Хомякова имеет решающее значение. Здесь в первоначальном виде содержатся все те положения, которые славянофилы развивали впоследствии в отношении Австрии и австрийских славян в 50-60-е годы.

Само название статьи свидетельствовало об определен-

ной внутренней дисгармонии между принципом этнической или национальной принадлежности и вероисповеданием. С самого возникновения славянофильского кружка преобладающий интерес его членов к религиозным вопросам в Центральной Европе, где славянские народы были лишь "отчасти православными", как бы вступал в противоречие с этническим принципом. Статистическая аргументация не была для Хомякова самоцелью, но свидетельствовала о его интенсивном интересе к положению славянских народов в Центральной Европе, озабоченности перспективами сохранения их национальной самобытности. Акцентирование принципа этнической славянской принадлежности, таким образом, естественно, оттесняет на задний план религиозный принцип. Но и там, где Хомяков касается духовных проблем, существует связь с вопросами народности (использование русского языка в качестве богослужебного у венгерских русинов, критика национальной индифферентности католической церкви в Австрии и т.д.).

По мере того как славянофилы расширяли рамки своей собственной деятельности, национальный принцип приобретал у них все большее значение. Идейные контакты с Центральной Европой могли сыграть в этой связи важную роль.

Подобно Валуеву Хомяков в своей статье касается вопроса об отношении славян к народам Западной Европы только в культурной плоскости, с точки зрения участия тех и других в развитии цивилизации. Идея принципиального различия духовных принципов у славянского Востока, с одной стороны, и преимущественно католического Запада, с другой, столь характерная для доктрины славянофилов в ближайшем будущем, здесь еще не была выражена.

В вопросе о генезисе славянофильской концепции славянства нам представляется особенно важным то обстоятельство, что цивилизационно-культурные рамки идей, послуживших исходным пунктом для ее формирования, разительно отличались от преимущественно политического подхода к решению национальных проблем в Центральной Европе, характерного для позиций Ф.И.Тютчева и М.П.Погодина.

Авторы статей в сборнике Валуева явно избегали поли-

тических проблем. Поэтому и Хомяков в целом придерживался строгого научных рамок. О политических взглядах косвенно свидетельствует его отношение к австрийскому государству. Он считал, что возникновение последнего было связано только с расширением первоначального герцогства и ловкой династической политикой, что у Австрии отсутствовала объединяющая идея, будь то религиозная или национальная, которая должна быть присуща каждому государству; что Австрия представляет собой "единственный пример крупного государства без какой-либо определенной идеи"⁶. В рукописном наброске статьи, который отличается от опубликованного варианта более острыми формулировками, говорится о "случайном характере" такого государства⁷. Постепенный процесс германизации славян в Австрии, по его мнению, является скорее следствием преобладания немецкой культуры и цивилизации, "стародавнего влияния немецкого мира", чем сознательных усилий австрийского правительства.

Со статьи Хомякова начинается целая серия антиавстрийских выступлений в публицистике славянофилов, кульминация которых относится к периоду Крымской войны и второй половины 50-х годов. В своей антиавстрийской позиции Хомяков не был одинок. Подобные же взгляды высказывал и М.П.Погодин, в 40-е годы они были выражены в статьях Ф.И.Тютчева. Мечта о Центральной Европе, устроенной согласно национальному принципу, была у них, особенно у Погодина, в сравнении со славянофилами более конкретной. У славянофилов, однако, с самого начала проявлялось стремление анализировать внутренние проблемы Австрии, а не только ее позицию по отношению к Западной Европе и России. Уже в данной статье Хомякова можно найти зачатки дальнейшей направленности теоретических размышлений славянофилов об австрийском конституционализме. В рукописном варианте статьи Хомяков пишет об этом: "Австрия представляет собой образец современной западной государственности, которая заменила собой внутренние племенные принципы"⁸. Критика конституционализма наиболее сильно прозвучала у Ю.Ф.Самарина⁹.

Проблема положения славянских народов в государстве

западноевропейского конституционного типа в 50-60-е годы более всего занимала А.Ф.Гильберинга¹⁰. Последний развил дальше эту идею. В возрождении "славянских начал" у австрийских славян он видел одну из возможностей их сопротивления негативным последствиям западноевропейского конституционализма.

Восприятие славянофилами политических проблем Австрии через призму идеологических постулатов, существенно отличалось от определенных черт pragmatизма Ф.И.Тютчева и М.П.Погодина.

Эти различия во взглядах на Центральную Европу особенно проявились в период возникновения указанных концепций. Генезис идеологии славянофилов был связан с анализом культурно-цивилизационных принципов в истории России и Европы, о чем свидетельствуют и сборник Валуева и первые славяно-фильские сочинения. Поэтому и Центральную Европу они рассматривали как арену столкновения национальных славянских интересов, с одной стороны, и национальных немецких - с другой; в аналогичной обстановке возникали идеи национального возрождения у западных славян. Вопрос об австрийской государственности и перспективах ее дальнейшего развития не был для славянофилов главным в отношении к Центральной Европе. Основной упор они делали на сохранение национальной самобытности австрийских славян.

Распад Австрии с точки зрения их концепции, казался им неминуемым. Это положение явились не только исходным пунктом их рассуждений, но, одновременно, и актуально-политическим прогнозом. В этом славянофилы сходились с Тютчевым и Погодиным. Указанное мнение как реакция на обострение политического и национального кризиса в Австрии, относительно широко распространенное в русском обществе в 40-е годы, вновь начало высказываться в конце 50-х годов. Славянофилы этой идеи придерживались и после провозглашения австро-венгерского дуализма, когда политическая ситуация в Австрии стабилизировалась.

Славянский вопрос представлялся Ф.И.Тютчеву проблемой прежде всего политической, проблемой стабильности и равно-

весия в Центральной Европе. Публицистика Ф.И.Тютчева 40-х годов чутко реагирует на идеино-политические перемены в Европе. Распространение либеральных идей в западноевропейских землях, подъем национальных настроений в Германии и Австрии находят отклик в тютчевской концепции о миссии православной России в возрождении Европы. Вместе с Тютчевым выходит на русскую интеллектуальную сцену определенно выраженное противопоставление "духовной" России и "материальной" меркантильной Западной Европы, которой чужда подлинная религиозность. Концепция духовной миссии России была у Тютчева выражена в проекте задач русской заграничной политики в Европе, особенно Центральной. Произведенный им анализ политической ситуации в Германии и Австрии исходил из оценки значения Национальных движений. Ввиду того, что он предполагал нарастание кризисных явлений в этом регионе, необходимо было, по мнению Тютчева, активизировать русскую политику. Какую же позицию, по его представлению, должны были занять в этом европейском регионе, разделенном на православную Россию и революционно-либеральную Европу, австрийские славяне?

Тютчев, будучи консерватором, отрицал возможность распространения либеральных идей. Идею равноправия и для славянских народов он считал ложной в самой ее основе: Австрия как немецкое по своему характеру государство, не допустит уравнения в правах немцев и славян. Единственный выход для последних - ориентация на Россию. Славяне могут "...либо остаться славянами, сделавшись русскими, либо сделаться немцами, оставаясь австрийцами"⁹. Сближение с русскими, по мнению Тютчева, соответствовало бы интересам и славян, и России.

В позиции М.П.Погодина можно найти аналогии взглядам Ф.И.Тютчева. При оценке ситуации в Центральной Европе он также исходил из интересов России и с опаской смотрел на развитие европейского либерализма. Концепция Погодина была однако более "славянской". Он делал упор на "духовные свойства" русского народа с точки зрения восприятия им Европы, всячески подчеркивая национальные моменты. Из пу-

тешествий по славянским землям он вынес много детальной информации о развитии культуры, общественной жизни славян, об их национальных и политических требованиях. Можно предположить, что именно этот личный опыт во многом обусловил его ориентацию на национальные принципы. Его "idea Fix" стало создание единой славянской монархии, о чем он писал наследнику цесаревичу. Воодушевление славянским национальным возрождением, которое он щедро поддерживал, очень быстро переросло у него в ясную политическую концепцию панславизма. В оценках австрийской монархии и положения в ней славян он мало отличался от Тютчева. В его позиции однако очень явно звучали радикальные антиавстрийские нотки.

Сознание того, что Европа расчленена на две четко различимые отличные друг от друга духовные и национальные области, было положено в основу обеих концепций. Но, в отличие от концепции славянофилов, сформировавшейся в 40-е годы XIX в., Тютчев и Погодин считали противостояние России и Европы непримиримым, что, по их мнению, ясно выражалось в положении славян в Центральной Европе. Конфронтационные мотивы, присущие взглядам Тютчева и Погодина, имели аналогию только во взглядах К.Аксакова, на что мы указывали в начале статьи. Генезис взглядов славянофилов в 40-е годы свидетельствует о различных исходных пунктах их концепции по сравнению с представителями консервативного направления русской общественной мысли. Позиция К.Аксакова, как нам представляется, явно стоит особняком в русле развития идеологии славянофилов. Точки соприкосновения между славянофильством и панславизмом начали проявляться с конца 60-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГАЛИ. Ф.10. Оп.1. Ед. хр. 219.

2. Там же.

3. Подробнее см.: Лан Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х - начала 50-х годов // Тютчев Ф.И. Кн. I. Литературное наследство. М., 1988. Т.97. С.231-255.

4. Исторический и статистический сборник о России и на-
родах ей единоверных и единоплеменных. М., 1845.

5. А.С.Хомяков в тексте намеренно ссылается на австрий-
ские работы по статистике (А.Шпрингера), чтобы обосновать
свою объективность в национальном вопросе.

6. ОПИ ГИМ. Ф.І78. Ед. хр.І4.

7. Там же.

8. Подробнее о взглядах А.Ф.Гильфердинга см.: Ivantyšjno-
vá T. Češi a Slováci v ideologii ruských slavianofilov. Bratislava, 1987, S. 162-172.

9. Нольде Б.Э. Ю.Ф.Самарин. Париж, 1926. С.І76-І79.

10.Проект незаконченной работы "Россия и Запад" отно-
сится к 1848 г. Он был опубликован в указ. выше кн.:
Тютчев Ф.И. Т.І... Глава, посвященная Австрии, на с.221
(перевод М.Ю.Досталь)

З.С.НЕНАШЕВА

СЛАВЯНСКИЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Большинство ученых, занимающихся историей сложного комплекса межславянских отношений признают, что последняя четверть XIX в. представляет собой особый период в развитии идеологии славянского единства. Отмечается, что интерес к идее славянской общности с конца 70-х годов до начала нового столетия был незначительным. Подобное заключение, на наш взгляд, во многом носит объективный характер, хотя и не учитывает динамики внутренних перемен, происходивших в общественной мысли славянских народов в последние два десятилетия XIX в. Оно правомерно на фоне событий сопредельных периодов: с одной стороны, - 60-х годов и Восточного кризиса, когда славянский вопрос имел особую остроту и находился в центре внимания не только славян, но и Европы; с другой стороны, по сравнению с началом XX в., на которое пришелся размах неославистского движения. В таком контексте два последних десятилетия XIX в., не отмеченные какими-либо значительными широкомасштабными общеславянскими акциями, действительно представляют как время относительного затишья.

Прежде всего речь идет о процессах, проходивших в России. Роспуск в 1878 г. Московского славянского комитета

(наиболее активного из славянских обществ) привел к ослаблению работы и других общественных организаций, поддерживавших связи со славянами, к охлаждению интереса к славянскому вопросу у отдельных лиц, к отходу от активной политической деятельности многих славистов, публицистов.

Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, во главе которого встали князь А.И.Васильчиков (председатель), К.Н.Бестужев-Рюмин и В.И.Ламанский, преобразованное в 1877 г. из Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, заявило о себе как о неполитической общественной организации. По замыслу правительства, общество должно было стать преемником потерявших его доверие славянских комитетов, особенно в том, что касалось благотворительных дел, культурных и научных связей с зарубежными славянами.

Основным направлением деятельности С.-Петербургского славянского благотворительного общества в 80-90-х годах XIX в. по существу оставалось лишь поддержание литературных связей и книжного обмена со славянскими культурными центрами, а также отдельными деятелями. Значительно сократилась в конце XIX – первые годы XX в. материальная помощь славянам со стороны русских общественных организаций.

Вместе с тем, Славянское благотворительное общество в конце 80-х годов предприняло попытку организации крупной межславянской акции. Так, в 1889 г. оно "дало средства, утвердило программу" поездки по славянским землям, целью которой "был созыв общеславянского съезда". Мысль о подобном мероприятии "усердно" проводилась за год перед этим на фактическом съезде славян в Киеве. Здесь имеется в виду торжество по случаю 900-летия принятия христианства в России¹. Оуществить подобную миссию было доверено редактору газеты "Русское дело", уже не раз выполнявшему подобные поручения². На этот раз маршрут лежал через Варшаву, Познань, Мартин, Прагу, Вену, Любляну, Загреб, Будапешт, Нови Сад, Белград и Софию в Константинополь. Особое значение придавалось посещению Познани, встречам с местными деятелями, "наиболее к России расположенные и

наименее зараженными обычными польскими предрассуждениями"³. В Праге состоялось несколько продолжительных совещаний у Э.Грегра.

Многочисленные встречи и переговоры со славянскими лидерами показали незаинтересованность в созыве какого-либо общеславянского съезда, поскольку те не были уверены в целесообразности подобных мероприятий. Турне по славянским землям еще раз продемонстрировало слабость интеграционных процессов у славян. Характеризуя этот период, редактор "Русского дела" позднее писал, что "до японской войны... славянский вопрос теоретически казался очень далеким, а практически сводился на местные споры болгар и сербов в Македонии, словаков и венгров в Венгрии, сербов и хорватов в Боснии и на Приморье, да на культурную борьбу в Галиции и Чехии. Польша считалась мертвою, а та огромная культурная работа, которая шла внутри нее, не была никому ни нужна, ни интересна"⁴.

Многие здравомыслящие политики вынуждены были согласиться с положением, что "ни о какой общеславянской политике не могло быть и речи, пока у каждого славянина была перед глазами русская Польша". В свою очередь "и Болгария, и Сербия, и Чехия понимали и нимало того не скрывали, что идти вместе с Россиейpolitически значит рисковать в одну недобрюю минуту превратиться в "Привелтавский" или "Придунайский край" или Балканское генерал-губернаторство, погубить свою национальную самостоятельность и вступить в область административных подвигов русской бюрократии"⁵. Подобные настроения способствовали падению общественной активности даже наиболее преданных идеологов славянского сближения в России. По наблюдениям современников славянский вопрос, особенно в политическом звучании, "мало по малу угас совсем"⁶.

Примечательно, что позднее, на рубеже столетий, деятельность Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества в 80-е годы расценивалась "как лучшее время". Подобное мнение сформировалось на фоне очевидного упадка в 90-е годы, который затронул организационную структуру

общества, и, усиливаясь, продолжался вплоть до начала нового столетия. Особенно заметные разногласия, повлекшие раскол общества, возникли в 1899 г. Более деятельная его часть объединилась вокруг В.В.Комарова, который был избран председателем. Однако, как свидетельствуют материалы, хранящиеся в ЦГИА, "по просьбе австрийского правительства, последовала высочайшая отмена этого выбора, и вынуждшим членам предложено было вновь вступить в заведывание делами, а совету приступить к пересмотру устава общества".⁷

Пока не удалось найти официальное подтверждение этого демарша со стороны Австро-Венгрии в архиве МИД России. Приведенный документ бесспорно свидетельствует о том пристальном внимании, с каким австрийские правительственные сферы следили за казалось бы далекими от монархии изменениями в славянском движении за пределами своей страны.

Приход более активных политиков к руководству Славянским благотворительным обществом принимался как реальная основа для оживления славянского сближения. Очевидно, что многочисленные заявления о неполитическом характере этой организации воспринимались не более, чем умелое лавирование. Думается, что в европейском общественном мнении, особенно в монархии Габсбургов и Германии значение новой организации заметно переоценивалось, на ее восприятии сказывалась высокая оценка деятельности Славянских комитетов в России в 60-70-е годы.

Однако встает вопрос, насколько основательны были опасения австрийского правительства.

Снижение к концу века активности Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества обусловило появление нескольких проектов об учреждении новых организаций, авторами которых были наиболее деятельные его члены. Представляет интерес несколько таких инициатив. Сюда можно отнести нашумевший в 1899 г. проект А.Л.Боголюбова об основании "Общеславянской Матицы", которым предусматривалось создание общеславянской библиотеки, музея изящных искусств, художественных промыслов и кустарных изделий славянских народов, а также отделов этнографии, археологии, ну-

мизматики, специальных залов для проведения торжеств, и, что особенно примечательно, славянской гимназии и "славянского подворья"⁸.

Как видим, задумывалась широкомасштабная культурная акция, призванная содействовать делу просвещения, способствовать развитию науки и искусства, всей духовной жизни славянских народов. Однако аргументы для ее проведения были в значительной степени политическими. Об этом свидетельствуют материалы, хранящиеся в ЦПИА в фонде Ивана Петровича Корнилова, географа и историка, попечителя Виленского учебного округа.

При обосновании необходимости создания общеславянской Матицы ее сторонники в специальной записке указывали на серьезные изменения в славянском мире. "Парламентские неурядицы в Австро-Венгрии, обнаруживающие признаки настоящего государственного разложения", ставили "славянские народности этой монархии в невыносимое положение, в котором им закрывается всякий доступ к нациальному развитию", - говорится в одном из документов⁹. В то же время и во внутренней жизни России наблюдалось "значительное понижение в среде общества и даже народа всеславянского духа", "недостаточный уровень национального самосознания". Изменить существующее положение могло лишь "единение славян". Между тем, к концу XIX в. в славянском мире не было института, способного выступить с подобной инициативой. Ее могло взять на себя "учреждение, которое в форме библиотеки и музея всех славянских народов, было бы одухотворено живыми задачами по сближению славян и распространению славянских идей словом, живописью, музыкой, сценой". Наиболее "законным и естественным центром" представлялась Москва. Однако учитывая, что в это время средоточием политической жизни являлась столица, "неизбежным местом нахождения" общеславянской Матицы был избран Санкт-Петербург¹⁰.

В докладе совета Славянского благотворительного общества общему собранию общеславянская Матица рассматривалась как "наглядный показатель славянского единства и культурного развития всех славянских народностей", как

"мирное и исключительно культурное внутреннее дело" каждой из них¹¹. Что же касается времени создания подобной организации, то текущий момент был признан неблагоприятным по экономическим причинам, ибо в центре внимания российского общества было "облегчение положения народного бедствия от недорода". Между тем было очевидным, что главным, если не единственным, вкладчиком в фонд Матицы стали бы русские "как старшие братья в славянской семье, принимающие при этом почин в этом деле"¹².

Руководство общества сомневалось в реальной помощи со стороны славянских народов, поскольку даже "всегда отзывчивые к общеславянским чувствам чехи" все силы направили "на отстаивание своей самобытности перед натиском враждебных им культурных элементов", и поглощенные "внутренней напряженной борьбой", не были готовы на "материальные жертвы во имя общеславянской идеи"¹³. По мнению совета общества, тем более не было "позволительно" рассчитывать на жертвы со стороны более слабых, чем чехи, словаков, сербов-лужичан, словенцев, фактически не имевших "по крайней скучости существования и бесправности положения даже скромных очагов своей народности".

В таком контексте, прежде всего из-за отсутствия средств можно было пойти лишь на частичное осуществление проекта "в виде общеславянской библиотеки или этнографического музея". Для этого предстояло провести серию консультаций "с наиболее выдающимися представителями" славянских народов и найти приемлемое для них решение¹⁴. Однако организационная деятельность специальной комиссии, в состав которой были избраны 24 человека под председательством В.В.Комарова, разработавшей порядок предстоящих работ, не принесла реальных результатов¹⁵. В этой связи Д.Н.Вергун, говоря о причинах неудачи проекта, с горечью заметил: "Оскудел прежний дух любви и пожертвования"¹⁶.

Определенное идеологическое воздействие на трактовку славянского вопроса в конце XIX - начале XX в. оказала "Славянская беседа", стремившаяся "к выработке нового славянского мировоззрения"¹⁷. Она задумывалась как "сла-

вянофильский студенческий кружок", объединявший студентов высших учебных заведений. По мнению Д.Н.Вергуна, эта мысль в 1892 г. была осуществлена лишь благодаря "энергии двух молодых славистов И.В.Каменского и Г.А.Ильинского". Как было заявлено, целью "Славянской беседы" являлось "собирать студенчество для научно-литературных собеседований по славянским делам"¹⁸.

С самого начала она поддерживала тесные связи со Славянским благотворительным обществом. Последнее оказывало Беседе и материальную помощь. После прихода на пост председателя Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества В.Н.Кораблева деятельность "Славянской беседы" стала сужаться, пока наконец в 1902 г. совершенно не прекратилась¹⁹. Благодаря инициативе Г.А.Ильинского для участия во встречах, организуемых Беседой, удалось привлечь славянских студентов. Фактически ее члены составили костяк сотрудников журнала "Славянский век", первый номер которого вышел в Вене на русском языке в июле 1900 г. Речь идет об уже упоминавшихся Ильинском и Каменском, выступивших с "Тезисами панславизма"²⁰, поляке Р.Г.Пржевальском, обратившем внимание читателей на проблему русско-польских отношений в статье "Долой отжившие девизы"²¹.

Очень мало, по оценкам его критиков, сделало Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество и для исполнения статьи Устава, предоставлявшей ему право открывать свои отделы в других городах России.

Как известно, Московское Славянское благотворительное общество, преобразованное в 1877 г. из Московского славянского комитета, просуществовало недолго. В 80-е годы не раз предпринимались попытки его восстановления. Так, в 1885 г. Н.П.Дурново по поручению И.А.Аксакова обратился с просьбой в Санкт-Петербург "подвинуть дело в возобновлении общества" по случаю 1000-летия со дня кончины Мерфодия. Другим аргументом было то обстоятельство, что "общество оставалось закрытым, когда его отделения продолжали существовать"²².

В 1889 г. по инициативе графа Н.П.Игнатьева было основано Чопечительство над славянским студенчеством в Москве. Однако свою деятельность оно ограничивало сбором средств для поддержания студентов. Это послужило основой для критики со стороны наиболее активных членов, тем более, что за 1889-1891 г. было собрано 3195 руб., из которых всего лишь около половины было израсходовано на обозначенные цели.

В 1893 г. в Москве основывается Славянское вспомогательное общество, первым председателем которого стал А.С.Вишняков. Превращение же "малочисленного кружка благотворителей в видный общественный фактор", несмотря на желание его нового председателя А.И.Череп-Спиридовича, так и не произошло. Хотя благодаря его инициативе, денежным взносам, число членов и средств общества действительно стало расти, оно никогда не было массовым. Так, если в 1900 г. в его составе было 90 чел., то в 1901 г. - 376, в 1902 - 490, в 1904 - 640. Членские же взносы выросли с 340 руб. в 1901 г. до 7247 руб. в 1904 году²³. Весьма показательны сведения и о денежном обороте. Он также заметно увеличился: с 2640 руб. до 21102 руб., а сумма выдачи пособий с 275 руб. до 3227 руб. к I января 1904 г.

Приобрела новые формы и общественная деятельность этой организации, поскольку довольно регулярно, особенно в начале века устраивались специальные "Славянские среды", на которых читались доклады и рефераты с участием славянских ученых, общественных деятелей, русских славистов, высказывавшихся за сближение славянских народов. Так, например, известный историк литературы, языковед Р.Ф.Бранд выступил с докладом о Яне Колларе - идеологе славянского единства²⁴. В этой связи примечательно определение общества Д.Н.Вергуном как кружка, стоявшего "на почве практического славяно-фильства", сумевшего "приобрести среди славян сочувствие и популярность, занимаясь главным образом практической славянской взаимностью"²⁵.

Как свидетельствуют документы, при Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе действовало и

"Чешское вспомогательное общество в Санкт-Петербурге". Оно было основано в 1877 г. "для оказания помощи приезжающим неимущим чехам и для охраны чешской колонии от о немечивания". Это было своего рода объединение чешских патриотов, служившее центром сборов на чешскую Школьную матицу и "другие национально-оборонительные мероприятия", из его недр вышел и петербургский отдел чешского "Сокола"²⁶. В качестве пояснения, можно заметить, что чехи в 1900 г. организовали в Санкт-Петербурге "Велосипедно-атлетическое общество", которое и было преобразовано 27 марта 1903 г. в общество "Север". Примечательно, что оно руководствовалось тем же уставом, что и чешский "Сокол"²⁷.

О потере всякого доверия со стороны общественности, политических кругов в конце 80-х годов сообщал И.Наумович, председатель Киевского славянского общества, преследовавшего цель оказывать "нравственную и материальную помощь славянским братьям". Отсутствие необходимых средств (их хватало лишь на несколько пособий для студентов) все больше ограничивало масштабы деятельности этой организации. В сфере ее интересов оставались австрийские славяне, и то лишь "преимущественно Червонная Русь и словаки, которые собственными силами не в состоянии бороться с окружающими их враждебными элементами"²⁸.

В 1900 г. Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество было передано в ведение министерства внутренних дел, что не способствовало его идейному обновлению. В том же году был изменен устав общества, первый параграф которого теперь гласил, что "общество имеет целью содействовать развитию славянской взаимности и духовному единению славян с Россией". Официально на протяжении длительного времени, несмотря на появление новых председателей, оно оставалось верным этой традиции. Об этом свидетельствует заявление, сделанное председателем общества Н.П.Игнатьевым в 1905 г.: "Политикой мы не занимаемся – она всецело принадлежит правительству"²⁹.

Заметно сузилась публицистическая деятельность славянских обществ. Так, в 1884 г. прекратил свое существование

научный орган "Славянский ежегодник", издание Киевского Славянского общества.

Печатный орган Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества из-за отсутствия единства взглядов в редакции, необходимых финансов, узкого круга читательской аудитории, подвергался неоднократной реорганизации. Выходившие с 1883 г. как ежемесячник под редакцией К.Н.Бестужева-Рюмина, Н.Н.Страхова, В.И.Ламанского "Известия Славянского благотворительного общества" не завоевали популярности. В 1887 г. редактором стал В.И.Ламанский, но это также не спасло положения.³⁰

"Славянские известия", во главе которых встал В.В.Комаров, "единственное ответственное лицо и перед правительственные установлениями и перед русским обществом за выбор статей, направление их и характер" были призваны служить "высокой идеи братского единения великого славянского народа". Они заявили о себе как еженедельник в 1889 г.³¹ Однако уже в 1891 г. редакторство нового издания - "Славянское обозрение" принял А.С.Будилович. С 1892 г. оно стало выходить лишь ежемесячно³², в 1894 г. под редакцией И.С.Пальмова увидел свет всего лишь I том.

Вновь "Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества" появились в 1902 г. в совершенно иной общественно-политической атмосфере в России и в славянских землях. Причем и в начале XX в. раздавались серьезные возражения против издания "Славянских известий" (1904-1915), по-прежнему не имевших широкого распространения ни среди русских, ни среди славян, но поглощавших средства общества. Высказывались предложения в пользу "более производительных изданий", какими представлялись грамматики и хрестоматии по русскому языку, специально подготовленные для славянских стран³³.

Надо иметь в виду, что "полуофициальный характер" славянских обществ, "невнушающий к ним особого доверия", традиционно рассматривался в качестве одной из главных причин равнодушия, общественной к ним антипатии. Не менее существенным было критическое отношение к их направлению, "зак-

васке", то, что "порожденные славянофильским движением", они во многом оставались верны ему. Один из известных неославицких деятелей В.В.Владимиров позднее объяснял бесцветность 35-летнего существования славянских обществ в России тем, что "славянофильский лозунг "православие, самодержавие, народность" никогда не пользовался широким общественным сочувствием". Более того, как рецепт он оказался непригодным даже для внутреннего употребления, а для сферы внешних сношений отрицательное значение его было очевидным.³⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отдел рукописей Библиотеки Академии наук Украины / далее ОР БАН УР/. Ф.У. Д.2122. Папка I. Л.І.
2. Подобные поездки предпринимались им в 70-е годы, а также по поручению Аксакова в августе 1885 г. в Варшаву. - ОР БАН УР/. Ф.У. Д.2122. Папка I. Л.І об.
3. Там же.
4. Там же, л.2.
5. Там же, л.2 об.
6. Там же.
7. Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА). Ф.909. Оп.І. Д.385. Л.І-2. Д.388. Л.46.
8. ЦГИА. Ф.909. Оп.І. Д.388. Л.52-53. Надо заметить, что проект "Общеславянской Матицы" 1899 г. обсуждался вместе с запиской профессора В.В.Богилича "Об устройстве Славянской библиотеки при Одесском славянском благотворительном обществе", подготовленной им еще в 1870 г. Об этом см.: Ленинградский государственный исторический архив (далее - ЛГИА). Ф.400. Оп.І. Д.902. Л.7-20.
9. ЦГИА. Ф.970. Д.508. Л. 2 об.
10. ЛГИА. Ф.400. Оп.І. Д.1745; ЦГИА. Ф.970. Д.508. Л.4.
11. ЛГИА. Ф.400. Оп.І. Д.902. Л.27-27 об.
12. Там же. Л.28.
13. Там же. Л.28 об.
14. Там же. Л.28-30.
15. Там же. Ф.400. Оп.І. Д.947. Л.5-6.
16. ЦГИА. Ф.909. Оп.І. Д.388. Л.53.
17. Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С.54.
18. ЦГИА.Ф.909. Оп.І. Д.388. Л.55.
19. Там же. Ф.909. Оп.І. Д.385. Л.4.
20. Славянский век. № 59.
21. Славянский век. № 50-54.
22. ЛГИА. Ф.400. Оп.І. Д.571. Л.І-2.
23. ЦГИА. Ф.909. Оп.І. Д.388. Л.36.
24. Там же. Л.57.
25. Там же.
26. Там же. Л.55.
27. Там же. Л.9.
28. ЛГИА. Ф.400. Оп.І. Д.902. Л.37-37 об.
29. Славянские известия. 1905. № 5/6. С.520.

- 30 ЦГИА. Ф.909. Оп.1. Д.385. Л.1
31 Славянские известия. 1889. № 1-2. С.2.
32 ЦГИА. Ф.909. Оп.1. Д.385. Л.1.
33 Там же. Д.388. Л.53.
34. Одесский областной исторический архив. Ф.161.
Оп.1. Д.113. Л.26 об.

Е.Ф.ФИРСОВ

Й.Ю.ШТРОССМАЙЕР – ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ СЛАВЯНСТВА И МЕЦЕНАТ ЮГОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Деятельность Штроссмайера как мецената специально не освещалась в советской историографии. В то же время именно в формировании нового центра развития культуры, ее институциональной сферы заключается огромный вклад этого бесспорно выдающегося югославянского деятеля в развитие югославянской (и хорватской прежде всего) культуры.

Необходимость осмыслиения этого аспекта деятельности Штроссмайера возникла в ходе подготовки и чтения спецкурса по истории культуры зарубежных славянских народов Австро-Венгрии последней трети XIX – начала XX в. на кафедре истории южных и западных славян Истфака МГУ им. М.В.Ломоносова.

Проблема отношения Штроссмайера к славянству и к России будет затронута в основных чертах лишь применительно к его зрелому периоду. Целесообразно также рассмотреть вопрос о восприятии и оценке современниками вклада Штроссмайера-мецената, основанием для чего послужило изучение архивных материалов (хорватского происхождения), хранящихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, а также опубликованного еще в межвоенный период эпистолярного наследия Штроссмайера, его речей и выступлений (в издании В.Кошчака) и появившегося в середине 80-х годов в Загребе издания переписки Штроссмайера с Ц.Кваренги-Тондини (в основном на французском языке) и др. В определенной мере деятельности Штроссмайера посвящены работы хорватских историков М.Гросс, Чрни З., Я. Шидака, Х.Сиротковича, К.Милутиновича и др., а в советской

историографии – И.И.Лешиловской, В.И.Фрейдзона, И.В.Чуркиной.

В русской общественной мысли рубежа XIX–XX вв. вклад Штроссмайера оценивался весьма высоко; его называли "одним из самых выдающихся хорватских политиков, который выступал горячим сторонником федералистского начала и вместе с тем прав хорватского народа"¹. В России Штроссмайер по праву считался "ревнителем и печальником" своего народа, проводником его духовного возрождения. "Славянские известия" о нем писали: "Когда со стороны австрийского правительства усиливались притеснения, и хорватские патриоты постепенно теряли бодрость и веру в свою идею, Штроссмайер не падал духом и с беспримерной горячностью начал просвещать народ, возбуждать в нем чувство сознания и любви к своей родине. Молодой епископ отлично понял, что только в простой массе почивает народная мощь, которую необходимо вызвать из нее, открыть миру. Как человек недюжинный, с непоколебимой во- лей, разумеющий свои священные обязанности к обществу. Он употребил все усилия и все свое имущество на нравственное и просветительное развитие народа... (подчеркнуто нами. – Е.Ф.). Со знаменем "Все за народ" он будит в народе сознание, прививая в нем надежду на лучшую будущность. Своим примером он увлекает за собой большинство хорватского и словенского духовенства, которое по его примеру распространяет просвещение и вливает патриотические чувства в сердце своего народа"².

Штроссмайеру было суждено пройти необычный путь от прониначически лояльно настроенного придворного священнослужителя до общественно-политического деятеля крупного масштаба честных, смелых и для своего времени даже радикальных устремлений. Неудивительно, что его деятельность так высоко оценивалась уже современниками и оценивается по достоинству в современной (и не только хорватской) историографии. Приходишь к выводу, что Штроссмайеру со всей очевидностью удалось преодолеть ограниченные рамки мировоззренческих представлений, свойственных определенным кругам духовенства, и подняться выше своей среды.

В литературе активизация деятельности Штроссмайера обычно датируется 60-ми годами XIX в., однако незаметная подготовительная работа велась им уже в 40-50-е годы.

После революции 1848-1849 гг. у Штроссмайера была возможность посвятить себя профессорской стезе (он одно время преподавал в Венском университете), однако свой выбор он сделал в пользу Дьяковской митрополии. Сам он свое назначение епископом в Дьяковскую митрополию в 1850 г. расценивал чуть ли не единственным завоеванием своего народа в революции, поскольку считал, что впервые назначен свой "народный епископ". Штроссмайер был глубоко убежден, что на этом посту ему удастся "намного больше сделать для своего народа и обеспечить ему лучшее будущее, раз настоещее его так беспросветно"³.

Вокруг Штроссмайера (и его сподвижника Рачки) в хорватских землях формировался видный общественно-политический, культурный и меценатский центр, начиная уже с периода т.н.баховского абсолютизма.

Из переписки Штроссмайера можно заключить, что вопрос о необходимости открытия Загребского университета ставился им перед венскими властями вскоре после революционных событий 40-х годов. Проблему обеспечения кадрами (из-за нехватки своих специалистов) нового учебного заведения Штроссмайер предлагал решить за счет привлечения на первых порах "братьев-чехов, мораван и краинцев".

В свои планы осуществления значительных культурно-просветительных предприятий Штроссмайер посвятил Рачки. Под влиянием контактов с Кукулевичем-Сакцинским и Шафариком Рачки-богослов все более активно включается в изучение проблем югославянского прошлого. И Рачки, и Штроссмайер как бы были созданы для энергичной просветительской деятельности среди своего народа. Штроссмайер смог активно включить Рачки в работу по созданию институциональной сферы народного просвещения и культуры, направляемую из епископской резиденции.

Меценатство Штроссмайера в первые годы епископства было ориентировано прежде всего на Хорватскую матицу,

ставшей важным культурно-просветительным центром и литературно-издательским фондом. Матица способствовала изданию в Хорватии прежде всего литературы для простого народа на родном языке, а "не на потребу ученых слоев общества"⁴. Благодаря многогранной поддержке Штроссмайера Матица как просветительская организация постепенно набирала силу. Хорватская общественность с удовлетворением приветствовала появление в лице Штроссмайера крупного мецената, его заботу о духовном развитии своего народа, оставленного "в небрежении своими вельможами"⁵.

С созданием в 1859 г. "Общества югославянской истории и старины" появились предпосылки для развития современной хорватской историографии. До того, как отмечал русский славист Т.Д.Флоринский, это направление оставалось в застойном положении, литература питалась в основном содержанием латинских и немецких трудов, а настоящие научные исследования были редки⁶. Все начинания Исторического общества, ограниченного в средствах, находили поддержку Штроссмайера. В одном из своих писем председателю Общества Кукулевичу в октябре 1859 г. он писал: "...Без истории мы блуждаем в потемках. Следует внимательно учиться у прошлого как поступать и вести себя, чтобы дожить до лучшего будущего. Я одобряю Ваши намерения опубликовать источники, которые бы прояснили наше прошлое... Я решил пожертвовать на это 5 тыс. форинтов. Если наступят лучшие времена, смогу помочь и более"⁷. А вскоре Рачки сообщал Кукулевичу, что епископ-меценат предоставил еще 20 тысяч⁸.

К началу 70-х годов относится дар Штроссмайера в 50 тыс. форинтов на организацию Югославянской Академии наук и искусств с мотивировкой создать на славянском юге единый научный центр. Еще в 1861 г. речи на хорватском Саборе Штроссмайер подчеркнул необходимость создания университета и Академии, считая себя в этом отношении "в неоплатном долгу перед народом". Он исходил из того, что в современном развитии общества верх берут не материальные, а духовные блага. "У молодежи нет достаточных средств учиться за границей. Кроме того, зачастую лучшие умы там

утрачиваются для народного дела. Пребывание в юном возрасте за границей ведет к отчуждению от своего народа"⁹, — так обосновывал Штроссмайер задачу открытия своего университета в Загребе.

Замыслы воплотились не сразу, Академия открылась в 1867 г. В ее работу наряду с хорватами активно включились сербы и словенцы. Рачки и Штроссмайера не разделяли в духовной жизни хорватов и сербов, словенцев и болгар, а развитие каждой из литератур приветствовалось, независимо от того, где появилась та или иная книга.

Деятельность Академии способствовала решению текущих культурно-просветительных и общественно-политических задач, духовному развитию славянства в целом. Неиссякаемая моральная и материальная поддержка Штроссмайера сопутствовала всем начинаниям Югославянской Академии, благодаря ему формируется ее библиотека и архив. Сам Штроссмайер передал Академии ценные рукописи югославянского происхождения. При его помощи в начале 60-х годов возникла Далматинская Матица с центром в г. Задаре, также способствовавшая развитию славянской культуры и национального самосознания.

Имея в виду прежде всего деятельность Рачки и Штроссмайера, русские "Славянские известия" за 1891 г. писали: "...Хорватские патриоты принялись за просвещение народа и развитие народной литературы в ожидании того, что посредством продолжительного, тяжелого и постепенного труда возвратится, наконец, определенное им историей назначение. Благодаря такому упорному труду и стремлению к просвещению, в настоящее время Хорватия представляет собою цветущую страну, в которой народное сознание растет с каждым днем и сеет в сердцах хорватских патриотов немеркнущие надежды"¹⁰.

Первостепенной задачей Штроссмайер считал необходимым сохранить моральные и материальные силы народа в нелегкие времена и использовать любую возможность для создания более благоприятных условий. Уже в 70-е годы Штроссмайер считал, что из-за своей недальновидной политики Австро-Венгрия идет к развалу.

Штроссмайер развернул огромную подготовительную работу по организации Загребского университета и, начиная с 60-х годов, делает ряд существенных взносов, послужив примером для других патриотически настроенных кругов. Образцом на ниве материального и духовного просвещения Штроссмайер и Рачки считали чехов, что отражено в их переписке. "Вот чехи — столького добились с тех пор, как взялись за отставление интересов своего народа"¹¹, — воскликнул в одном из писем (1870 г.) к Штроссмайеру Рачки.

Открылся университет в Загребе в 1874 г. Именовался он югославянским, как бы в доказательство того, что несмотря ни на что, Штроссмайер не отказывался в перспективе от идеи тесного содружества всех югославянских народов. Лишь благодаря Штроссмайеру, его выступлениям в хорватском Саборе и в Вене, дело основания университета сдвинулось с мертвой точки. В год открытия в его фонд поступили значительные финансовые средства от самых широких слоев народа. На первых порах деятельности этого высшего учебного заведения самым большим было число студентов-теологов, затем шли философы, фармацевты и лесоводы, обучавшиеся на отделениях философского факультета¹². Но предстояла еще упорная борьба за признание (нострификацию) диплома Загребского университета на территории австрийских земель, чтобы его выпускники получили право трудоустройства не только в венгерской, но и в австрийской части монархии. Данные хорватских историков о национальном составе студентов не позволяют нам судить о воплощении на практике "общегославянского" характера университета¹³.

Не достаточно исследованным является вклад Штроссмайера в дело организации научной стажировки молодого поколения хорватской интелигенции в европейских культурных центрах. Этот вклад представляется огромным уже на основе материалов корреспонденции Штроссмайера и Рачки. Вспомним поддержку скульптора Кршичного и многих других деятелей хорватской культуры, которая осуществлялась Штроссмайером посредством учреждения в Риме научного общества св.Иеронима. Общество развернуло важные изыскания в архиве Ватикана

по хорватской и югославянской истории.

Своебразным хобби Штроссмайера было коллекционирование картин старых мастеров, прежде всего итальянской школы, причем с изначальной установкой на воспитание художественного вкуса народа. Его коллекция была передана безвозмездно Югославянской Академии наук и искусств¹⁴. Она включала более 250 полотен известнейших европейских мастеров (Фра Анжелико, Медулича, Тициана, Тинторетто, Веронезе и др.). Торжественное открытие на ее основе Загребской картинной галереи состоялось в ноябре 1884 г. (хотя решение о передаче коллекции Академии было принято Штроссмайером еще в середине 70-х годов) это событие стало всенародным праздником и радушной встречей-благодарностью своему меценату, на которой Штроссмайер подчеркнул, что "не хлебом единим жив человек"¹⁵. Народ не должен думать лишь о материальной стороне жизни и своей трудной доле. По словам Штроссмайера, не выжить народу, не способному ценить науки, знания и искусства; между верой и знаниями не должно быть непреодолимых противоречий¹⁶.

Благодаря усилиям Штроссмайера, страстно желавшего сделать Загреб своеобразной "хорватской Флоренцией", этот город, подобно Праге, Кракову и др., превратился к концу XIXв. в крупнейший центр развития славянской культуры и образования в этом европейском регионе.

На протяжении всей своей деятельности Штроссмайер питал чрезвычайный интерес к славянству. Он знал славянские земли не понаслышке, так как много путешествовал. Впечатления от поездки в 1874 г. по Европе, включая славянские земли, Штроссмайер изложил в своих путевых заметках (*Путописне цртице*). С большой симпатией он писал о чехах и их метрополии: "Прага производит впечатление своей какой-то праздничной деловитостью, что порождает в человеке радостные чувства надежды и трудолюбия, которыми и озарены лица всех пражских деятелей"¹⁷. В свой краткий (последний) приезд в 1874 г. в Прагу он посетил чешских политиков Цайтхаммера, Скрайшовского и сожалел, что не увиделся с Палацким¹⁸. Большой интерес Штроссмайера, судя по заметкам, выз-

вали и лужицкие сербы.

Но, как явствует из его необъятного творческого наследия, и прежде всего из корреспонденции, Штроссмайера особенно волновали судьбы славянства в целом. В переписке с Кваренги-Тондини (1877 г.) он делал вывод, что "сильные мира сего неблагосклонно настроены к славянам и их обоснованным требованиям. Этим я весьма огорчен, но не падаю духом, и буду добиваться осуществления своих намерений"¹⁹. В том же году Штроссмайер пишет Кваренги-Тондини о "неприязни к славянам", которой, как он склонен считать, подвержен и папа римский²⁰. В письмах к Кваренги-Тондини в конце концов появился выстраданный вывод Штроссмайера о том, что "все питают ненависть к славянам" (во французском оригинале: "к славизму". - Е.Ф.)²¹.

Подобные радикальные взгляды Штроссмайера оформились не сразу и не на пустом месте, и свидетельствовали о его крайней озабоченности судьбами славянства.

В отношении к России он постепенно преодолевал некритичное русофильство и подчеркивал разницу между правящими кругами страны и ее народом. Неоднократно с большой теплотой он отзывался о русском народе, считал его мудреем собственного правительства и дипломатии. Его позиция формировалась бесспорно под влиянием Рачки, совершившего поездку в Россию. Во многом их взгляды совпадали или дополняли друг друга. Рачки писал Штроссмайеру из России в 1884 г.: "Стоит посмотреть Россию, и в отношении прошлого она постоит за себя... Должен сказать, что все виденное мною многое превосходит мои представления. Хотя бы эти необыкновенно огромные размеры... Повсюду видишь чисто народный тип..."

Русские правители наделали довольно ошибок, но в будущем их устранит и исправит народ. При таком просторе и большие ошибки и погрешности исчезают"²².

Остановимся теперь на откликах современников о меценатской деятельности Штроссмайера. В какой-то мере об этом можно составить представление по письмам хорватской молодежи, обучавшейся в Вене. Они хранятся в ОПИ ГИМа,

однако ушли из поля зрения исследователей, так как вместо фонда Раевского случайно оказались в отдельной коллекции Цепкина. Причем среди писем студента Томича нами были обнаружены два письма в архиве совсем другого адресата, не Томича, а Петара Петровича, также обучавшегося в Вене хорватского студента. Пристальное внимание следует уделить одному из этих писем, более содержательному.

Большую часть его занимают просьбы об оказании помощи со стороны Славянского благотворительного Комитета, как материальной, так и обеспечению литературой на русском языке (в перечне, в частности, запрашивались работы русских историков-славистов, в том числе Ламанского и др.).

Весьма неординарными были взгляды П.Петровича на славянский вопрос. Петрович был убежден, что "руssкие и юго-славяне нуждаются друг в друге", "мы нужны вам, а вы еще в большей степени нам..."²³. Однако был сделан нерадостный вывод, что "эта необходимость не осознается ни у нас, ни у вас" и выражалось опасение, что место России на Балканах в таком случае будет занято другими странами.

Петрович обращался к М.Ф.Раевскому с просьбой - со-действовать организации преподавания русского языка в Вене, в Загребе и в других центрах славян непосредственно русскими учителями. Он писал: "Русский язык, если абстрагироваться от политики, по природе, по составу, исходя из здравого смысла призван и определен провидением заменить у славян немецкий... Только с помощью литературы можно развеять предрассудки о России и русском "варварстве"... , чтобы дать возможность молодым и старым, большим и малым приобщиться к славянской культуре. Мое желание, чтобы русский язык у славян занял то место, которое к нашему стыду занимает немецкий. Если мне кто-либо возразит, что нужно опасаться русизма, раз изучается русский язык, я возражу: почему я не опасаюсь швабизма, зная немецкий. Это совсем другое дело, ведь русский - брат, а немец - нет"²⁴.

Петрович предлагал упрочить взаимный союз с Россией, чтобы способствовать "общему делу свободы и развития человечества". Следовало добиваться, по его мнению, чтобы

в России к власти пришли славянофилы; необходимо только, чтобы "русские проявили себя также славянами"²⁵.

Надеясь на расширение содействия в развитии югославянского образования и культуры со стороны России, Петрович восторженно отзывался о меценатском вкладе Штроссмайера. Штроссмайер был для него примером настоящего меценатства: "Вот владыка Штроссмайер только один хорват - но столько им сделано"²⁶. Петрович приводил в письме данные (на наш взгляд, завышенные. - Е.Ф.) о размере помощи Штроссмайера: "За период с 1850 по 1870 г. этот меценат внес более одного миллиона помоши... Могут ли сравниться со Штроссмайером ваши Демидов или Долгорукий?"²⁷

Отклики современников, содержащие высокую оценку меценатского вклада Штроссмайера, имеются также в периодике. Однако ограниченный объем работы не позволяет подробнее рассмотреть этот аспект. Можно лишь сделать общий вывод о прижизненном народном признании вклада Штроссмайера в становление и развитие хорватской и югославянской культуры. За свою долгую жизнь щедрым систематичным меценатством и активной поддержкой институциональной сферы культуры Штроссмайер вполне реализовал свой высокий долг перед своим народом.

Штроссмайеру принадлежит блестящее определение истории, приведем его в заключение, поскольку оно также во многом характеризует его личность: "История не есть легенда, она не лепится подобно глиняным горшкам. Ее можно сравнять скорее с алмазом, который оставляет неизгладимые следы. История не может быть ни католической, ни англиканской ни кальвинистской, ни лютеранской, ни греческой, ни армянской, ни ультрамонтанской. История выше всех попыток извратить ее смысл. Вам не удастся исказить исторические факты, точно так же, как вынув из Колизея камушек, не сможете ниспровергнуть через это колоссальное здание"²⁸.

В нынешние времена обострения в Юго-Восточной Европе этнических, межнациональных и конфессиональных расприй звук Штроссмайера звучит как нельзя более актуально и предсторегающе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Погодин А.Л. Славянский мир. М. 1915. С.286.
- 2 Славянские известия. 1891. С.656.
- 3 См.: Smičiklas T. Nacrt života i djela J.J.Strossmayera. 4. 1906, S.8.
- 4 Gross M. Počeci moderne Hrvatske. Zagreb. 1985. S.409.
- 5 Там же. С.417.
- 6 Флоринский Т.Д. Жизнь и труды Фр. Рачкого, первого председателя югославянской академии. Киев. 1895. С.127.
- 7 Šišić F. Korrespondencija Rački-Strossmayer. I. Zagreb. 1928. N 313. 7. listopada. 1859.
- 8 Там же. N 304. 28 svibnja 1859.
- 9 Govor J. J. Strossmayera u Hrvatskom Saboru od 29 travnja 1861. In: Spomenica u povodu proslave 300-godišnjice sveučilišta u Zagrebu. I.-Zagreb, 1969. S 336-340.
- 10 Славянские известия. 1891. С.656.
- 11 Šišić F. Korrespondencija... N 113. S.98.
- 12 Šidak J. Sveučilište do kraja prvoga svjetskog rata// Spomenica u povodu proslave... S.115-118.
- 13 Там же. ^{ЭТОМ:}
- 14 См. подробнее об Sirotković H. O liku Josipa Juraja Strossmayera pokrovitelja jugoslavenske akademije znanosti i umetnosti. Zagreb, 1980.
- 15 Govor J. J. Strossmayera. Otvorenje galerije slika// Koščak VI. J.J.Strossmayer - F.Rački. Politički spisi. Zagreb, 1971. S.240.
- 16 Там же. С.243.
- 17 Putopisne crtice// Smičiklas T. Nacrt života i djela J. J. Strossmayera.. Zagreb. 1906. S.332-338.
- 18 Там же. Сведения о других посещениях Праги Штросмайером см.: Šestak M. Josip Juraj Strossmayer// Slovenský přehled. N 6. 1990. S.522-528.
- 19 Korrespondencija: Josip Juraj Strossmayer - Cesare de Quarenghi Tondini. Zagreb, 1984. S.147-149.
- 20 Там же. С.149. 1867, 25. kolovoz.
- 21 Там же. С.147. 1887, 6 svibanj.
- 22 Цит по: Флоринский Т.Д. Жизнь и труды... С.122.
- 23 Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея. Ф. 418. Коллекция Щепкина. Письма хорватских студентов, обучавшихся в Вене, М.Ф.Раевскому. Письмо Петара Петровича. 20 октября 1870 г.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Штросмайер-Дёлингер. Папская непогрешимость. Сергиев Посад. 1914. С.13-14.

И.Д.ОЧАК

ХОРВАТСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ХОРВАТСКО-РУССКИХ СВЯЗЯХ

В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В связях хорватского народа, который, как известно, до 1918 г. находился в составе австро-венгерской монархии, с народами России отразилась вся специфика общественно-политического положения этих стран. Но они служили лучшему узнаванию народами друг друга. Если бы мы попытались обозначить историческую периодизацию этих связей, то следовало бы начать с XVII в., имея в виду деятельность Юрия Крижанича (1618-1683) и далее – Людевита Гая, Ивана Кукулевича-Сакцинского, Франьо Рачкого, М.Матковича, И.Перковаца, Эугена Кватерника, Степана Радича вплоть до Мирослава Крлевжи. Но надо вспомнить и таких русских ученых и общественных деятелей, которые с 30-х годов прошлого века путешествовали по Хорватии, как И.И.Срезневского, О.М.Бодянского, П.И.Прейса, В.И.Ламанского, П.А.Лавровского, В.В.Макушева, Н.А.Попова, Т.Д.Флоринского, В.С.Соловьева, В.А.Францева и многих других.

В данном случае речь пойдет только о периоде от конца XIX до начала XX вв., как об одном из наиболее насыщенных на протяжении всего указанного времени.

Для каждого исследователя, в том числе и данной темы, для его методологического подхода решающими являются два фактора: 1) изучение состояния литературы, т.е. историография темы и 2) поиск новых, еще неизвестных источников. Говоря об историографии послевоенного периода, следует отметить, что она представлена работами хорватских и советских историков.

Первым из хорватских историков заслуживает упоминания литератор и публицист Август Цесарец¹. Он поднимал проблему общественно-политических потрясений 70-х годов и влияния на них русских факторов, изучение которой продолжил профессор Философского факультета в Загребе Александр Флакер, опубликовавший ряд исследований о значении деятельности русских народовольцев для радикального крыла партии

права Старчевича в 80-е годы XIX в.² Состоянием хорватско-русских литературных связей занимался известный славист, профессор хорватской литературы Йосип Бадалич³, И.Очак исследовал вопрос, связанный с пребыванием в России К.Херуца⁴.

В деле разработки этой тематики преуспели и советские историки, литераторы, слависты. Вспомним только некоторых: профессор Московского университета С.А.Никитин посвятил ряд работ связям балканских и югославянских народов⁵ и Н.И.Кравцов, также изучавший эти контакты в широком югославянском контексте⁶; в то время как В.И.Фрейдзон⁷, В.Г. Карасев⁸ и Л.И.Ровнякова⁹ занимались исследованием конкретных русско-хорватских связей в 60-70-е годы XIX в.

Как мы видим, нельзя говорить о бедности новейшей историографии по рассматриваемому вопросу. Однако есть основания для более серьезного и глубокого подхода к источникам как опубликованным, так еще неизвестным ученым-архивным, которые делают возможным дальнейшее изучение темы.

Опубликованные источники

Особое место среди опубликованных материалов по упомянутой теме занимает сборник писем, воспоминаний и путевых записок о России, который собрал и прокомментировал профессор Йосип Бадалич под заглавием "Хорватские свидетельства о России" (опубликован сразу после войны в 1945 г.) В сборнике Бадалич предоставил слово "свидетелям и очевидцам, которые на протяжении последних трех столетий собственной ногой вступали на русскую землю"¹⁰ и прокомментировал отношение к России отдельных деятелей. Так, о Ф.Рачком он говорит: "... Любовь к России поднимала его всегда над мелкой суетой его и нашей общеденности. Нигде у него не проявлялась ни национальная, ни религиозная ограниченность, все равно, путешествовал ли этот правоверный католический священник по православным странам - Сербии и России, или - по католической Польше"¹¹.

В сборнике в первой части помещены воспоминания и путевые записки о пребывании в России в течение 20 лет Юрия Криженича¹². Есть в нем путевые записки хорватского музыканта Альберта Огнена Стриги "Мое путешествие в Россию";

"Воспоминания о путешествии в Россию" Франьо Рачкого; "Воспоминания о моей жизни (в России)" профессора Одесского и Петербургского университетов Ватрослава Ягича; описание поездки Петра Томича по маршруту Азов-Пятигорск-Дарьял (Кавказ); описание путешествия также по Кавказу Августа Лангхоффера и воспоминания Степана Радича "Мой путь в великий славянский мир". В последнем труде опубликованы также письма Степана Радича из Петербурга о событиях в России. Далее следуют путевые записки Милана Шеноа, Августа Цесареца и Мирослава Крлехи, относящиеся уже к межвоенному периоду. Здесь впервые также публикуется переписка литератора Крунослава Херуда, который, начиная с 90-х годов прошлого века, долгое время жил и работал в Петербурге. Согласно И.Бадаличу, эти собранные для нас свидетельства дают "в своей совокупности своеобразный срез русской культурно-политической жизни, в особенности в последний и наименее изученный историками период русской истории..."¹³ Одновременно они свидетельствуют о широте и разносторонности хорватско-русских связей на протяжении длительного отрезка времени.

Богатое собрание эпистолярных и архивных источников представляет собой книга филолога и слависта, профессора Одесского и Петербургского университетов Ватрослава Ягича (1838-1923), изданная Югославянской академией наук и искусств (ЮАНИ) и Академией наук СССР. В первой книге документов Ягича (вышла в свет в 1948 г. под редакцией Михаила Комбала) опубликованы его научные и специальные труды и два его произведения мемуарного характера: "Мой первый приезд в Россию в 1872 г." и "Воспоминания и мысли о переходом"¹⁴. В 1963 г. АН СССР издала переписку Ягича с русскими учеными с 1865 по 1886 гг.¹⁵ Письма хранятся в Архиве Академии наук СССР, в Рукописном отделе Библиотеки им. В.И.Ленина и рукописных отделах библиотек Ленинграда, Киева, в архивах Харькова и Ленинграда.

ЮАНИ опубликовала в Загребе две книги писем Ягича, первая из которых вышла в свет под редакцией академика П.Скока в 1953 г.¹⁶, в результате чего исследователям

стали известны материалы Рукописного отдела Национальной и университетской библиотеки в Загребе.

Вторая книга содержит только письма из России¹⁷, адресованные русскими и хорватскими учеными Ягичу с 1865 по 1886 гг.; их подготовили к печати и прокомментировал профессор Й.Хамм. Все они затрагивают проблемы научного сотрудничества в области филологии, вопросы преподавания в университетах и т.п.

Для историков, исследующих тему хорватско-русских связей, в частности и контактов Й.-Ю.Штроссмайера, важны 4 тома его переписки с президентом ЮАНИ Франьо Рачким¹⁸, в которых опубликовано 1404 письма. В них упоминаются многие русские церковные, научные и политические деятели. Особенное место среди них принадлежит русскому философу, стороннику идеи славянской взаимности и объединения католической и православной церквей В.С.Соловьеву.

Непрекращающий интерес для нашей темы представляет также переписка лидера Хорватской крестьянской партии С.Радича (1873-1928), собранная и прокомментированная д-ром Б.Кризманом. С.Радич в Петербурге часто встречался с Херуцом, который помог ему установить контакты с многими нужными для него русскими¹⁹.

Интерес представляют и две книги документов из архива русского священника при посольстве России в Вене М.Ф.Раевского (1811-1884), изданные совместной югославско-советской редакцией (охватывают период 40-80-х годов XIX в.) Первая книга вышла в свет в 1976 г. под эгидой Академии наук СССР²⁰.

Вторая книга (часть первая под названием "Югославы и Россия"²¹) содержит большое количество писем. Переписка хорватских деятелей с Раевским значительно расширяет наши знания о масштабе культурных и исторических связей в конце XIX в. Эта переписка хранится в рукописных отделах различных библиотек Югославии и СССР.

Из недавних публикаций следует упомянуть еще "Архивные материалы по истории хорватско-русских культурных связей в конце XIX в."²², которые представляют собой эписто-

лярные документы, хранящиеся в Рукописном отделе Библиотеки им. В.И.Ленина в Москве и Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве. Особено интересны письма Э.Кватерника, приезжавшего в Россию с целью добиться у русского правительства помощи в деле освобождения Хорватии от Австро-Венгрии.

К опубликованным источникам относятся также периодические издания - пресса: газеты и журналы конца XIX и начала XX вв. В них появлялись статьи, тексты и информация, которые сейчас являются драгоценным дополнением архивных материалов. В этом смысле следует упомянуть правашский орган "Слободу", "Хрватску", затем журналы "Виенац", "Савременик" и старые журналы ЮАНИ и журнал "Нова Эвропа", относящийся к более позднему времени. В этих газетах и журналах сотрудничали участники и самые активные сторонники хорватско-русских связей, среди которых чаще других появлялся историк Франьо Рачкий. Однако публиковались и другие хорватские деятели: П.Томич, С.Радич и др.

Как видно из изложенного, перечень опубликованных источников не так уж и мал, и можно сказать, что он служил и служит основой для изучения прежде всего культурных связей Хорватии и России в конце XIX-начале XX в. Причиной того, что в недостаточной степени представлены архивные материалы по контактам в иных областях - экономической, политической и др., является зависимое положение Хорватии в то время.

Неопубликованные источники

Что касается неопубликованных источников, то наиболее ценным для данной темы является их собрание в Архиве Югославянской академии наук и искусств, возникшем одновременно с Академией (в 1867 г.). Возглавлял архив с самого начала президент ЮАНИ Ф.Рачкий, а первым фондом стал личный архив И.Кукулевича-Сакцинского, завещавшего Академии также и свою библиотеку. Интересно, что директорами Архива ЮАНИ были ее президенты или выдающиеся научные деятели. Среди последних директоров был и известный медиевист д-р В.Мошин (русский эмигрант).

Абсолютное большинство фондов представляют собой личные архивы действительных членов ЮАНИ. И, если вспомнить, что многие из них находились в постоянной переписке с коллегами из России, то станет ясно, что скрывается в архивных фондах. Список личных архивов очень большой, и еще больше число русских, которые переписывались с членами ДАНИ. Вот имена самых значительных корреспондентов, русских ученых и деятелей культуры: Т.Д.Флоринский, Гётц, Е.Е.Голубинский, О.Еленский, В.В.Качановский, И.А.Каратеев, А.А.Кочубинский, Н.П.Кондаков, П.А.Кулаковский, В.И.Ламанский, А.Л.Липовский, Н.А.Попов, М.Ф.Раевский, В.С.Соловьев, И.И.Срезневский, В.В.Стасов, А.Уваров, И.Зосимович и др. Одним из самых богатых личных архивов является фонд Ф.Рачкого, основательно использованный ленинградской исследовательницей Л.И.Ровняковой²³, обнаружившей 130 писем русских корреспондентов Ф.Рачкого. Следует упомянуть и фонд И.Кукулевича-Сакцинского, который являлся почетным членом Харьковского, Киевского и Санкт-Петербургского университетов и русских научных обществ, таких как Московское археологическое общество и др. Сохранилась его переписка с русским ученым П.А.Бессоновым. Петр Маткович был членом Петербургской академии и ряда научных обществ, от русского царя Александра II он в 1872 г. получил орден Св. Анны III степени. Интересен фонд Дьяковского епископа, известного хорватского мецената и основателя ЮАНИ Й.Ю.Штроссмайера (1815-1905). Самая интересная часть сборника – письма, часть которых уже была опубликована в упомянутых книгах переписки Рачкий-Штроссмайер, но большее их количество, адресованных русским ученым и сановникам все еще доступны для исследователей лишь в упомянутом фонде. То же самое относится и к переписке с В.С.Соловьевым – филологом и теологом, а также с русской княгиней Елизаветой Трубецкой, которая была придворной дамой императрицы Марии Федоровны. Эта переписка продолжалась в течение 20 лет, сохранилось 58 писем на французском языке. В письмах находим и самую конфиденциальную государственную информацию. Вообще говоря, перечень имен русских корреспондентов

Штроссмайера впечатляет. Напомним лишь некоторые имена: И.И.Срезневский, И.С.Аксаков, В.И.Ламанский, Н.К.Гирс, А.Хеесен, А.П.Извольский. Здесь и генералы, и дипломаты, и духовные лица (митрополит Киевский Платон, Московский митрополит Макарий, протоиерей Шишkin), и министры. Кроме того, Штроссмайер переписывался с различными русскими обществами и учреждениями.

Другим центром архивных материалов является Рукописный отдел Национальной и университетской библиотеки в Загребе, в котором хранятся рукописные личные фонды хорватских культурных деятелей, ученых и политиков. В введении нового издания Рукописного отдела "Каталог рукописей Национальной и университетской библиотеки в Загребе"²⁴ (состоит из 9 книг) утверждается: "Без этого рукописного фонда нельзя изучать ни историю национальной культуры, ни наши культурные связи с миром..."²⁵

В сборниках фонда "Россия", "Москва", "Новгород", "Петр Великий", "Петербург", "Юрий Крижанич", "Украинская литература" сконцентрированы материалы конца ХVІІ - XIX в., которые непосредственно касаются России. Для нашей темы самой интересной является переписка с русскими славистами. В основном это письма В.Ягичу, Станко Вразу, Францу Миклошичу и др. Писали им П.А.Кулаковский, С.М.Кульбакин, П.А.Лавровский, И.И.Срезневский и др. Часть писем В.Ягичу была опубликована. Кроме этого, имеются обращения отдельных учреждений и библиотек к отдельным хорватским ученым. Если говорить о XIX в., то интерес представляет рукопись Кватерника "Тайная книга", подготовленная им по собственной инициативе для министерства иностранных дел России.

Старейшим является Архив Хорватии в Загребе, богатый документами средневековья. Он известен перечнем документов из всех других хорватских архивов. Архив имеет детальную разработанную ²⁶ опись, которая дает возможность ознакомиться со всеми его фондами. В нем нет специального фонда, в котором были бы сконцентрированы источники по хорватско-

русским связям, но существуют многочисленные личные фонды, содержащие материалы и по этой теме. С этих позиций интерес представляют коллекции документов следующих деятелей: Ивана Кукулевича-Сакцинского, Павла Лешела, Станко Враза, Тадие Смичикаласа, И.Ю.Штроссмайера, В.Мазуранича, Ф.Миклошича, П.Матковича, Ф.Рачкого, Степана Радича и др.

Все сказанное позволяет утверждать, что существующие источники и литература являются серьезной основой для дальнейших исследований не только культурных, но и других связей, которые до настоящего времени не нашли отражения в историографии. Вполне выполнима стоящая перед историографией задача создания монографии о хорватско-русских культурных и общественно-политических связях в конце XIX - начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- I. August Cesarec. *Kriza stranke i nasi komunari.*
Zagreb. 1951.
2. Aleksander Flaker. *O pravaškom radikalizmu 80-tih godina XIX stoljeća//Historijski zbornik.* VII. 1954; isti.
Hrvatski Basarovi i nadezdinovi//. *Zbornik radova Pravnog fakulteta.* Zagreb. 1955. Knj. III; isti. *Pravaštvo i Rusija//Historijski zbornik.* 1958-1959. XI-XII; isti; itd.
3. Badalić J. *Ruski pisci i Hrvatskoj književnosti.* Jugoslovenski filolog. Beograd. 1958. Knj. 23. NIV.
- Русские писатели в Югославии. М., 1966; Пушкин в югославской литературе // Славянская филология. М., 1966.
4. Češak I. *Krunoslav Hrmas, pogovornik Hrvatsko-ruskih veza potkraj i na početku XX stoljeća.* Historijski zbornik. g. XXXVII/1/. 1984.
5. Никитин С.А. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. // Ученые записки Института славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1952. Т. VI; Он же. Вековые связи народов Советского Союза и Югославии// Международная жизнь; Он же. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50-60-е годы XIX в.// История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1960; Он же. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970 и др.
6. Кравцов Н.И. Русско-югославянские связи// Общественно-политические связи народов СССР и Югославии. М., 1957.
7. Фрейдзон В.И. Из русско-хорватских революционных связей // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1960. № 29.
8. Karasjov V.G. *Prilog istoriji rusko-Jugoslovenskih društvenih veza 60 godine XIX st.* Jugoslovenski istorijski casopis. 1969. Br4 Сотрудничество хорватского публициста Имбре Ткалаца в Санкт-Петербургских ведомостях (1863-1865) в кн. Славяне и Россия. М., 1972.
9. Ровнякова Л.И. Франьо Рачки и Россия. Из истории хорватско-русских культурных отношений последней трети XIX века // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978.
10. Hrvatska svjedočanstva, o Rusiji. Priredio dr. Josip Badalić. Zagreb. 1945. 6.
- II. Hrvatska svjedočanstva, 9-10.
12. Križanić J.O slavjanstvu i o Rusiji XVII vijeka; Putovanje od Lavova do Moskve 1659 u knjizi "Hrvatska svjedočanstva"..., 15-40.

- I3. Hrvatska svjedočanstva.
- I4. Jagić V. Izabrani kraći spisi. Uredio i članke sa stranih jezika preveo Mihail Kombol. Izd. "Matica Hrvatske". Zagreb. 1848.
- I5. Письма И.В.Ягича к русским ученым 1865-1886. Издание подготовили Е.П.Блок и Т.И.Лысенко. Под ред. акад. В.В.Виноградова. М.-Л., 1963.
- I6. Korespondencija Vatroslava Jagića. Urednik akademik Petar Skok. Knj. I. Zagreb. 1953.
- I7. Korespondencija Vatroslava Jagića. Pisma iz Rusije. Urednik Josip Hamm. Zagreb. 1970. Knj. 2.
- I8. Korespondencija Rački-Strossmayer. Knj. I. Zagreb. 1928. Knj. II. Zagreb. 1929. Knj. III. Zagreb. 1930. Knj. IV. Zagreb. 1931. Sve knjige uredio Ferdo Šišić, član Jugoslovenske akademije znanosti i umetnosti.
- I9. Očak I. Krunoslav Heruc, pobornik hrvatsko-ruskih veza potkraj XIX i na početku XX stoljeća. "Hrvatski zbornik". god. XXXVII/1/ 1984.
20. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского 40-80-е гг. XIX века. М., 1975.
21. Jugosloveni i Rusija. Documenti iz arhiva M.F.Rajevskeg 40-80 godine XIX veka. T. II. Knj. I. Beograd. 1989.
22. Očak I. Grada za povijest Hrvatsko-ruskih veza u drugoj polovini XIX stoljeća//Historijski zbornik, god. XIX-XX. 1966-1967.
23. Vidi ovaj bibliografski spisak L.I. Rovnjakova, Franjo Rački i Rossija//Iz istorii horvato-ruskikh otnošenij..,
24. Katalog rukopisa Nacionalne i sveučilišne biblioteke u Zagrebu. Zagreb. 1991. Knj. I.
25. Dražen Budija, Uvod u Katalog...
26. Arhivski fondovi i Zbirke u arhivskim odjelenjima u socijalističkoj republici Hrvatskoj. Beograd. 1984.

Д.ПЕТРОВИЧ-МЉОЕВИЧ
РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ, СВЯТОАНДРЕЕВСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ
И СЕРБСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
(По материалам переписки М.Ф.Раевского
и митрополита Михаила)

Сербско-русские связи и отношения второй половины XIX века можно рассматривать на нескольких уровнях и в различных аспектах. Эти отношения были весьма разносторонними и интенсивными; по существующей историографии кроме политических изучаются и литературные, культурные, идеологические и духовные аспекты этой проблематики. Менее всего исследована проблема значения русских славянофилов для Сербии и их влияния в ней на сербскую православную церковь и сербских либералов, в особенности, в период так называемого "сербского гражданского возрождения" (1848 - 1878 гг.). Причины подобного положения вещей заключались как в недоступности архивных материалов, так и в том, что роль и история сербской православной церкви в сербской историографии практически не исследовалась. На эти проблемы обратил внимание М. Экмоич в своей книге "Создание Югославии 1790 - 1914 гг." В свою очередь издание докумен-

тального наследия М.Ф.Раевского открыло широкие возможности для новых исследований². Опубликованные документы, равно как и еще не опубликованные материалы из ставших только сейчас доступными русских архивов, еще раз продемонстрировали всю важность славянского и сербского вопросов для России и ее значение для славян.

Из многочисленных корреспондентов М.Ф.Раевского, протоиерая русской православной церкви при императорском посольстве в Вене (1842-1884 гг.), наиболее значимы его контакты с такими церковными, национальными и общественными деятелями как: священник Г.Николаевич из Дубровника, епископ С.Кнегжевич из Далмации, мостарский архимандрит Памучина, черногорский митрополит Иларион, герцеговинский монах П.Чокорило, патриарх И.Раячич, архимандрит Н.Дучич и др., а также с обычными священниками и монахами. Очень важно, что среди корреспондентов М.Ф.Раевского был архиепископ белградский и митрополит сербский Михаил, чья переписка с графиней А.Д.Блудовой и другими представителями славянских комитетов, сохранившаяся в русских архивах, открывает новые возможности для изучения истории русско-сербских отношений и самой православной церкви.

В России в 40-х годах XIX в. достигла кульминации известная историческая дискуссия между славянофилами и западниками. Как отмечал Дж.Билингтон, "каждое из этих течений произошло из романтического идеализма того времени... каждое течение хотело заимствовать западные идеи без западной практики, чтобы Россия смогла возглавить процесс возрождения"³. Славянофили верили в возможность создания нового христианского общества, они прославляли внутреннее возрождение и гармонию семейных отношений, идеализировали сельскую общину и народность как самовозрождающуюся силу в истории, и выдвигали идеал свободной федерации славянских народов, считая его желательным с моральной или духовной точки зрения.

Так как Россия вплоть до Крымской войны имела право покровительства христианскому населению Османской империи, она поддерживала единство православия, воплощенное

в константинопольской патриархии. Согласно Парижскому миру, подписанному по окончании войны, вместо российского покровительства для христианских народов Османской империи были установлены гарантии европейских держав, подписавших договор. Таким образом, Россия утратила статус политического защитника православных в мире, она отказалась от политики, основанной на православной идее, и стала оказывать поддержку балканским славянам, используя лозунг народности, естественно, рассматривая их как опору для осуществления своих целей на Балканах. Это изменило и методы реализации русской политики на Балканах: Россия стала проводить в жизнь свою балкансскую политику – прежде всего через широкую сеть консульских представительств и славянских комитетов. Главным творцом русской балканской политики того времени являлся российский посол в Константинополе Н.П.Игнатьев, ранее бывший директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел, близкий к славянофилам. В начале 70-х годов Российской империя освободилась от ограничений, наложенных на нее Парижским мирным договором; это было время начала великого противостояния России и Австро-Венгрии, вытесненной из Италии и Германии. Понятно, что в русской балканской политике на первом месте находились государственные интересы России как великой державы. Как пишет М.Экмечич: "Она (Россия. – Прим. пер.) была не благотворительным обществом, а великой державой со своими интересами"⁴. Однако в тот период, стремясь не осложнять внутриполитическую ситуацию и обеспечить проведение реформ, Россия избегала возможного втягивания в войну и вела на Балканах осторожную политику, оказывая лишь разнообразную помощь славянским народам.

В начале 60-х годов XIX в. в Сербии произошли значительные перемены. Внутриполитическая борьба, столкновение князя Александра Карагеоргиевича, опиравшегося на Австро-Венгрию, и уставобранительской (защитников конституции) оппозиции завершилось в 1858 г. на Святоандреевской скупщине, вернувшей к власти династию Обреновичей; на политической сцене она высветила все еще немногочисленную сербскую ли-

беральной интеллигенцию. Основным направлением внешней политики Сербского княжества стала борьба за национальное объединение и освобождение сербского народа. Князь Михаил Обренович взял курс на подготовку войны против Османской империи в союзе с балканскими государствами и при опоре на восстание угнетенных христиан в Османской империи. В области внутренней политики в княжестве шел процесс создания парламентского режима. В формировании сербской национальной программы решающую роль наряду с князем сыграли сербская интеллигенция и православная церковь во главе с митрополитом Михаилом.

Сербия 60-х годов XIX в. была страной крестьянства с небольшими земельными наделами. Статистика утверждает, что в 1866 г. 95,6% населения было неграмотно. В состав либеральной партии, выросшей из движения либеральной омладины (молодежи) входили интеллектуалы, получившие образование за границей (на Западе или в России) и высшее духовенство, возглавляемое митрополитом. Безусловно, имело место значительное влияние русских славянофилов на сербскую либеральную интеллигенцию и также православную церковь. Для сербских либералов и славянофилов общей была вера в славян и их историческую миссию. Либералы усвоили идею о государственной организации со славянской спецификой, в которой самую важную роль играет скопщина, представляющая собой главную опору власти. Подобно славянофилам, они выступали за создание сильного югославянского государства, отдавая при этом предпочтение Сербии как своего рода Пьемонту этого региона. Один из ведущих членов либеральной партии В.Иванович писал в 1864 г. из Женевы, куда он эмигрировал при содействии русского консула в Белграде Шишкина: "Я не поддерживаю такое положение, когда русские делают на востоке за нас то, что нам необходимо делать самим; но нам необходима их поддержка в том, что мы предпринимаем ради общеславянского будущего, а если в этом без русских никак обойтись нельзя, тогда было бы политической ошибкой и дальше тратить время попусту. В конце концов, когда массы за пра-

вославных русских, то с этим ослеплением справиться нельзя, но нужно устремиться в центр этой массы, однако не для того, чтобы вместе с ней погибнуть, а для того, чтобы сохранить то доверие, при помощи которого в решающий момент можно сделать так, чтобы масса пришла в себя"⁵.

Говоря о взаимоотношениях сербской православной церкви и русских славянофилов, прежде всего следует подчеркнуть, что сербская православная церковь, опираясь на естественные основания, в течение столетий пробуждала национальное сознание сербского народа, так как "религиозные идеологии представляли собой широко развитую атмосферу духовности, в которой эволюционируют национальные движения..., и воздействовали на все национальные программы, либо способствуют возникновению таких программ, либо побуждая их к решительным действиям, к сопротивлению"⁶. Монастыри, церковные общинны и их школы были в течение длительного времени центрами национальной культуры сербского народа, с их помощью сохранялось и расширялось сознание принадлежности к одной нации и ее национальному целому. "Просвещение отсталых масс в балканских областях Османской империи являлось необходимым условием их политического и национального пробуждения", поэтому священники и учителя часто в то же время были и самыми заслуженными национально-политическими деятелями. Многие из них получили образование в России, в том числе и митрополит Михаил, возглавлявший сербскую церковь во время правления 4-х представителей династии Обреновичей (1859-1881 гг. и 1889-1899 гг.). С 1863 г. из России поступала материальная помощь Белградской богословской семинарии на обучение 40 учеников – выходцев из сербских областей Османской империи. Вплоть до открытия пед-училища в Крагуеваце в 1870 г. это был единственный центр по подготовке преподавателей для начальных школ. Учениками Белградской богословской семинарии были известные национально-политические деятели: В.Пелагич, С.Перович и Н.Дучич, которые, как и митрополит Михаил, в течение всей своей деятельности поддерживали тесные связи со славянскими комитетами. Культурно-просветительская работа,

"задачей которой прежде всего являлось оказание помощи независимым и гуманным проявлениям югославянской солидарности... определялась и зависела от политических планов и целей"⁸. Сербское правительство во главе с князем Михаилом и И.Гарашаниным видело Сербию как государство, основанное на принципах исторического легитимизма и исторического права и "естественного покровителя всех турецких славян". Идея общего славянского единства явно противоречила созданию независимых национальных государств, поэтому в период складывания современного буржуазного сербского государства неминуемо должно было произойти столкновение славянофильских идей и сил, ставивших своей целью создание независимого сербского государства. Митрополит Михаил принадлежал к первым сербским питомцам, получившим образование в Киевской духовной академии⁹, где он провел 7 лет с 1846 по 1853 гг., после чего, получив звание магистра богословия, был пострижен в монахи ректором Духовной академии. В монашестве он принял имя первого киевского святого, чьи мощи находятся в соборе Киево-Печерской лавры. Проведя несколько месяцев в путешествиях по России, посетил Москву, Петербург, различные монастыри.

По возвращении в Белград в 1854 г., митрополит Михаил получил пост епископа в Шабце, а в 1859 г. был избран митрополитом сербским, когда Святоандреевская скупщина свергла князя Александра Карагеоргиевича и добилась отставки митрополита Петра. В своих "Записках" Е.Груич написал об этом так: "Стевча^{*} и я достигли соглашения, и сразу же предписанием попечительству просвещения была объявлена ему (митрополиту Петру) отставка и назначен исполнить должность митрополита сербского епископ из Шабца Михаил, о котором было известно, что народ его любит, духовенство уважает, а мы, учёные либералы, искренние его друзья"¹⁰. Уже в следующем 1860 г. австрийский консул сообщал министру

* Стевча (Стефан) Михайлович – заместитель председателя Святоандреевской скупщины, один из предводителей движения сторонников династии Обреновичей и сербских либералов.

иностранных дел, что "во главе так называемой национальной или сербско-русской партии находится митрополит Михаил"¹¹. Дни молодости, проведенные в России, полученное здесь образование, оказали большое влияние на митрополита, до конца жизни не избавившего русофильства и сотрудничавшего со славянскими комитетами и русским правительством.

Основной опорой русских славянофилов в Сербии была сербская православная церковь. В этом плане важен сделанный М.Экмечичем вывод, что "в православном мире южных славян клерикализм получил свое временное развитие после 1860 г. под влиянием русского славянофильского движения, как попытка обосновать национальные устремления сербского народа на основе учения православной церкви"¹², если под клерикализмом подразумевается идеология или политическое течение, в котором "духовенство превосходит свою собственную духовную задачу"¹³. Митрополит Михаил разделял идеал средневекового государства и церкви, в котором был четко выражен параллелизм между государством и церковью. А со становлением независимого буржуазного государства оно приобретало все более светский характер, влияние церкви уменьшалось как в сфере власти, так и в управлении княжеством. Уже в начале 60-х годов в связи с выработкой нового закона об Устройстве духовных властей возник конфликт между митрополитом Михаилом и министерством просвещения и церковных дел. Закон должен был регулировать взаимоотношения государства и церкви; митрополит решительно воспротивился настойчивым стремлениям князя вмешиваться в церковные дела, считая, что новый закон в значительной мере ограничивал права православной церкви (церковные суды были поставлены в подчинение министерству и тем самым изъяты из-под контроля епископов, государство получало право распоряжаться церковным имуществом, монастырями и т.д.). В письме министру просвещения, апеллируя к опыту России, где Святой Синод сам участвовал в разработке Устава Духовной коллегии, митрополит Михаил указывал: "Государство в своем участии в делах церковных не может заходить так далеко, так как тем самым оно лишает иерархию всякой власти и лишает церковь

автономии"¹⁴. В самой Сербии столкновение светской и церковной властей достигло своей кульминации во время первого напредняцкого правительства, когда митрополит в 1881 г. был вынужден оставить Сербию; причем причины этого конфликта отнюдь не сводились только к внешнеполитическим. Деятельность славянофилов, как русских, так и сербских из рядов православной церкви во главе с митрополитом Михаилом имела огромное значение в тех областях, где сербский народ находился под инонациональной властью, османской или австрийской. Здесь сыграл свою роль и тот факт, что среди сербов в этих областях существовали широко распространенные опасения различных попыток введения униатства со стороны католической церкви при отсутствии у них особого доверия к политике официальной Сербии. Помогая сербским школам и церквям посыпкой книг, церковной утвари, непосредственным материальным вспомоществованием в виде пожертвований на восстановление храмов и монастырей, славянофилы не только способствовали сохранению и развитию национального сознания и в целом общественному прогрессу сербского народа, но и в значительной мере влияли на эти тенденции, ведущие к созданию независимого сербского государства. Из всей богатой и многогранной деятельности митрополита Михаила и протоиерея М.Ф.Раевского как выразителей славянофильских убеждений заслуживают внимания письма митрополита, посланные М.Ф.Раевскому в 60-х годах XIX в. Их переписка продолжалась 25 лет от вступления Михаила на митрополичий престол Сербии в 1859 г. и до 1881 г., когда он после конфликта с напредняцким правительством уехал из Сербии. Михаил практически регулярно сообщал М.Ф.Раевскому о политической ситуации в Сербии и на Балканах в целом. Так, в письме, датированном октябрём 1860 г., он писал о растущей неудовлетворенности в Сербии русской политикой, особенно среди вождей Святоандреевской скопщины, прося Раевского подумать над этим и предпринять соответствующие шаги¹⁵. Неоднократно митрополит писал о принятии нового закона об Устройстве духовных властей и послал М.Ф.Раевскому экземпляр его проекта с просьбой со-

общить свои замечания и оказать помощь. Он получил эти замечания при содействии в их пересылке русского консула в Белграде А.Е.Влангали. "Вы меня еще больше убедили в правильности тех мыслей, которые были здесь нами изложены в нашем проекте Закона о духовной власти", - писал митрополит, сообщив далее, что этот проект не был принят, так как в Сербии не понимают, каково на самом деле должно быть положение церкви, "где никакие изменения не нужны"¹⁷. Выражая тревогу в связи с тяжелым положением православного духовенства и усиливающейся католической пропагандой среди славянского населения на Балканах и зная о готовности Раевского оказать помощь добрым начинаниям, митрополит Михаил предложил ему открыть богословские школы в следующих городах: в Сараеве для Боснии, в Мостаре для Герцеговины и в Призрене или Печи для Старой Сербии. В своем письме он просил Раевского о совете "как это сделать, а затем совместными усилиями продолжать"¹⁸. Как известно, богословская школа в Баня Луке была открыта в 1866 г. при финансовой поддержке митрополита Михаила. О деятельности В.Пелагича, возглавлявшем ее до 1866 г., митрополит писал М.Ф.Раевскому несколько раз. В письме, датированном сентябрем 1868 г., он писал о М.Костице, протоиерее и профессоре гимназии из Сомбора, для которого добивался места в белградской богословской школе¹⁹. При содействии М.Ф.Раевского М.Костиц направился в Черногорию, где стал ректором богословской школы в Цетинье и инспектором всех школ в Черногории.

Преобладающими в этой переписке были письма, связанные с оказанием помощи церквям и монастырям. Так в одном из них митрополит сообщил Раевскому, что получил из Монастыря Милицева письма к графине А.Д.Будовой и императору Александру II и переслал их в Вену Раевскому для отправки в Петербург. В том же письме митрополит просил Московский славянский комитет послать через русских консулов книги и церковные одеяния для нуждающихся церквей и монастырей²⁰.

Немало писем митрополита касалось рекомендаций, ко-

торые М.Ф.Раевский давал сербским питомцам, будущим священникам или монахам. Так, благодаря рекомендации М.Ф.Раевского в Киевской лавре находился игумен монастыря Студеница, исключительно тепло принятый там, как писал митрополит. "Если бы было возможно, я бы хотел видеть большее число наших монахов в Киеве и других русских монастырях, чтобы они увидели и узнали, что такое монашество; они не знают что это значит и как следует жить в монашестве"²¹. В другом письме митрополит уведомлял М.Ф.Раевского об отъезде трех учеников в иконописную школу при Сергиевской лавре, прося содействовать их поступлению"²².

Просьбы митрополита к М.Ф.Раевскому о рекомендациях не всегда относились только к духовным лицам. Так, митрополит направил к Раевскому В.Яклича, профессора белградского лицея и основателя службы государственной статистики и метеорологии в Сербии, человека преданного славянству и России, которому Статистическое общество Санкт-Петербурга пересыпало книги²³. В другом случае, получив через графа Толстого, министра просвещения России, информацию о наличии свободных стипендий для обучения в России, митрополит обратился к М.Ф.Раевскому с просьбой содействовать поступлению студента Б.Антича в Петербургский университет. В том же письме он просил оказать помощь в поступлении на учебу 2-х учительниц Высшей женской школы из Белграда с целью получить лучшее образование в "православно-славянском духе" в России²⁴. В связи с решением Московского славянского комитета принять на обучение в России 5 девушек из Сербии митрополит просил М.Ф.Раевского, имея в виду его широкие знакомства, содействовать обеспечению безопасности их путешествия²⁵.

Регулярный обмен книгами был еще одним сюжетом практически каждого письма. Митрополит сообщал о книгах, которые он при посредничестве Раевского получил или отправил в Россию своим друзьям, ученым, общественным деятелям или отдельным учреждениям: Академии наук, университету, славянским комитетам. Митрополит часто жаловался на трудности при получении или отправке книг из-за задержек на австрий-

ской почте, вызванных цензурой или условиями навигации на Дунае²⁶. "Удивляюсь, что Вы до сих пор не получили 3 книги "Гласника"^{*}, которые я Вам послал на второй или третий день по получении Вашего письма согласно Ваших советов через австрийскую почту", - писал митрополит М.Ф.Раевскому. - Я был на почте, и там мне объяснили, что книги были задержаны цензурой в Земуне, но, как мне обещали, скоро они будут отправлены. Книгу об унии вышло, когда представится соответствующая возможность, чтобы ее также не задержали"²⁷. Митрополит регулярно высылал из Белграда "Гласник Српског ученог друштва" и ряд других изданий, среди которых: "Словарь сербских литературных древностей" Д.Даничича, "Жизнь сербских крестьян" М.Миличевича, "Сербские народные сказания" В.Караджича, "Описание Сербского государства" В.Якшича и др. М.Ф.Раевского митрополит просил прислать книгу Нила Попова "Сербия и Россия" на русском языке, "так как здесь пламенно желают эту книгу прочитать"²⁸. Когда вышла в свет книга П.Н.Батюшкова "Памятники русской старинны", митрополит лично обратился к автору, а также и к М.Ф.Раевскому в Вену с просьбой о ее присылке²⁹.

Из переписки известно, что состоялась и личная встреча М.Ф.Раевского с митрополитом Михаилом в Вене. В письме от 27 ноября 1867 г. митрополит писал: "Жалко, что я уехал из Вены и не встретился с Вами еще раз, следовало бы еще об очень многом переговорить с Вами, но теперь в другой раз..."³⁰. В другом письме, написанном весной того же года, митрополит пригласил М.Ф.Раевского участвовать во Всеславянском съезде, который он собирался организовать на следующий год в Белграде. "Я напишу в Москву об этом съезде, после этого создам комитет и приглашу братьев-славян принять в нем участие. Есть еще время подумать обо всем этом", - писал Михаил в конце письма³¹. Вполне вероятно, что во время встречи в Вене митрополит и Раевский обсуждали вопрос о славянском съезде в Белграде в 1870 г. Но съезд не

* Имеется в виду "Гласник српског ученог друштва" (Вестник сербского научного общества).

состоялся. В 1869 г. был убит князь Михаил, что повлекло за собой значительные изменения во внутриполитической жизни Сербии. В следующем 1870 г. Россия отказалась наблюдать касавшиеся ее ограничительные статьи Парижского мирного договора. Таким образом политическая ситуация начала 70-х годов значительно отличалась от политической обстановки 20-летней давности, когда митрополит Михаил и протоиерей М.Ф.Раевский только начинали свою деятельность, однако практически до конца своих дней они оставались верны идеям раннего славянофильства.

В рассматриваемый период русские и сербские славянофилы, в рядах которых находились митрополит Михаил и М.Ф.Раевский, своей деятельностью в целом способствовали историческому прогрессу сербского народа, развитию его культуры и сохранению национального сознания в тех условиях, в которых находилось православное население Османской и Австрийской империй. Хотя они стремились к созданию славянского государства в широком смысле этого слова, часто отождествляя сербскую идею со славянской, на деле их усилия помогали становлению сербского независимого государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1Ekmećić M. Stvaranje Jugoslavije 1790-1918. Beograd, 1989. T. I-2..

2.Письма митрополита Михаила М.Ф.Раевскому написаны на русском языке. - См.: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф.Раевского. 40-80 годы XIX века. Москва, 1975.

3.Bilington D. Ikona i sekira istorija ruske kulture jedno tumačenje. Beograd 1988. S.385.

4Ekmećić M. Stvaranje Jugoslavije. Beograd, 1989. T. 2. S.268.

5Milojević D. Pet pisama Vladimira Jovanovića Djordju Stratimiroviću 1864-1866 godine// Međvita gradija, 12, Beograd, 1982. S.137.

6Ekmećić M. Stvaranje Jugoslavije. T.22. SS.168 i 152.

7, Vaso I Vojvodić. Iz književne istorije i prosvete. Kikinda, 1989. S.87.

8Ibid.S.87.

9.Об обучении первых сербских питомцев в Киеве сохранилось свидетельство митрополита Михаила // Попови Вачки путопис митрополита Михаила. Прилози. I938, XVIII. С.445-446.

- IO Zapisi Jevrema Grujića. Beograd, 1923, II, S.263.
 II. Arhiv SANU. Ispisi iz većkih arhiva, dok. 7940.
 I2. Ekmečić M. Stvaranje Jugoslavije. T.2. S.141.
 I3. Ekmečić M. Ibid. S.140.
 14. Slijepčević D. Mihailo arhiepiskop beogradski i mitropolit Srbije. Minhen 1980. S.44.
 15. Митрополит Михаил - М.Ф.Раевскому, 12 октября 1860 г.
 Белград. Отдел письменных источников Гос.истор. музея в
 Москве (далее - ОПИ ГИМ). Ф.347.
 16. Митрополит Михаил - Раевскому, 6 ноября 1862 г.
 Там же.
 17. Митрополит Михаил - Раевскому, 19 марта 1863 г.
 Там же.
 18. Митрополит Михаил - Раевскому, II марта 1865 г.
 Белград. - Зарубежные славяне и Россия. Д.298.
 19. Митрополит Михаил - Раевскому, 28 сентября 1868 г.
 Белград. ОПИ ГИМ. Ф.347.
 20. Митрополит Михаил - Раевскому, 31 марта 1869 г.
 Зарубежные славяне и Россия. Д.299.
 21. Митрополит Михаил - Раевскому, 14 ноября 1868 г.
 ОПИ ГИМ. Ф.347.
 22. Митрополит Михаил - Раевскому, 18 февраля 1870 г.
 Там же.
 23. Митрополит Михаил - Раевскому, II августа 1869 г.
 Там же.
 24. Митрополит Михаил - Раевскому, 16 марта 1869 г.
 Там же.
 25. Митрополит Михаил - Раевскому, 1 октября 1871 г.
 Там же.
 26. Митрополит Михаил - Раевскому, 15 февраля 1865 г.
 и 15 декабря 1864 г. Там же.
 27. Митрополит Михаил - Раевскому, 15 февраля 1864 г.
 Там же.
 28. Митрополит Михаил - Раевскому, 27 ноября 1864 г.
 Там же.
 29. Митрополит Михаил - Раевскому, 28 октября 1868 г.
 Там же.
 30. Митрополит Михаил - Раевскому, 27 ноября 1869 г.
 Там же.
 31. Митрополит Михаил - Раевскому, 31 марта 1869 г.
 Зарубежные славяне и Россия. Д.299.

В.ВУЛЕТИЧ

СТОЯН НОВАКОВИЧ И РОССИЯ

Деятельность С.Новаковича, связанную с Россией, можно рассматривать в двух планах: политico-дипломатическом и научно-славистическом. Первый обусловлен рядом обстоятельств, прежде всего значимостью личности Новаковича в сербской политической жизни в последней трети прошлого столетия, и,

конечно, ролью России в европейской политике того времени.

Общеизвестно, что С.Новакович был видным государственным и политическим деятелем Сербии: трижды назначался министром просвещения (1873, 1874, 1880-1883 гг.), внутренних дел (1884 г.), иностранных дел (1893 г.), премьер-министром и одновременно министром иностранных дел (1895-1896 г.); сербским посланником в Константинополе (1885-1892 гг.), в Париже (1899 г.), в Петербурге (1900-1904 гг.). На всех этих постах ему пришлось заниматься проблемами, связанными с Россией, так как в последней трети XIX в., в условиях распада Османской империи, сербская официальная политика вынуждена была обращать самое серьезное внимание на роль России в Европе и, особенно, на Балканском полуострове.

Новакович был членом Прогрессистской (Напредначке) партии Сербии, крайне консервативной в своей основе, во внешней политике придерживавшейся австрофильского направления. Однако после поражения в сербско-болгарской войне в 1885 г., даже прогрессисты начали понимать, что Австро-Венгрия использует Сербию в своих корыстных интересах, направляя ее внимание на юго-восток; для защиты собственных интересов в Боснии и Герцеговине. Австро-венгерская антитурецкая политика и состояние русско-турецких отношений после поражения Турции в русско-турецких войнах 1876-1878 гг. укрепили русские позиции в правящих кругах и патриаршество в Константинополе. Как сербский посланник в Турции Новакович хорошо понял роль России в решении балканских вопросов, в частности предвидел возможности в усилении позиций России и Сербии в Македонии. С упадком Турции разгоралась борьба между болгарами, греками и сербами за Македонию. Влияние Болгарии и Греции в Македонии было значительно прочнее, чем Сербии: Македония, Старая Сербия, Косово и Метохия находились под юрисдикцией Константинопольского патриаршества; в начале 70-х годов Болгария получила экзархат и право открывать свои школы на территории Македонии, а также не только назначать в приходах своих священников, но и выбирать своих епископов. Хотя сербы не имели такого преимущества,

все-таки они не остались равнодушны к факту, что империя сходит с европейской исторической сцены и что в европейской Турции сербские интересы окажутся под угрозой. Тем более, что в общественно-политической жизни господствовало убеждение, что все славянские жители в Македонии - это сербы. И сербские официальные круги начали борьбу за открытие сербских школ, за строительство сербских церквей и возможность назначения сербских священников в Македонии, а также за разрешение Константинопольского патриаршества выбирать сербских епископов в Призрене и Скопье.

Новакович не чувствовал никакой симпатии к официальной России, которая относилась к нему так же. Этот факт "обременял" его внешнюю политику. Сербский митрополит Михаил, имевший широкие связи в России, всячески способствовал этому: еще в 1881 г. возник конфликт между ним и С.Новаковичем, в то время министром просвещения. Конфликт разрешился не в пользу митрополита: он был смешен и уехал в Россию. С.Новакович об этом пишет: "Когда после своей отставки митрополит поехал в Россию, он благочестиво и благообразно представил С.Новаковича врагом православия, собиравшимся всех православных сербов обратить в католиков. Таким образом, Новакович стал самым непопулярным сербом у русских, - и это мешало ему как политическому деятелю довольно продолжительное время"¹.

С.Новакович был активнейшим участником борьбы за сербское влияние в Македонии. Он понял, что Россия, бывшая защитница болгарских интересов в войне с Турцией в 1876-1878 гг., в Сан-Стефано и на Берлинском конгрессе в 1878 г., изменила свое отношение к Болгарии, которая была серьезным конкурентом Сербии в Македонии. Влиятельный председатель Собрания Болгарии С.Стамболов намеревался избавить свою страну от русского покровительства. Эти обстоятельства позволили политикам Сербии ориентироваться на помочь России в укреплении своего влияния в Македонии. Во второй половине 80-90-х годах Россия вела туркофильскую политику, что соответствовало сербским интересам.

Еще один момент имел важное значение в политике Новако-

вича по отношению к России. Болгария вооружала комитские части и направляла их в Македонию. Новакович советовал сербскому правительству не способствовать этому и гарантировать Турции, что ни одна болгарская комитская часть не войдет в Турцию с территории Сербии. Это повлияло на благосклонность Порты, которая разрешила сербам открывать свои школы в Македонии, строить церкви и назначать сербских священников. С выбором сербских епископов было значительно труднее, так как Константинопольское патриаршество возглавляли греки, которые не сдавали легко свои позиции. Однако благодаря Новаковичу и русскому влиянию многочисленные препятствия были преодолены и сербские епископы появились в Призрене и Скопле. Таким образом, влияние Сербии в Македонии упрочилось.

Служба Новаковича в Константинополе была определяющим фактором в его внешнеполитической ориентации на Россию, что видно из его обширной переписки с И.С.Ястребовым, русским дипломатическим чиновником в Салониках, Призрене, Скадаре, Янине². Только обстоятельно изучив письма Ястребова к Новаковичу, исследователь может понять всю сложность балканского национального комплекса и борьбу между сербами, греками и болгарами. Известно, что Ястребов как представитель русской политики на Балканах был целиком на стороне сербов и весьма энергично в переписке с Новаковичем и в своих этнографических исследованиях доказывал, что все славянские жители в Македонии – сербы³. В письмах Новаковичу нашла отражение и борьба Ястребова с М.Дриновым, утверждавшим, что все славяне в Македонии – болгары⁴. Их полемика⁵ появилась в русской периодике.

И вот парадокс: самый непопулярный серб в официальной России, к тому же прогрессист, австрофил, министр иностранных дел в Сербии был одним из самых известных сербских русофилов. Внешняя политика Новаковича, министра иностранных дел и премьер-министра, полностью расходилась с традиционной политикой австрофильства его партии. В основе этого парадокса – национальные, политические и культурные интересы Сербии. Новакович готов был многим жертвовать для осу-

ществления государственных интересов своей страны.

С.Новакович часто пренебрегал экономическими интересами Сербии в пользу усиления сербского влияния в Македонии с помощью России. Именно в экономической сфере следует искать одну из причин падения его кабинета в 1896 г. С самого начала работы возглавляемого им правительства с середины 1895 г. Новакович "находился под бременем" двух важных факторов: национального вопроса в Македонии и так называемого "свинского вопроса". Свиньи были основным экспортным товаром Сербии, а Австро-Венгрия - главным торговым партнером ее. Австро-венгерские власти закрыли границу, запретили импорт свиней из Сербии, объявив их "больными", так как Новакович слишком явно опирался на Россию в своей политике решения сербского вопроса в Македонии. По мере того, как Новакович все более сближался с Россией, сербские свиньи становились "все более больными". Закрытие границы для экспорта свиней, таким образом, переросло в крупную политическую проблему. Торговцы свиньями требовали от правительства улучшить отношения с Австро-Венгрией, невзирая на объяснения С.Новаковича о том, что изменение внешней политики угрожает сербским интересам в Македонии. Торговцы отреагировали довольно грубо: "Премьер-министр ничего не понимает в свиньях, он думает, что это грамматика".

Четыре года Новакович был посланником Сербии в Петербурге, куда приехал из Парижа. О своем настроении во время переезда он пишет знаменитому сербскому историку архимандриту Илариону Руварцу, с которым поддерживал многолетнюю переписку. Во время пребывания Новаковича в Петербурге в России и Сербии происходили значительные события, повлиявшие на его служебную карьеру и научную деятельность. В конце XIX - начале XX в. Россия не обращала такого внимания на так называемый Восточный вопрос и проблему определения наследников Турции на Балканах, как это было раньше. Таким образом, интересы Сербии не были как прежде тесно связаны с русскими. Россия была занята Дальним Востоком и решением своих противоречий с Японией, приведших к русско-японской войне в 1904 г., в которой она потерпела по-

ражение. В то же время и в Сербии сложилась кризисная ситуация, результатом которой была гибель последнего Обреновича и смена династии весной 1903 г. Новакович, наблюдавший эти события со стороны, не имел никакой возможности влиять на них. В течение четырех лет он напряженно работал в русских архивах, где обнаружил важные материалы по новой сербской истории, в частности о первом сербском восстании и событиях вокруг него. Тогда он и начал заниматься историей Сербии нового времени. Будучи посланником в Константинополе, он изучал тамошние архивы и писал труды о сербской средневековой истории.

70-80-е годы прошлого столетия характеризовались в Сербии тем, что политика привлекла большое внимание интеллигенции, в том числе и деятелей культуры, вследствие чего они "ушли" из духовной сферы и большинство из них не так много сделали в политике. В политике он остался ученым, а в науке – политиком. Именно поэтому, одинаково преуспевающему и в политике, и в науке, Новаковичу удалось установить длительные и стабильные отношения с русскими в области науки. С самого начала он большое внимание уделил национальным дисциплинам: языку, литературе, истории, этнографии и как югославист быстро установил связь с русскими культурными и научными деятелями. Трудно было изучать историю, язык, литературу, этнографию и этнологию какого бы то ни было славянского народа в отрыве от общеславянского контекста.

Все, кто писал о Новаковиче, особенно знавшие его лично, подчеркивали, что он был рациональным, трудолюбивым и в своей работе настойчивым человеком. Чем бы он ни занимался, все делал основательно, спокойно и при этом энергично. Многие говорили, что он никогда ничем не увлекался. Ни один сербский интеллигент второй половины прошлого столетия не отмечен такой внутренней потребностью в постоянных научных занятиях, сохранившейся до конца своей жизни, как Новакович.

И в этом человеке с первых лет его литературной, научной и общественной деятельности жила романтическая идея омла-

динского движения 60-х годов прошлого века. В это десятилетие занимались поэзией все – и стар и млад, одаренные и бесталанные, образованные и малограмотные. Писал стихи и Новакович, не понимая сначала, что у него нет поэтического дара⁵. Когда критик К.Руварац⁶ раскритиковал книгу его стихов, Новакович понял, что его призвание не поэзия, а наука. Будучи реально мыслящим, даже в некотором смысле и скептичным человеком, он всегда чувствовал в себе творческие импульсы романтизма и в науке, и в политике. Подобно многим сербам и русским, литературное и научное творчество Новакович воспринимал как национальный долг, национальные интересы определяли всю его работу. Он нередко подчеркивал, что Сербии нужны не австрофилы, не русофилы, а сербы, защищающие всегда и во всех обстоятельствах Сербию и ее интересы.

Именно эта убежденность заставила его в самом начале 60-х годов искать связей с русскими и русской культурой. В то время сербами интересовались и официальные круги России, и общественность (славянофилы и революционные демократы). И.С.Аксаков и А.С.Хомяков издали в 1860 г. брошюру "К сербам. Послание из Москвы"⁷, с которой во время приезда в Белград Аксаков ознакомил сербов; ее содержание особенно одобрили вожди либералов. Отношение к ней разделило интеллигенцию на два лагеря: одни, как, например, Иован Ильич принимали ее содержание, другие, как Джура Даничич, были против. Началась полемика, в которую включился молодой Новакович, выступив на стороне своего учителя Даничича. Именно тогда он стал изучать русский язык и серьезно интересоваться литературой (написал рецензии на повесть Пушкина "Дубровский" и роман Лермонтова "Герой нашего времени").

Совсем молодым человеком Новакович опубликовал свой перевод пушкинской поэмы "Кавказский пленник"⁸, а в первой половине 60-х годов перевел Н.В.Гоголя, А.В.Кольцова, А.К.Толстого, Т.Г.Шевченко. С 1865 по 1868 г. Новакович издавал журнал "Вила" ("Фея"), в котором русской литературе отводилось центральное место⁹. Когда в 1865 г. появ-

вился в Петербурге "Обзор истории славянских литератур" А.Н.Пыпина и В.Д.Спасовича, Новакович сразу понял его большое значение как в международном масштабе, так и для сербской культуры и литературы, и в четырех номерах своего журнала в том же 1865 г. опубликовал перевод главы из этого "Обзора" - "Дубровник и Далмация"¹⁰. С того времени возникает у него интерес к работе Пыпина и начинаются контакты с этим крупным историком славянских литератур, знатоком русской литературы, этнографии и культуры¹¹.

В 1867 г. Новакович непечатал свою "Историю сербской литературы", в предисловии к которой писал: "... Я пользовался в своей работе ценным новейшим произведением "Обзор истории славянских литератур" А.Н.Пыпина и В.Д.Спасовича"¹², благодаря чему и сербская культурная общественность познакомилась с ним. Новакович и Я.Шафарик рекомендовали Пыпина в члены Сербского ученого общества, и он стал им 20 января 1869 г. вместе с В.И.Григоровичем, Ф.И.Буслаевым и М.О.Микешином¹³.

Между Новаковичем и Пыпиным в начале 70-х годов завязалась переписка. В то время Новакович переводил книгу И.Шерра "Allgemeine Geschichte der Literatur" и собирался перевести вышеупомянутый "Обзор истории славянских литератур" Пыпина. 2 февраля 1872 г. он пишет Пыпину, что "славянскую часть, которая там находится, я заменил бы переводом Вашего "Обзора истории славянских литератур". Но для того, чтобы это сделать, мне необходимо знать, прежде всего, каковы Ваши условия, а, может быть, у нас пронесся слух, уже печатается новое издание Вашего "Обзора"? Я Вас прошу, ответьте мне на это письмо"¹⁴. На оборотной стороне письма Новаковича Пыпин написал 10 февраля, практически сразу после его получения, набросок своего ответа. "На письмо Ваше спешу Вас известить, что я с великим удовольствием готов Вам предоставить для перевода мой "Обзор", и тем более еще, когда перевод сделан будет таким, как Вы, знатоком дела"¹⁵. Дальше он сообщил, что пока не готовит нового издания, что первое еще можно найти в книжных магазинах и констатировал: "Для нового русского издания я же-

лал бы многое исправить и дополнить, на что, конечно, потребуется время". Далее Пыпин признался, что пока не в состоянии предложить никаких условий¹⁶, и предоставил Новаковичу право перевода своей части книги; о части Спасовича он ничего не мог сказать, так как того не было в Петербурге, но "я уверен, что он тоже охотно даст свое согласие". Пыпин просил Новаковича принять его "условие", касающееся собственно содержания книги: "Во многих частях книга неполная, это происходило оттого, что во время работы я не имел под руками настоящей славянской библиотеки. Мне хотелось бы дополнить отчасти эти недостатки в вашем сербском издании: не имея теперь возможности пересматривать самый текст, - я, по крайней мере, хотел бы пополнить литературные указания (в примечаниях при самом начале каждой главы). - Я просил бы Вас тогда сообщить мне о ходе Вашей работы и когда нужно доставлял бы Вам свои дополнения, которые были бы включены в текст моих примечаний как мои собственные дополнения. - Конечно, это не мешало бы и Вам делать, если бы случилось, и Ваши дополнения (в особых примечаниях)".

Пыпин сознавался, что со времени выхода его "Обзора" прошло семь лет, в течение которых произошли крупные изменения во всех славянских литературах: "Мне кажется, что мои некоторые мнения, выраженные в книге, иногда находили себе подтверждение в событиях этих последних лет, - и теперь, при новом появлении "Обзора" я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы несколько более разъяснить самое содержание моей книги; для чего я для Вашего издания написал бы в конце ее послесловие в несколько страниц". И последнее пыпинское условие: "...Желание мое иметь несколько экземпляров сербского издания "Обзора", когда оно выйдет, от 10 до 15, для себя и для нескольких приятелей, интересующихся делом".

Перевод Шерра, сделанный Новаковичем, появился в июне 1872 г., но без части о славянских литературах, и без перевода книги Пыпина. В предисловии к книге Новакович писал, что "...если будет здоровье", он сам напишет славянскую

часть или переведет "Обзор" Пыпина и Спасовича. Неизвестно, получил ли он вовремя письмо Пыпина или нет, но на это письмо не ответил, хотя знал, что Пыпин ему писал. В.В.Ягич пишет Новаковичу 19 февраля 1872 г.: "Если Вы еще не получили письмо Пыпина, знайте, что он Вам писал и предоставил к Вашему переводу некоторые новые данные. Второе русское издание он еще не думает подготавливать"¹⁷.

Еще до этой переписки Новаковича с Пыпиным, в конце 60-х годов, сразу после появления С.Марковича на сербской общественной сцене, новая атмосфера усиленного интереса сербской общественности к русской классической литературе и к революционно-демократической мысли подействовала и на Новаковича. В февральском номере журнала "Матица" за 1869 г. он опубликовал перевод фрагмента статьи Д.И.Писарева "Реалисты" под заглавием "Поэты". В комментариях к своему переводу Новакович писал: "Не будет вреда для наших поэтов, как тех, которых критикуют, так и тех, которых хвалят, узнатъ, что от поэта требует Д.И.Писарев, один из новейших русских реальных критиков"¹⁸.

Какие же мысли Писарева привлекли внимание Новаковича в самом начале 1869 г.? Поэт должен понять смысл общественного развития и, как талантливый человек, должен всей силой своего существа любить добро и гуманное, правдивое и прекрасное, и святой ненавистью ненавидеть бессмысленное и глупое, все то, что мешает истине, добру и прекрасному осуществиться и стать "общечеловеческим достоянием". Писатель должен писать не чернилами, а кровью сердца своего, соком нервов своих. Своей поэзией поэт должен открывать новое в жизни, передавать его людям и, таким образом, способствовать развитию общественного сознания. Настоящая поэзия не может не быть тенденциозной, она не в состоянии остаться в стороне от борьбы за правду и добро. Новакович акцентировал мысль Писарева, что поэт не может быть "болтливым юношем", который не знает, о чем надо писать. "Поэт - или великий боец мысли, бесстрашный и безукоризненный "рыцарь духа", как говорит Генрих Гейне, или же ничтожный паразит, потешающий других ничтожных парази-

тов мелкими фокусами бесплодного фиглярства. Середины нет. Поэт - или титан, потрясающий горы векового зла, или же козявка, копающаяся в цветочной пыли"¹⁹. Такой страстно написанный текст повлиял на Новаковича, и ему хотелось, чтобы сербские поэты ознакомились с ним.

Переписка Новаковича с Пыпином возобновилась во второй половине 70-х годов. Они оба работали в области истории своих национальных культур, и, по-своему, помогали друг другу: обменивались книгами и информацией о новых культурных явлениях в России и в Сербии. Во второй половине 50-х годов Пыпин работал над "Историей славянских литератур". В это же время появилась мысль перевести ее на сербохорватский язык. В письме Пыпину от 21 сентября 1878 г. Новакович писал: "В конце у меня к Вам еще один вопрос и одна информация. Г.А.Сандич, профессор новисадской гимназии, хотел бы издать в переводе на сербский язык Ваш "Обзор истории славянских литератур". Узнав от меня, что Вы готовите новое издание, он Вас спрашивает, хотите ли Вы предоставить ему возможность перевода и можете ли посыпать ему корректурные листы Вашей книги. В пользу г.Сандича могу Вам сказать, что он по-сербски пишет хорошо, что учился у Миклошича и что после И.И.Ткальца был редактором "Ost und West" в Вене".

27 сентября Пыпин в ответе Новаковичу благодарил за посланные книги, за замечания на статью "Панславизм в прошлом и настоящем" и заметил: "Что касается перевода Ист. слав. литератур, я был бы очень рад, если бы мой труд мог быть полезен сербской литературе. Сандич мне известен, и я готов доставить корректурные листы - при Вашем посредстве или Вам". Затем он дал свой комментарий относительно нового издания, в котором хотел убедить Новаковича, что эта книга во многом отличается от "Обзора" 1865 г.: "Книга - очень переработана, почти написана заново, и разрослась в два тома. Первый - печатание которого теперь идет к концу /должен выйти до конца октября/- будет иметь 27-28 листов". В заключение он спросил Новаковича: "Как думал г.Сандич издавать перевод - отдельной

книгой или в каком-либо журнале? Когда он думал начать работу? И не покажется ли ему объем книги (в двух томах около 50 листов, или более) слишком большим?"²⁰ Пыпин хорошо знал, что перевод такой книги очень сложен и обращал на это внимание и Новаковича, и Сандича. Перевод "Истории славянских литератур" А.Н.Пыпина и в этот раз не появился на сербокорватском языке.

У Новаковича были довольно тесные контакты с В.И.Ламанским. Из письма Ламанского Новаковичу (авг. 1879 г.) явствовало, что они обменивались своими статьями и необходимой литературой: Ламанский обещал послать труд Флоринского, который "пишет историю задунайской Сербии", и интересовался, как он сам может получить "Сборник Богишича": "Богишич мне на этот раз книги своей не прислал"²¹.

На письмо Ламанского Новакович ответил незамедлительно. 21 октября 1879 г. Ламанский отправил Новаковичу книги по древней славянской культуре и писал: "Моих студентов, занимавшихся историей Сербии и Болг., я всегда направлял к Василевскому и Троицкому. Мне кажется, что без основательного изучения Византии в государственном и церковном, в социальном и литературном отношениях, не только сербская и болгарская, но и румынская и русская история не будет хорошо обследованы". Касаясь известного труда Ягича, он писал: "Мы все теперь переживаем время страшного маразма... Плохо, дурно все у нас идет и относительно славяншинцы, как в науке, так и в политике. Мы это очень хорошо понимаем и, конечно, без стыда не можем глядеть на ягичев "Arhiv fur slawische Philologie". Далее Ламанский поделился со своим адресатом планами основания литературного журнала и затронул вопрос о книжной торговле: Мы еще недавно толковали об этом с Пыпиным, как бы нам устроить тзкой журнал чисто научный (без политики) здесь в Петербурге. Не имеем мы и книжной лавки слав. и русской книжной торговли у славян. Последнее дело кажется впрочем устроится. Я по крайности советую завести книжный русский магазин, но извините не в Белграде, а в Вене. Оттуда могут покупать и русские, поляки и чехи, и

хорваты, и сербы, и словенцы. Желал бы я узнать Ваше об этом мнение"²². Писал он также о таких актуальных вопросах своего времени: "Рассказывал мне Богиич, - он здесь теперь, а потом писал и сам Ягич, что дела в Хорватии отвратительны... Вражда к сербам самая сильная... даже в университетах... Вот пусть и толкует Даничич и другие, что разность вер и церквей ничего не значит. Будь у хорватов хоть старый католицизм, независимый от Рима епископат", собственное духовенство, "и то же самое у поляков", то "вражда сербско-хорватская и польско-русская никогда бы не имела такого острого характера..." Он думает, "что на Западе, в Европе и у нас религиозные вопросы еще будут играть большую роль, и наше восточное христианство, разумеется жившее с новыми силами и очищенное от разных случайностей и совершенно временных пороков, должно проникнуть и к слав. запада - хорватам, словенцам, чехам и полякам". Это письмо Ламанского Новаковичу имеет программный характер.

Интересно его письмо от 10 декабря 1880 г. "Давно не писал я Вам /.../ Между тем и у Вас и у нас произошли важные перемены. Нам теперь гораздо лучше живется. Много добрых надежд, вольнее дышится, печать заметно свободнее. Много явилось и готовится новых журналов. В университете у нас приятная для Вас новинка. Ягич к нам переселился и читает уже курс"²³. Далее он обратился к Новаковичу как к министру /просвещения/ и одному из руководителей партии, пришедшей к власти. "Радуясь предстоящему отъезду Протича, мы с великим сожалением думаем о предстоящем нам расставанье с Лазо Костичем. Кажется и ему у нас понравилось. Он бы рад радехонек был у нас еще остаться. Если удаление Костича из Петербурга у Вас дело не решенное, если г.Хорватовичу и Вашим товарищам по министерству он не противен на своем месте, то смею прибавить, что здешние литературные, учёные и другие общественные круги были бы очень благодарны Вашему кабинету, когда бы он нашел возможности, разумеется не противореча своим убеждениям и намерениям, оставить еще у нас на известное время г.Костича.

Его у нас многие полюбили. Мне кажется, что наши сербско-русские отношения могут только выиграть от таких почтенных и достойных представителей, каковы Хорватович и Костич²⁴. Это письмо Ламанского Новаковичу отличалось от предшествующих своим тоном – это письмо ученого министру, хотя и не иностранных дел, но могущему подействовать на служебный статус Л.Костича как секретаря сербского посольства в Петербурге.

У Новаковича были очень широкие связи с русскими славистами и культурными деятелями. Он переписывался с В.В. Стасовым, Т.Д.Флоринским, Е.Е.Голубинским, П.А.Лавровым, К.А.Радченко. Его дом в Белграде был открыт для всех русских, приезжавших туда, как и в Петербурге, когда он служил там, они бывали его гостями.

Контакты С.Новаковича с Россией и русскими (политические и научные прежде всего) были плодотворными для обеих стран и обеих культур. В наше время полезно обратить внимание на эти связи, потому что многие теперешние обстоятельства сходны с имевшими место в последней трети прошлого столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Јовановић С.. Стојан Новаковић – личне успомене. Споменица Стојана Новаковића. Београд, 1921. 93-94.

2.И.С.Ястребов служил на Балканах с 1867 г. до своей смерти в 1894 г.

3. Архив Српске академије наук и уметности (в дальнейшем – Архив САНУ). Фонда Стојана Новаковића, 8718.

4. М.Дринов (был профессором славистики в Харькове. Главные его произведения: Заселение Балканского полуострова славянами и Южные славяне и Византия в X веке.

5. Новаковић С.. Певанија I, У Биограду 1862.

6. Руварац К. Певанија С.Новаковића. Даница, 3, 1862, I7, 278-282.

7. См.: Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970. С.202-208.

8. Кавкаски роб. Спјев. С рус. Стојан Новаковић. У Биограду 1863.

9. См.: Васић А. Вила. Садржај и предметни регистар. Нови Сад. 1987.

10. Вила, №, 44, 46, 48 и 50, 1865.

II. Новакович и лично познакомился с Пыпиным во время своей службы в Петербурге.

12. Новаковић С. Историја српске књижевности, Београд 1867. с.6.

13. См.: Вулетић В. А.Н.Пипин и руско-српске книјевне везе // "Почеци српског реализма и руска култура". Нови Сад, 1985. с. 257.

14. Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Фонд А.Н.Пипина, 250, 304, л. I.

15. Там же, л.2 об. См.также: Архив САНУ, Фонд Стојана Новаковића, 8768.

16. В черновике ответа Пипина зачеркнуто предложение "Я не требую никаких материальных выгод для себя от этого издания".

17. Архив САНУ, Фонд Стојана Новаковића, 8768.

18. Матица, 4, 1869, 4, 92.

19. Матица, 4, 1869, 4, 93. Оригинал: Писарев Д.И. Сочинения в четырех томах. М., 1956. Т.3. С.95.

20. Архив САНУ, Фонд Стојана Новаковића, 8768.

21. Архив САНУ, Фонд Стојана Новаковића, 8738.

22. Там же.

23. Там же.

24. Там же.

О.В.ЛЕБЕДЕВА

КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ РОССИИ В ЗЕМЛЯХ АВСТРИЙСКИХ СЛАВЯН В XIX ВЕКЕ

В 1966 г. на международной конференции в Смоленице, посвященной творчеству Людовита Штура, ученый из Марбурга П.Шайберт поднял церковную проблему. Он отметил, что в источниках встречаются сведения о "возможности миссии православной церкви в австрийских землях, о взаимных усилиях и влиянии православной церкви в Чехии", однако это "очень интересное движение" остается пока вообще неисследованным¹. Действительно, существует обширная литература по связям России с зарубежными славянскими народами, но до сих пор не было предпринято специального исследования материалов, связанных с историей "православной идеи" в европейской дипломатии XIX в.

В немногочисленных дореволюционных работах рассматривались некоторые благотворительные акции России с данными о количестве и характере пожертвований "единоверцам и единоплеменникам". Эта помощь расценивалась как свидетельство гуманности и готовности российского общества поддержать славян, "страдавших под турецким и австрийским владычеством"². В советских исследованиях тема религиозной благо-

творительности долгое время вообще не поднималась. Сергей Александрович Никитин был первым, кто затронул этот вопрос. В монографии "Славянские комитеты в России" (1960) он особо подчеркнул значение деятельности М.Ф. Раевского (1811–1884), который был настоятелем русской посольской церкви в Вене с 1842 г. до конца своих дней. Материалы протоколов благотворительных комитетов, подробно исследованные С.А. Никитиным, показывают, что посольская церковь была своего рода соединительным звеном между российской и славянской интеллигенцией. Это подтверждают и сведения изданной в 1978 г. обширной корреспонденции из архива М.Ф. Раевского³. В 40–80-е годы XIX в. велась регулярная переписка с ведущими политика-ми, учеными, иерархами из славянских земель. Небольшая часть конфиденциальных сообщений М.Ф. Раевского о политическом положении в Австрийской империи, адресованных министерству иностранных дел, была опубликована В.Н. Кондратьевой. Однако, комментарий к ним, в которых Австрия характеризуется как "многовековой оплот реакции и германизации" нуждается в пересмотре⁴.

В западной историографии существуют различные, подчас резко противоположные мнения относительно роли "кирилло-мефодиевской" идеи и ее содержания. Еще в 30-е годы профессор Оксфордского университета Б. Самнер в книге "Россия и Балканы" отмечал, что она служила инструментом для осуществления внешнеполитических амбиций России в Центральной и Юго-Восточной Европе. Наиболее авторитетные исследователи русско-славянских отношений – Г. Кон, С.Б. Кимбалл, М.Б. Петрович, Н.В. Рисновски и др. – попытались выработать компромиссную формулировку: идея религиозного единства, имевшая гегемонистскую направленность, стала существенным компонентом дипломатии России лишь в последней трети XIX в.⁵ В целом приходится констатировать, что ни в отечественной, ни в западной славистике не выработано отчетливого представления о религиозном аспекте славяно-русских связей. Это объясняется не только отсутствием в исследованиях широкого круга необходимых источников, доступ к которым был еще в недавнем прошлом затруднен, но и общей идеологизацией проб-

лем, сопряженных с "панславизмом" и "панруссизмом", а также пока еще слабо изученной историей православной церкви в европейских реалиях XIX в.

Большой интерес для осмыслиения столь неоднозначной темы представляют материалы Святейшего Синода и канцелярии его обер-прокурора, которые хранятся в ЦГИА. Эти неисследованные источники раскрывают не только новую грань во взаимоотношениях России с зарубежными славянами, но и придают специфические оттенки центральноевропейской дипломатии, а также позволяют более детально исследовать роль конфессионального фактора в становлении национализма "малых" народов.

Термин "православная миссия" имеет, на наш взгляд, двойной смысл и прямо обусловлен спецификой заграничной деятельности Святейшего Всероссийского Правительствующего Синода - главного соборного органа православной церкви, непосредственно подчиненного монарху. Официально "православной миссией" назывались представительства русской православной церкви за рубежом. Но, с другой стороны, это понятие подразумевало также и миссионерскую подвижническую работу, направленную на расширение и укрепление православного вероисповедания за пределами России. Поскольку это касалось прежде всего австрийских и турецких подданных, то уже сам факт подобной деятельности выходил за рамки религиозной благотворительности и принимал более или менее выраженную политическую окраску.

Одним из первых свидетельств заинтересованности правительства России в распространении ее "морального влияния" является дело об учреждении в Одессе книжной лавки для перевода религиозной литературы в австрийские земли, которое проходило в канцелярии обер-прокурора Синода в 1838-1839 гг.⁶ В 1838 г. генерал-майор Муравьев, возвратясь из Австрии, подал записку о положении православной церкви. Он писал, что в Галиции, Трансильвании, Крации, Славонии, Венгрии и Далмации насчитывается более 4 млн. славян, исповедывающих православие. Правительство, опасаясь влияния России, стремится чинить всевозможные препятствия Восточ-

ной Церкви и обратить ее паству в униатство. Между тем, славяне тянутся к единокровной России и выражают сожаление, что в Одессе нет специального склада церковных и светских книг, откуда их могли бы доставлять в славянские земли. На этой рукописи рукой Н.А.Протасова, бывшего в 1836-1855 гг. обер-прокурором Синода, есть помета: "Доложено Его Императорскому Величеству в Царском Селе 1 ноября 1838 года. Государь Император Высочайше соизволил утвердить предложенные меры и повелеть переговорить с графом Нессельроде о возможности послать Православным в Австрии духовные книги через посольство". Н.А.Протасов подготовил специальное донесение по этому поводу, в котором попытался убедить Николая I в необходимости поддерживать православную церковь в Австрии: "/.../ Сии способы могут состоять преимущественно в духовном общении с тамошними православными епископами и в снабжении тамошнего духовенства издающимися в России церковными книгами. Но и то, и другое по политическим отношениям едва ли возможно"⁷. Обер-прокурор считал, что связи с австрийскими славянами должны осуществляться не только через миссию при российском посольстве в Вене, но посредством организации книжной лавки в Одессе. Это предложение было одобрено императором, причем предполагалось израсходовать "значительную сумму". В 1839 г. одесский купец Мильванов, кандидатура которого была утверждена Синодом, открыл книжную лавку, которая послужила прикрытием для перевозки религиозной литературы в австрийские земли.

С конца 30-х годов в канцелярию обер-прокурора поступали регулярные сообщения о положении православной церкви в различных областях Австрийской империи. Как правило, в них описывалось бедственное существование православных священников, которым, как отмечал в 1841 г. архимандрит Порфирий, "даже запрещают говорить материнным языком, им угрожают северным кнутом, им вменяют в преступление сродство их с русскими, они стоят между тремя истребительными огнями: паписты принуждают их к Унии, немцы стараются германизировать их, венгерцы силятся сделать их мадьярами. Могут ли далее простираться страх и ненависть к России и

ко всему славянскому народонаселению? Бедные славяне так угнетены, так напуганы, что не смешут открыто изъявлять своей любви ко всему русскому"⁸. В таком же духе выдержаны подробные сообщения, которые посыпал из Австрии отец Филарет (Дроздов) с 1841 по 1862 гг.⁹ Примечательно, что многие путешественники из России, познакомившиеся в 30–40-е годы со "славянским миром", были убеждены в безусловном русофильстве своих "единоплеменников". Большая же часть российского общества имела весьма поверхностное представление о славянах и не проявляла к ним особого интереса. Примером служит история всеславянских изданий "Москвитянина" под редакцией М.П.Погодина и "Денницы" П.Дубровского, вынужденных прекратить существование из-за отсутствия подписчиков¹⁰.

В немногочисленных славянофильских кругах складывался в это время упрощенный образ славянских братьев, которые веками стремились вернуться к исконным началам – православию и России. В 1839 г. после возвращения из австрийских земель, М.П.Погодин сообщал С.Уварову, министру народного просвещения, что западные славяне увлечены Россией – "там витают их надежды, планы и мечтания". Одно из таких "мечтаний" было им подробно описано: славяне стремятся отделяться от Австрии и образовать федеративное государство с Россией во главе, которое простирилось бы от Восточного Океана до Адриатического моря и "повелевало бы остальным миром". Заметим, что это донесение, так же как и сообщение Муравьева, было благосклонно воспринято Николаем I, по распоряжению которого предполагалось передать некоторым славянским деятелям (П.И.Шафарiku, В.Ганке) денежные суммы¹¹. Однако, эта помощь со стороны России так и не сложилась в целенаправленную дипломатическую акцию. Она носила эпизодический характер, и ее отдельные немногочисленные проявления зафиксированы в материалах Святейшего Синода под грифом "секретно".

В 1842 г. после своего второго путешествия, М.П.Погодин, обстоятельно изучив образ мыслей славянской интелигенции, откровенно писал С.Уварову, что "старыми методами

нельзя действовать ни дипломатам, ни политикам". Он призывал к поддержке славянских движений в Австрии, ибо в противном случае ".../ приверженность может обратиться в ненависть. Нельзя поручиться, чтоб это не произошло даже скоро при нынешнем быстром ходе дел, если Россия не начнет обнаруживать своего расположения к славянам, не будет подавать помощи, хотя бы тайной, незначительной славянским корифеям". М.П.Погодин чутко уловил тенденцию опоры на собственные силы, которая в 40-е годы значительно усилилась среди австрийских славян. Хотя он и считал это происками агентов из Германии, Англии и Франции, пытавшихся подорвать "русско-славянский колосс", но, будучи широко информированным о национальных движениях, понимал, что "моральное влияние" России ослабевает¹². С.Уваров не решился представить донесение Погодина императору из-за резких формулировок. Уже в это время идея культурно-религиозной поддержки австрийских славян, так и не воплотившаяся в реальный проект, изжила себя в правительенных кругах. Откровенно проавстрийская политика министра Нессельроде, стремление Николая I любыми средствами удерживать "статус-кво" в Европе, появление революционных интерпретаций славянской идеи, вызвавших негативную реакцию российского правительства, – все это привело к тому, что за разгромом Кирилло-Мефодиевского общества последовали аресты славянофилов, а также циркуляр министерства народного просвещения от 30 мая 1847г., в котором строго запрещалось проявление сочувствия к австрийским подданным.

Однако, официальные запреты уже не могли остановить процесс осмыслиания политической взаимосвязи "Россия-славяне" в русской общественной мысли. В 30-50-е годы идея единого вероисповедания получила приоритетное развитие в тех трактовках славянской идеи, которые строились, как правило, на альтернативном противопоставлении России и Запада. Наиболее пластичную мотивацию эта дилемма получила в славянофильском учении. Конфессиональный фактор стал краеугольным камнем теории двух исторических типов. Философ Ф.Степпун, рассуждая о специфике романтизма в России, замечал,

что он запаздывал по сравнению с европейским на 20-30 лет. В то время, когда в России была весьма популярна натурфилософия Шеллинга, провозглашавшая идею универсального синтеза на основе религиозного преобразования жизни, в Европе уже преобладала антиромантическая тенденция¹³. В среде традиционалистски настроенной интеллигенции это рождало убеждение, что Запад не в состоянии реализовать гуманистические ценности романтизма. Целостное религиозное единство "русского духа" противопоставлялось "логическому формализму" на трех уровнях: противоположность рационального и романтического, западноевропейского и русско-славянского общественных укладов, а также коренное различие между православием и католицизмом. Основываясь на мысли, что православие является объединяющей формой религиозного сознания, славянофилы подчеркивали, что Россия – это классическая страна романтической культуры, несопоставимая с Западом, миром бездуховной рассудочности, где разбито "святое единство веры". В этой философской системе идея православия выдвигалась как критерий истинности славянского, а значит, особого, отличного от Европы, хода исторического развития России.

Эта мысль о единстве православного вероисповедания была впоследствии заимствована из славянофильского учения теоретиками панславизма и доведена до своего логического завершения: все славяне должны вернуться¹³ к исконным началам, став православными. В сочинениях Ф.И.Тютчева /трактаты "Россия и Германия" (1844), "Россия и Запад" (1850)/ это соединение православия со славянской идеей было сформулировано в наиболее резкой безапелляционной форме¹⁴. Он писал: "/.../ Империя едина: православная церковь – ее душа, славянское "племя" – ее тело. Если бы Россия не пришла к Империи, то она зачахла бы". Понятие "империя" употреблялось им в его первоначальном значении – высшее господство над миром. Оно являлось для автора сущностной характеристикой развития России: "Церковь, освящая Империю, приобщила ее к себе, следовательно, сделала ее окончательной". Смысл рассуждений сводился к идее создания в Европе Вселенской Православной

империи: "Вопрос племенной лишь второстепенный или скорее это не принцип. Это стихия. Принципом является православная традиция. Россия гораздо более православная, нежели славянская". Если попытаться схематично представить процесс кристаллизации панславизма в России в 30-40-е годы XIX в., то можно, на наш взгляд, рассматривать публистику Ф.И.Тютчева и славянофильство как два полюса в осмысливании православной темы в общественной мысли. Именно в это время наблюдаются первые попытки воспринимать православную идею не только в качестве философского обоснования особого пути России, но и в контексте внешней политики, как средство распространения сферы "морального влияния". Приведенные материалы позволяют сделать предварительный вывод, что первые, пусть робкие, опыты славянской политики, осуществляемые правительством Николая I, приходятся на вторую половину 30-х годов. Общественная мысль более активно осваивала православную идею, чем дипломатия. Хотя официальная внешняя политика России не строилась на идеях панславизма, уже в эти годы намечается общая точка соприкосновения в вопросе о единоверии. Поддержка православия за границей рассматривалась и как христианский долг, и в качестве политической акции. Это отчетливо проявилось в 60-е годы, на которые пришли конституционные эксперименты в Австрийской империи и период реформ российской общественной жизни.

Поражение в Крымской войне и последовавшая дипломатическая изоляция Россия потрясли общественное сознание, обострили задачу поиска новых путей развития и самоутверждения в европейской системе. На фоне уязвленного национального самолюбия, в консервативной среде распространялось мнение, что Европа представляет собой постоянную угрозу для России. "Политические письма" М.П.Логодина, написанные под влиянием идей Ф.И.Тютчева, приобрели широкую популярность даже в придворных кругах. Второй импульс был дан польским восстанием 1863-1864 гг., вызвавшим волну великодержавного национализма. Польский вопрос обострил альтернативность панславистских установок: кто не поддерживает действий России, тот не славянин¹⁵. Если под вли-

янием Крымской войны мессианские идеи, проявлявшиеся в формировавшейся славянской идеологии, были своего рода компенсацией за поражение, то уже к середине 60-х годов в них все более усиливаются элементы самовозвеличивания. На этой волне идея единого вероисповедания для всего "славянского мира" приобретала много сторонников среди "славянофильской" интелигенции. Из теоретиков панславизма наиболее последовательно ее отстаивали в 60-е годы И.С.Аксаков и А.Ф.Гильфердинг.

* В своих многочисленных публицистических выступлениях на славянскую тему И.С.Аксаков разделял человечество по конфессиональному признаку на православные, римско-католические и протестантские народы. Высшим отражением духовности явилось для него православие, поэтому Западу противопоставлялся "мир славянский вообще и мир Православный" в особенности¹⁶. Если Тютчев считал, что будущее России будет решаться при распаде Австрийской империи, то Аксаков был уверен, что именно восточное направление жизненно важно для России, поскольку там развертывается борьба между православной и католической церквями. Перед внешней угрозой необходима консолидация всех славянских народов, "высшее духовное объединение в вере"¹⁷. Православие И.С.Аксаков считал критерием "истинного славянства", поэтому в его изданиях ("День", "Москва") неоднократно выдвигалось требование к западным славянам, "похищенным латинством", вернуться к исконным началам.

Абсолютизация православия как "символа духовного единства славянских народов и славянского самосознания" была присуща взглядам А.Ф.Гильфердинга. Как и И.С.Аксаков, он видел в религии основной водораздел между греко-славянским и латинским миром¹⁸. Обращение в католичество рассматривалось им как отречение от исконных начал и сращивание славянских народов с чуждой латино-германской средой.

Как правило, требование единого вероисповедания подразумевало также и принятие всеми славянами русского языка как общеславянского. Причем большинство сторонников панславизма (М.Погодин, В.Ламанский, Н.Попов, А.Майков, Н.Берг и др.)

делали акцент именно на идею всеславянского языка. Единство языка и религии трактовалось как сущностный признак гомогенной культурно-религиозной славянской общности, которая противопоставлялась "сепаратизму" отдельных национальных движений. Особенно резкую критику вызывал чешский федерализм, на который обрушивались "Московские Ведомости" М.Н.Каткова.

Параллельно интенсивному развитию славянской идеологии в общественной мысли, росла заинтересованность официальных кругов в зарубежных славянах. Отчасти на это повлияли антиавстрийские настроения, распространявшиеся при дворе Александра II после Крымской войны. Министр иностранных дел А.М.Горчаков был решительным противником какого-либо сближения с Веной, считая Австрию "послушным орудием Англии", являвшейся "непримиримым противником наших интересов и всюду самым агрессивным образом проявляющим свою враждебность"¹⁹. В отчете МИД за 1866 год с предельной ясностью раскрывалась взаимосвязь Восточного вопроса с основной дипломатической стратегией, направленной на отмену положений Парижского мира и последовательное проведение политики невмешательства. Вместе с тем указывалось, что Россия должна взять на себя "моральное руководство" славянскими движениями, "использовать в этих целях влияние, по справедливости принадлежащее России в силу ее традиций, географического положения и ее законных интересов таким образом, чтобы исполнить нашу историческую миссию на Востоке, укрепить наши связи сочувствия с христианами /.../" Россия, не имея возможности активно действовать на Балканах, избрала единственно возможный путь восстановления своего влияния в регионе – осторожную поддержку национальных движений. Борьба за умы и сердца балканских народов являлась одной из ключевых задач российской дипломатии. Сама идея "Россия – центр славянского мира" не ограничивалась, как представляется, балканским регионом. Правительственные круги проявляли определенный интерес и к распространению "морального" влияния на австрийских славян. Материалы Святейшего Синода этого времени свидетельствуют

о целенаправленных усилиях по укреплению православного вероисповедания в австрийских землях.

Начиная с 1857 г. М.Ф.Раевский по просьбе гр. А.П.Толстого (в 1856–1862 гг. обер-прокурор Синода) подробно сообщал ему сведения о внутренних отношениях в Австрии: "В сношениях моих со славянами, – писал он в первом письме, – не перестаю пользоваться их всегдашней ко мне доверенностью. Передо мной охотнее открывают они свои мысли и намерения, когда есть случай, чем перед всякими лицами официальными. Но эта часть службы для меня и есть самая трудная, особенно без нравственного и материального пособия со стороны"²¹. Сам обер-прокурор придерживался мнения, что для славянских народов "единство веры, без всякого сомнения, есть залог прочнейшей связи"²². Примечательно, что в 1865 г. министр внутренних дел П.А.Валуев, беседуя с новым обер-прокурором Ахматовым, пришел к выводу, что "его идеал – величие России". "Следовательно, – записал министр в своем дневнике, – точка отправления обер-прокурора Св. Синода вовсе не синодальная"²³. Религиозные и политические вопросы тесно переплетались в деятельности одного из высших государственных органов.

Особый интерес у А.П.Толстого вызывала карта конфессионального разделения народов Австрийской империи, а также отношение правительства к различным верованиям. М.Ф.Раевский постоянно в личной переписке с Толстым, так же как и в дипломатических рапортах, подчеркивал подозрительное отношение Вены к православию. Он считал, что австрийское правительство убеждено в том, что "русская пропаганда особенно состоит в распространении книг, что ими она имеет особенное влияние на славян", поэтому оно "с злобой и правами средних веков" стремится "поглотить, уничтожить и по политическим, и по /.../ своим видам православие"²⁴. Согласно его сообщениям, в 1851 г. в Вену были вызваны православные иерархи, где им строго запретили пользоваться духовными книгами из России. Многие из них, особенно сербский патриарх Раичич, были возмущены подобным решением. В 1857 г. правительство официально сообщило посольству

России, что "русские книги для своих подданных принимать не будет". Из конфиденциальных источников М.Ф.Раевский еще в 1851 г. получил сведения, что австрийские дипломаты пытались навести справки в России о том, "какое имеет отношение Император Российской к Церкви Православной"²⁵. Сам Раевский находился под подозрением. Он прекрасно осознавал это, будучи осведомленным о том, что граф Тун неоднократно упрекал сербских изархов за их связи с посольскими священниками.

М.Ф.Раевский подробно разрабатывал проекты укрепления православного вероисповедания, которые он подавал на рассмотрение Святейшему Синоду: "Взгляд на состояние Церкви Католической в Турецко-Славянских провинциях" (1857), "Взгляд на состояние Православной церкви на востоке, преимущественно в землях славянских" (1857), "О стремлении Римской церкви окатоличить славян и русских" (1858), "О положении славянских дел" (1862), "Какими средствами Россия может действовать с пользой для себя на славян" (1864) и др. Распространение "морального" влияния России должно было бы осуществляться, по его мнению, в нескольких направлениях. Основное внимание он предлагал уделять перевправке религиозной литературы в австрийские земли, далее - материальной поддержке (как частной, так и государственной) православных церквей и монастырей, созданию в Вене библиотеки духовной литературы, расширению книготорговли. В середине 60-х годов к этим мерам М.Ф.Раевский добавил новые: он указывал на необходимость пересмотра почтовой конвенции между Россией и Австрией для бесперебойной посылки книг, создания в Белграде склада русских книг, чтобы их переправлять в австрийские земли, издания в Вене на русском и немецком языках газеты русофильского направления. Впервые в этом плане указывались откровенно политические акции. Так, Раевский призывал оказывать материальную поддержку студенческому движению среди славян и униатской церкви в австрийской Галиции²⁶.

Эта последняя мера обращает на себя особое внимание. Судя по материалам Св.Синода 30-40-х годов отношение к

к униатам было отрицательным. Уже в сообщениях 50-х годов Раевский писал, что российская православная церковь должна поддержать униатское духовенство, которое играет важную роль в национальном движении в Галиции. В его переписке с Толстым особое место отводилось галицийскому вопросу²⁷. По его письму было принято решение Синода послать униатским церквям в Венгрии ризницы и книги²⁸. Разделенная Галиция была одной из таких зон в Европе, где происходило столкновение интересов крупных держав, борьба за сферы влияния. В этом смысле весьма примечателен эпизод из практики русско-австрийской дипломатии. В 1867 г. ведущие славянские деятели получили приглашение участвовать в славянском съезде в России. Австрийское правительство негативно отнеслось к поездке своих подданных на "славянскую манифестацию". Министр иностранных дел, канцлер Бойст в письме к австрийскому поверенному в Петербурге барону Б.Ревертере выразил желание, чтобы он в разговоре с А.М. Горчаковым намекнул, что подобная акция может быть организована Австрией в Галиции. Но находчивый Горчаков сразу же ответил, что на территории России не найдется много желающих участвовать в таком мероприятии²⁹. Естественно, галицийская проблема заслуживает специального исследования с привлечением источников из церковных ведомств. Материалы Синода содержат достаточно сведений о том, что российские официальные круги были заинтересованы в 60-е годы в распространении русофильских настроений среди униатских священников в австрийской части Галиции.

Судя по протоколам заседаний Синода, помощь "единоплеменникам" со второй половины 50-х годов постепенно увеличивалась. В 1856 г. по предложению обер-прокурора было принято решение о снабжении миссионерских отделений, в том числе и в Австрии, учебными духовными книгами³⁰. Ежегодно в австрийские земли, особенно в юго-славянские, посыпалось все большее количество религиозной литературы³¹. С начала 60-х годов стала проявляться новая тенденция – денежные пожертвования (как частные, так и церковные) православным священникам, а также сооружение новых хра-

мов (как, к примеру, постройка православной церкви в Карлсбаде)³².

Итак, на протяжении тридцатилетнего периода (с конца 30-х по 60-е годы XIX в.) происходило постепенное оформление православной миссии в особый церковно-дипломатический орган. Как представляется, православная идея, проповедавшая единство вероисповедания для всех славян, получила развитие и в официальных церковных кругах, и в среде традиционалистски настроенной интеллигентии. Характерно, что в общественной мысли она являлась основным компонентом тех моделей, которые были ориентированы на достижение мирового величия России. С другой стороны, уже первые опыты славянской политики свидетельствовали о том, что идея единоверия использовалась в качестве дипломатического приема для утверждения "морального влияния" России.

Рамки данного сообщения не позволяют более подробно охарактеризовать эту сторону русско-славянских отношений. Но даже краткий обзор материалов, хранящихся в фонде Святейшего Синода, показывает, что церковный вопрос заслуживает специального внимания отечественной славистики. Политика Синода в отношении зарубежных конфессий являлась неотъемлемой частью российской дипломатии и строилась в соответствии с тем пониманием интересов России, которое складывалось в правительственные кругах. В то же время церковь преследовала также и собственные цели по усилению своего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. Это была умно и четко организованная миссионерская деятельность.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Scheibert P. Rajevskij und die orthodoxe Mission in den slavischen Landern// Iudovit Stur und die slavwische Wechselseitigkeit. Gesamte Referate und die integrale Diskussion der wiessenschaftlichen Tagung in Smolenice 27-29. Juni 1966. Bratislava, 1969. S. 420.

2. Попов Н.А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. СПб., 1871; Дурново Н.Н. Панславистская политика на православном востоке и в России. М., 1908; Вергун Д.Н. Черновики. Право-

- славие в Австро-Венгрии и в оккупированных ею землях. - ЦГИА. Ф.909. Оп.1. Д.II.
3. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф.Раевского. М., 1975. 575 с.
4. Кондратьева В.Н. Записки М.Ф.Раевского о положении подвластных Австрии народов // Славяно-германские отношения. М., 1964. С.181.
5. Sumner B.N. Russia and the Balkans. 1870-1880. Oxford, 1937. P.56-57; Kohn H. Pan-Slavism. Its history and ideology. Notre Dame, 1953. P.1-7, 251-252; Idem. The mind of modern Russia. Historical and political thought of Russian Great Age. New Jersey New Brunswick, 1955. P.9-11, 22; Petrovich M.B. The emergence of russian panslavism. New York, 1956. P. 17-31.
6. Об учреждении в Одессе книжной лавки для продажи духовных книг. 1838- I ноября, 1839 - 2 мая. - ЦГИА. Ф.797. Канцелярии Обер-прокурора Свят. Синода. Оп.8. Д.24170. 8 лл.
7. Записка генерал-майора Муравьева "Взгляд на положение Православия и Юни в австрийских владениях. - ЦГИА. Ф.797 Канц. Обер-прок. Св. Синода. Оп.87. Д.20. 1 л.
8. Письмо послушника, состоящего при Императорском Российском посольстве в Вене, архимандрита Порфирия. Из Вены 1841 года октябрь 15/27 дня. - ЦГИА. Ф.832. Оп.1. Д.101. Л.9.
9. О.Филарет (Дроздов). О положении православных славян в Австрии. 1841-1862 гг. - ЦГИА. Ф.832. Оп.1. Д.101.
10. Лаптева Л.П. Русский славист XIX в. П.П.Дубровский (1812-1882) // Сов.славяноведение. 1991. № 6. С.93-101.
11. Докладная записка С.С.Уварова Николаю I от 23 февраля 1840 г. - ЦГИА. Ф.735. Оп.2. Д.127. Сохранилась запись, сделанная рукой Николая I: "Очень любопытно, что требует большой осторожности. 2 тысячи серебром выдать можно".
- О пособии чешским ученым Шабарику и Ганке. - ЦГИА. Ф.735. Оп.2. Д.60; О пособии М.П.Погодину в 3 тыс.рублей серебром. 1839-1840 гг. - ЦГИА. Ф.735. Оп.2. Д.127.
- Погодину М.П. Письмо к министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 г. // Сочинения г. М.П.Погодина. М., 1874. Т.ІУ. С.19-23.
12. Погодину М.П. Второе донесение министру народного просвещения о путешествий 1842 г. преимущественно в отношении к славянам // Сочинения. Т.ІУ. С.47-67.
13. Степшун Ф. Немецкий романтизм и русское славянофильство // Русская Мысль. 1910. III. С.65-75.
14. Трактат Ф.И.Тютчева опубликован в "Литературном наследстве. Ф.И.Тютчев". Книга I. М., 1988. С.205-225. Статья Ф.И.Тютчева "Россия и революция" (1848), где были высказаны подобные же взгляды, была опубликована в труде: Барсуков М.Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн.9. С.274-278. См. также: Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С.204-206.
15. См., к примеру: Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. М., 1887. Вып. I.

16. Аксаков И.С. Славянский обзор // День. 1861. № 15 окт
№ 1; Публикации в "Дне": № 3, 1861; № 33, 1862; № 35, 1862
17. Публикации в "Москве" за 1867-й год: Москва, 6-го
января // Аксаков И.С. Славянский вопрос. 1860-1866. М.,
1886. С.96; Москва, 18 января // Славянский вопрос. С.108-
109; Москва, 5 февраля // Славянский вопрос. С.122-123;
Москва, 11 февраля // Славянский вопрос. С.130-131; Москва,
18 февраля // Славянский вопрос. С.136.

18. Гильфердинг А.Ф. Очерк истории Чехии // Собрание
сочинений. СПб., 1868. Т.1. С.346, 353, 409; Он же. Пись-
ма об истории сербов и болгар. М., 1855. Вып.1. С.25; Он
же. Польский вопрос // Собрание сочинений. СПб., 1868.
Т.2. С.295-335; Он же. Значение Кирилла и Мефодия в сов-
ременности // Собрание сочинений. Т.1. С.334-340.

19. Сборник, изданный в память 25-летия управления Ми-
нистерством иностранных дел. А.М.Горчаковым. СПб., 1881.
С.5.

20. Отчет МИД (1866) был опубликован С.А.Никитиным:
Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей
в 50-70-е годы XIX века. М., 1970. С.150.

21. М.Ф.Раевский - А.П.Толстому, 3 июля 1857 г. //
Письма Настоятеля Посольской церкви нашей в Вене, протои-
ерея Михаила Раевского. 3 июля 1857 - 8 марта 1865. -
ЦГИА. Ф.797. Оп.27. Д.224 в, 6 л.

22. А.П.Толстой - М.Ф.Раевскому, 26 июля 1857. -
ЦГИА. Ф.797. Оп.27. Д.224 в, 9 л.

23. Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел.
1865-1876. М., 1961. С.135 (запись 27 июля 1866 года).

24. М.Ф.Раевский - А.П.Толстому, 1 октября 1857. -
ЦГИА. Ф.797. Оп.27. Д.224 в, 12 л.

25. О сообщении протоиереем Российской миссии в Вене
Раевским сведений о состоянии Православной Церкви в
Австрии. - ЦГИА. Ф.797. Оп.21. Д.46025. 1 л.

26. Раевский М.Ф. Какими средствами Россия может дей-
ствовать с пользой для себя на славян. Записка. Апрель
1864. Автограф, 19 лл. - ОР ПБ (С-Щ.). Ф.627 Раевский
М.Ф. № 4.

27. Письма Настоятеля Посольской церкви нашей в Вене,
протоиерея Михаила Раевского. - ЦГИА. Ф.797. Оп.27. Д.224 в,
207-208 лл., 290-309 лл.

28. По письму протоиерея церкви в Вене Раевского о по-
ложении славянских дел. Здесь же о снабжении Унгальских
церквей в Венгрии ризницей и книгами. - ЦГИА. Ф.797. Оп.33.
Д.15. 2 л. об. - 3 л. об. 29. Kazbunda K. Pohy Cecho do Moskvy r. 1867 a Rakouska
Diplomacie. Praha, 1924. Přílohy. S.84-87.

30. По предложению Обер-прокурора о снабжении миссионерских
отделений учебными книгами. - ЦГИА. Ф.796. Канцелярия Синода. Оп. 137. Д.515/5302.

31. По канцелярии Св.Синода со списком Православных
церквей при заграничных наших миссиях. - ЦГИА. Ф.796.
Оп.138. Д.2162; В Венгрии, Иромская. О снабжении ее бого-
служебными книгами. 1857 год. - Там же. Д.227; О высылке
в Австрию духовных периодических изданий наших для снаб-
жения боями православных архиереев и семинарий в австрий-

ских владениях, а также в Турцию для единоверных нам славян (1858) - ЦИА. Ф.796. Оп.139. Д.1523.

32.0 суммах для заграничных православных церквей и монастырей. - Там же. Д.1350. Оп.141; Об оказании пособия храму святителя Николая при вице-консульстве нашем в Вене (1863). - Там же. Оп.144. Д.1427; О постройке Православной церкви в Карлсбаде (Австро-Венгрия). - ЦИА. Ф.797. Оп.30. Д.360 (1860-1867), 44 лл.

Л.А.КИРИЛИНА

ОТНОШЕНИЕ СЛОВЕНЦЕВ К РОССИИ В 1848-1849 ГГ.

(По материалам словенской прессы)

В период революции 1848-1849 гг. Россия и русские не стояли в центре внимания словенской общественности. Сообщения, в той или иной мере затрагивавшие русскую тематику, появлялись в словенской прессе изредка, были скучны и отрывочны, носили по большей части информативный характер. Замечания концептуального плана - о роли Российской империи в европейской политике и ее значимости для славянского мира, о позиции австрийских славян по отношению к России и русским, о внутренней политике российского самодержавия - иногда проскальзывали в программных документах и теоретических статьях словенских либералов. Внимательный анализ словенской прессы 1848-1849 гг. дает нам возможность составить представление о степени информированности словенцев о могущественной славянской стране в середине XIX в., а также о том, какую роль отводили России в своих преобразовательных планах словенские идеологи.

Автор ставит задачу охарактеризовать взгляды словенских национальных деятелей на проблему отношения к России и к русским в период революции 1848-1849 гг. и проследить их эволюцию. Из советских историков затронула эти вопросы в своих труда И.В.Чуркина¹. Некоторые замечания на этот счет содержатся и в работах словенских историков Ф.Цвиттера², В.Мелика³. Данная статья является первым опытом подробного освещения темы на основе материалов словенской периодики 1848-1849 гг., прежде всего первой политической газеты словенских либералов "Словения" (июль 1848 г. - март 1850 г.).

В то время это была единственная словенская газета европейского уровня, газета для интеллигентии. Остальные словенские издания значительно отставали от нее, не сумев избежать провинциализма (как "Цельске словенске новине"), либо же ориентировались на менее просвещенного читателя (как газета для крестьян и ремесленников "Кметийске ин рокодельске новице").

Отношение словенских национальных деятелей к России и к русским на протяжении всего XIX в. было неоднозначным, с широким диапазоном колебаний - от русофильства до русофобии. Связаны эти колебания были как с изменениями политической обстановки в России и Австрийской империи, так и с ростом национального самосознания словенцев, с развитием их политической идеологии.

Ощущение этнического и языкового родства всех славянских народов, в том числе русского и словенского, было характерно уже для первых словенских просветителей, в частности для А.Лихарта, Б.Кумердея, В.Водника. В конце XУШ в. наметилось определенное разделение политических симпатий среди словенских просветителей, отчетливо проявившееся в период наполеоновских войн. Так, если А.Лихарт, по мнению И.В.Чуркиной, можно назвать родоначальником австрославизма в словенском национальном самосознании⁴, то Б.Кумердея и В.Водника отличали явные симпатии к русским. Они особо подчеркивали в своих трудах близость словенского языка к русскому, высоко оценивали достижения русской науки и культуры. В.Водник призывал словенцев учиться у русских тому, как следует беречь свой язык и защищать родину⁵.

Победа русской армии в войне с Наполеоном вызвала неоднозначную реакцию среди словенских просветителей. Если Я.Зупан, Я.Примиц, У.Ярник восприняли ее восторженно, то у крупного словенского ученого Е.Копитара возникли опасения, что южные славяне находятся под угрозой подчинения России. Однако, несмотря на выделение австрославистской и русофильской ориентаций, у словенских национальных деятелей, в конце XУШ - начале XIX в. преобладали все же симпатии к русским. Развились они и среди простого народа в словенских землях - в результате трех непосредственных контактов сло-

венцев с русскими. Имеются в виду итальянский поход Суровова в 1799 г., переход русских матросов из эскадры адмирала Сенявина из Триеста в Россию в 1810 г. и приезд императора Александра I со свитой на Лайбахский конгресс в 1821 г. Существование Российской империи, могучего славянского государства, способного отразить нападения захватчиков и отстоять свою независимость, державы, во главе которой стоял просвещенный монарх, пробуждало в словенцах чувство гордости за славян.

В 30-40-х годах русофильские настроения среди словенских национальных деятелей практически сошли на нет. Несомненно, большую роль в их переориентации сыграло то обстоятельство, что с воцарением на российском престоле императора Николая I, с подавлением польского восстания 1830 г. изменилась политическая роль России, репутация жандарма Европы прочно закрепилась за ней. Вместе с тем, в 30-40-е годы возрастал интерес словенской интеллигенции к русской науке и культуре, особенно к работам русских филологов и языковедов, к русской литературе⁶.

Революция 1848 г. всколыхнула развитие национально-политической мысли словенцев. Уже в марте – апреле 1848 г. была сформулирована первая политическая программа словенцев – программа Объединенной Словении, были созданы словенские политические общества, стали выходить первые политические газеты. Словенские национальные деятели включились в борьбу австрийских славян за национально-политическую реорганизацию империи. Национальные программы австрийских славян (кроме поляков) в 1848 г. имели ярко выраженный австрославистский характер. Славянские либералы мечтали о преобразовании Австрийской империи в федерацию равноправных народов, каждый из которых имел бы самоуправление во внутренних делах. Предполагалось, что славянское большинство будет оказывать значительное влияние на политику реорганизованной державы.

Стремления к государственному объединению с Россией, так называемых панславистских идей у славянских либералов империи не было. Однако в 1848 г. в немецкой печати по-

тоянно звучали обвинения в адрес австрийских славян – они якобы стремятся под российское иго. Какие основания имелись для подобных опасений? Ими могли быть популярность среди австрийских славян идей славянской взаимности и ощущение своего родства с российскими и турецкими славянами. Идеи славянской взаимности, однако, развивались в сугубо культурно-просветительской плоскости, в политическом плане большинство австрийских славян выступало за более тесный политический союз славян, объединенных общностью исторической судьбы, обычаяев, экономическими связями и т.д., т.е. непосредственно тех, кто входил в состав Австрийской империи. В немецкой печати как правой, так и левой, чисто культурный аспект идеи славянской взаимности, как правило, игнорировался. Резкое обострение славяно-немецких отношений произошло уже в апреле – мае 1848 г., когда встал вопрос об объединении Германии и вхождении в ее состав коронных австрийских земель. В объединенном германском государстве славяне (чехи, словенцы) были бы в меньшинстве, и все их национально-освободительные стремления потерпели бы полный крах. Естественно, что чешские и словенские либералы развернули активную антифранкфуртскую агитацию, которая, то обостряясь, то затихая, велась до тех пор, пока последние австрийские депутаты не покинули Франкфуртского национального собрания по приказу императора. Естественно, такая позиция австрийских славян вызвала у немцев серьезные подозрения, что, отказываясь от союза с Германией, австрийские славяне стремятся к союзу с Россией. Этой же точки зрения придерживались К.Маркс и Ф.Энгельс. Ошибочная оценка ими национальных движений австрийских славян как контрреволюционных и панславистских утвердилась на долгое время в марксистской исторической литературе. Например, в словенской историографии эту точку зрения высказал Э.Кардель в книге "Развитие словенского национального вопроса"⁷.

В словенской национальной программе, как и в национальных программах других австрийских славян, в 1848 г. политическая ориентация на Россию отсутствовала. Это вид-

но из скучных сообщений о России, появлявшихся в словенской прессе в период революции, а также из высказываний словенских патриотов о панславизме. К Российскому государству словенцы относились настороженно, опасаясь его гегемонистских планов (прошел необоснованный слух, будто бы император Николай I хочет объединить всех славян в одно государство под властью своего брата Константина⁸). Словенские национальные деятели опровергали предъявляемые им немцами обвинения в русофильстве и панславизме, в стремлении к объединению всех славянских народов в одно государство под властью России.

Эта проблематика была затронута словенскими либералами – членами венского общества "Словения" – в полемике с известным немецким поэтом Анастасиусом Грюном (графом Антоном фон Ауэрспергом), уроженцем Крайны. Развернулась эта полемика в конце апреля 1848 г., в преддверии проведения выборов во Франкфуртское собрание, когда Ауэрсперг приехал в Любляну агитировать земляков за участие в выборах. По приезде он опубликовал два письма, в которых убеждал "словенских братьев", что присоединение к немецкому союзу обеспечит австрийским славянам свободу и равноправие. Для словенцев, по мнению Ауэрсперга, существовал лишь выбор присоединения к одному из сильных государств – либо вместе с Австрией к Германскому союзу, либо к России. "Каждый шаг, которым вы отдаляетесь от Германии, ведет вас непосредственно все ближе к России", – этот довод, приведенный Ауэрспергом в полемике со словенцами, был вообще характерен для немецкой публицистики 1848 г.⁹ Полагая союз Австрии и Германии неизбежным, Ауэрсперг убеждал словенцев не идти по пути раскола империи, а принять участие в выборах и защищать во Франкфурте интересы своей родины.

В ответе графу Ауэрспергу члены венского общества "Словения" энергично высказались против политического союза Австрии с Германией, который мог стать угрозой для политического, экономического и национального развития австрийских народов. Дилемма, представленная Ауэрспергом, – либо с Австрией к Германии, либо к России – казалась сло-

венцам неприемлемой. По их мнению, подобные попытки немцев запугать словенцев русской угрозой объяснялись страхом австрийских и германских немцев перед могучей Российской империей. Этим же страхом, как считали словенские либералы, объяснялось и стремление Франкфуртского предпарламента воссоздать независимое польское государство, отторгнув от Австрийской империи Галицию. Словенцы опасались, что на деле это может привести к появлению на австрийской границе двух врагов вместо одного – не только России, но и Польши. Члены венского общества "Словения" даже не исключали, что австрийским народам придется воевать с Россией ради сохранения целостности Австрийской империи. "Нам, словенцам, не следует бояться русских, мы полагаем, что в союзе со всеми нашими австрийскими братскими народами мы сможем с честью выдержать бой с русскими, так же, как сначала с татарами, затем с турками и, наконец, с французами..."¹⁰. Своей целью словенские либералы провозгласили создание великой, полностью независимой и мощной Австрийской империи, с которой Германия и Россия будут жить в мире и дружбе.

Эта позиция по отношению к официальной России – стремление сохранить с ней дружеские отношения, и вместе с тем готовность дать отпор любым попыткам вмешательства во внутренние дела Австрийской империи – была в целом характерна для словенских национальных деятелей в 1848 г.

Некоторые словенские патриоты выступали в печати с опровержениями предъявляемых им немцами обвинений в русофильстве и панславизме. Чех Й.Драгони-Кржановский, член (а впоследствии председатель) общества "Словения" в Граце в своей статье "Словенцы во Внутренней Австрии"¹¹ опроверг высказанное редакцией "Грацер цайтунг" ("Грацская газета") мнение, что словенское общество стремится оказать поддержку осуществлению планов "сибирского севера". В статье "Славяне и немцы", опубликованной в газете "Словения" в июле 1848 г., крупный идеолог словенского либерального направления, каринтийский священник М.Маяр-Зильский также отверг обвинения в панславизме. "Нам свобода милее всякого

насилия, будь то русское или франкфуртское", - писал он¹². Маяр гордился принадлежностью словенцев к великому славянскому народу, по его преувеличенным представлениям насчитывающему 80 млн. человек. Он писал, что славянам подвластны половина Европы, третья часть Азии и большая часть Америки¹³. Естественно, говоря о многочисленности и силе славян, Маяр имел в виду прежде всего мощь России. Он открыто признал свои всеславянские симпатии, подчеркивая вместе с тем их чисто культурный, духовный характер. "Честосердечно скажем: мы искренне любим всех славян, т.к. мы братья по крови... Но с чужими правительствами у нас никаких дел нет"¹⁴. В декабре 1848 г., после разгрома октябрьского восстания в Вене, была опубликована статья Маяра "Союз словенских обществ". В ней Маяр, в свою очередь, обвинил австрийских немцев¹⁵ в сепаратизме, в стремлении расколоть империю, в то время как "верные славяне сохранили империю"¹⁶. С теми же обвинениями в адрес австрийских немцев выступила в июле 1848 г. либеральная газета "Цельске словенске новине". Немцы считают словенцев панславистами, отмечалось в одной из статей этой газеты, поскольку сами они пангерманисты, и не могут успокоиться, пока не объединят все германские земли. А словенцы не стремятся к объединению всех славянских земель, они хотят остаться в рамках Австрийской империи¹⁶.

В 1848–1849 гг. в словенской прессе практически не было опубликовано ни одной словенской статьи, в которой подробно затрагивалась бы русская проблематика. Однако газета "Словения" поместила несколько зарубежных публикаций, на основе которых, очевидно, и складывалось мнение словенской общественности о русских.

Статья "Будущее славян" (перепечатанная из газеты "Славишес Централблatt" в сентябре 1848 г.) была написана под влиянием идей Гердера о светлом будущем славянских народов. Пришло время славянам скинуть ярмо рабства и стать свободным могучим народом, оттеснив на второй план "старую трухлявую" Европу, говорилось в статье. Основой подъема славян должна стать патриархальная крестьянская община, организа-

ция, характерная для России и славянских стран. В статье высказывалась надежда, что и над "рабским государством" Россией "воссияет когда-нибудь солнце свободы"¹⁷.

В речи родоначальника русского анархизма М.Бакунина на польском собрании в Париже, посвященном годовщине польского восстания 1830 г. (29 октября 1847 г.), была дана яркая, эмоциональная, но однобокая характеристика внутреннего положения России. Бакунин писал, что русские - рабский народ, орудие подчинения в руках despотизма, однако он видел и глубокую пропасть, разделявшую русский народ и правительство. Враги царя Николая и официальной России являлись, по его словам, друзьями русского народа. Россия несчастна и недовольна. Ее терпение кончается. Народ против правительства. Много врагов имеет царь и среди дворян. Судьбы русских и поляков, детей единого огромного народа, неразделимы, писал Бакунин, и они должны объединиться в революционном союзе против российского самодержавия¹⁸. Публикация либеральной словенской газетой этой речи Бакунина - явление примечательное. Конечно, редакция "Словении" не разделяла левых взглядов Бакунина, однако приведенные им сведения показались интересными, ей могла импонировать мысль о единстве славянских народов, об их светлом будущем. Высказывания Бакунина о России и русских вполне соответствовали представлениям, сложившимся у словенской общественности, во многом способствовали формированию и закреплению этих взглядов. Эту революционную статью словенские либералы напечатали в период временного подъема национального движения австрийских славян непосредственно после подавления правительственными войсками октябрьского восстания в Вене. Тогда казалось, что славян, проливших кровь в защиту габсбургской династии, ожидает заслуженная награда. Наконец, славянское большинство будет иметь преобладающий вес в империи. В этот период на страницах славянских газет и журналов высказывались самые смелые планы. Мысли о величии

славян, об их светлом будущем вообще были характерны для этого периода.

Однако взлелаянным на протяжении революционного года надеждам не суждено было осуществиться. Уже в начале 1849 г. ощущимо быстрое наступление реакции, а после разгона молодым императором Францем-Иосифом I австрийского рейхстага и опубликования октroyированной конституции мечты о равноправии народов, о новом месте и роли австрийских славян в преобразованной империи были окончательно похоронены. В этот период славяне Австрии еще настоятельнее стали ощущать потребность в сплочении, в развитии культурных взаимо-связей (для политических связей условий уже не было). Тема языкового, исторического и культурного родства всех славян присутствовала во многих публикациях славянских (и словенских) газет. Напечатанная в "Словении" в апреле 1849 г. статья Ткачевича "Славяне" (перепечатанная из либеральной хорватской газеты "Новине далматинско-хорватско-славонске") была проникнута идеей великой миссии славянства – внести в мир справедливость и равноправие. Достичь этой цели славяне, по представлению автора, могли путем образования простого народа, во главе которого встанет выдающийся правитель. Статья полна восхвалений славян, их патриархальной жизни, особенностей их национального характера, но несмотря на явную тенденциозность и натянутость своих основных положений, она представляла определенную ценность, поскольку содержала сравнительный анализ исторического развития славянских народов, прежде всего, русского, польского и сербского (т.е. создавших мощные государства). Ткачевичем были отмечены основные вехи русской истории. Сведения о России, приведенные им, были наиболее полными из всех, опубликованных в словенской прессе 1848–1849 гг. "Кто глубже изучит историю, поймет, что зря говорят, что русские любят рабство – они очень любили свободу. Обстоятельства сделали из русских рабов", – писал Ткачевич. Основными этапами закабаления русских людей, по его мнению, были приход норманов, монголо-татарское иго, правление Ивана Грозного ("кровавая эпоха, которой должен сты-

диться каждый славянин"). "Русские цари, - писал Ткачевич, - унаследовали правила абсолютизма от своих предков норманнов. Абсолютизму в России сопротивляются образованные слои населения". Как видно, образ России, представленный хорватом Ткачевичем, несколько напоминает тот, который мог сложиться у словенской общественности под впечатлением публикации выступления Бакунина. Оба автора клямили русское рабство, но видели пути возрождения России по-разному: Бакунин - через революционный подъем народа, Ткачевич - с помощью просвещения народа.

В 1849 г. постепенно свернули свою деятельность словенские общества, прекратилось существование словенских политических газет (только "Словении" продержалась до конца марта 1850 г.). Наступление реакции и общий спад словенского национального движения побудили словенских либералов искать другие пути достижения национального равноправия. Некоторые из них - М.Маяр, И.Муршец и др. - направляли свои усилия прежде всего на развитие национально-культурных связей между славянами, на создание единого югославянского языка. В дальнейшем М.Маяр посвятил свои силы созданию всеславянского языка. Другие словенские патриоты продолжали разрабатывать планы политических преобразований.

Эти новые проекты, ставившие своей целью увеличение политического веса славян в Австрийской империи, впервые были высказаны в феврале 1849 г., и на протяжении нескольких месяцев (фактически - до окончательного поражения венгров) в разных интерпретациях появлялись на страницах "Словении". Очевидно, они пользовались популярностью в среде чешских и хорватских либералов - многие публикации "Словении" на эту тему были перепечатаны из пражских и загребских газет.

Определенное место в этих планах занимала и русская проблематика. В статье "Австрия и славяне"²⁰ И.Драгони-Крженовский выдвинул новые доводы в пользу австрийского славянства: если правительство удовлетворит национальные требования славян империи, то с их помощью ей удастся привлечь на свою сторону симпатии турецких славян, отданые России. Тогда Австрия станет величайшей державой Европы.

Если же правительство будет продолжать политику ущемления славян, империи предстоит участь второстепенного государства, Россия же укрепит свою мощь. Драгони-Крженовский, с одной стороны, призывал Австрию к политическому соперничеству с Россией на Балканах, с другой – сочувственно писал о порабощенных русских, жаждущих свободного правления. Австрийские славяне, по его мнению, должны были выполнить цивилизаторскую миссию по отношению к славянским народам Турции и России: "Как европейский Запад принес просвещение в Америку, так и Восток имеет естественную задачу зажечь свет в Азии, и славяне призваны к этому из-за своего географического положения". В случае войны Австрии с Россией, по мнению автора статьи, союзниками Австрии стали бы поляки и образованные слои русского населения, недовольные неограниченным правлением императора.

Те же мысли были высказаны в статье, перепечатанной "Словенией" из "Пражских новин"²¹. Словенский либерал, депутат рейхстага М.Кавич на одном из последних заседаний Конституционной комиссии рейхстага внес предложение в подобном духе: Австрия должна уделить первостепенное внимание району Дуная, постараться присоединить к себе Молдавию и Валахию²². За присоединение турецких славян к империи высказался в августе 1849 г. словенский либерал, священник из Каринтии А.Эйншпилер. В отличие от Драгони-Крженовского он считал, что Австрия в союзе с Россией должна противостоять гегемонистским планам англичан и французов на Балканах, где Австрия найдет драгоценные камни для своей короны²³.

Эти планы свидетельствуют, что при сохранении австро-славистской основы, взгляды некоторых словенских либералов претерпели в 1849 г. определенную эволюцию. Ослабла их ориентация на австрийское правительство. В поисках политических союзников они все чаще стали обращать свои взгляды к славянским народам вне империи, в том числе, к русскому.

Возросший интерес словенских национальных деятелей к русской тематике, в особенности, к проблеме русско-австрийских отношений в 1849 г. объясняется прежде всего поли-

тическими обстоятельствами, а именно, участием русских войск в разгроме венгерской армии. "Словения" регулярно помещала подробную информацию о ходе боев. Примечательно, что в газетных сообщениях помочь русских в подавлении венгерской революции рассматривалась как явление положительное, русским воинам давались лестные характеристики. В первую очередь в публикациях на эту тему отмечалось, что вступление русской армии на территорию Австрийской империи не носит захватнического характера. Подчеркивалось, что общей целью австрийского и русского императоров является освобождение венгерской земли "от тяжкого ярма злодеев", что Николай I, согласно своему заявлению, послал войска на помощь Австрии из дружеского отношения к Францу-Иосифу I, а главное, чтобы "помочь подавлению бунта, охватившего всю Европу"²⁴. Сообщения о благородных намерениях русских перепечатывались "Словенией" в основном из венских и грацских газет. Лишь одна публикация упоминалась с осуждением тех, кто не выказывал воодушевления по поводу русской помощи. "Кто бы поверил, что есть много людей, которым не нравится, что нам помогают русские, однако это так. Эти люди или поддерживают бунтарей венгров, или хотят, чтобы Австрия распалась на отдельные части"²⁵.

В кратких сообщениях словенской прессы о русских было искреннее дружелюбие, и интерес к родственному славянскому народу. Отмечались храбрость русских солдат, "мудрое и хладнокровное" руководство военачальников²⁶. Русские, как писала "Словения", отличались "сердечностью и дружелюбием", а также набожностью²⁷. Крестьяне славянских деревень, через которые проходила русская армия, принимали солдат "как своих освободителей, и по старому северному обычью выносили им хлеб с солью"²⁸. В последних числах августа в газете "Словения" было опубликовано исключительно хвалебное жизнеописание маршала Паскевича, главнокомандующего русскими войсками, посланными против венгров, принадлежавшее перу русского публициста Б.Полевого. В конце публикации редакция "Словении" сделала любопытное примечание: статья Полевого была написана в условиях русской цензуры,

поэтому содержит неточности, в частности, в освещении роли Паскевича в подавлении польского восстания 1830 г.²⁹

Сообщения на русскую тематику, появлявшиеся в словенской прессе в 1849 г., свидетельствуют о двух важных обстоятельствах: 1. Словенская пресса стояла на официальной точке зрения относительно вступления русских войск на территорию Австрийской империи, трактуя приход русских не как захватнический акт, а как дружескую помощь родственного славянского народа. 2. Благодаря контакту русских воинов с жителями венгерских земель в словенскую прессу начали просачиваться благоприятные отзывы о характере и обычаях русских. Новые сведения о русских и о России способствовали смягчению и трансформации бытованиях в среде словенской интеллигенции представлений о России как восточной тирании и о русских как о покорных и страждущих рабах.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение и Россия в XIX в. М. 1978; Она же. Mateja Mačar-Ziljski // Razprave VIII/2. Ljubljana. 1974.

2. Zwitter F. Slovenski politični prerod XIX stoletja v okviru evropske nacionalne problematike // 4godovinski casopis XVIII. 1964.

3. Gestrin F. Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana. 1966.

4. Чуркина И. В. Указ. соч. С. 48.

5. Kretf B. Fragmenti o slovensko-ruskih starih // Slavistična revija. Ljubljana. 1958. S. 92.

6. Petre F. Poirkus ilirizma pri slovencih. Ljubljana. 1939. S. 2021, 168, 258–259.

7. Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana. 1970.

8. Slovenija. 1848. n 3 (11.VII). S. 11.

9. Laibacher Zeitung. 1848, n 6. (23.V.). S. /385, 386.

10. Полемику см.: Auršperg. Iz zapisnine. 1848. Mapa 3. NIK v Ljubljani. Rokopisna zbirka.

I1. Extrablatt zur Grazer Zeitung. 1848. 28.IV.

I2. Slovenija. 1848. n 5. S. 17.

I3. Ibid. 1848. n 4. S. 13.

I4. Ibid. 1848. n 5. S. 17.

I5. Ibid. 1848. n 47. s. 186.

I6. Celjske slovenske novine. 1848. n 4. (22.vii). S. 13.

I7. Slovenija. 1848. n 18. (4.IX). S. 69–70.

I8. Ibid. 1848. nn 35–38. SS. 140, 144, 148, 152.

I9. Ibid. 1849. N 31–34. IV

20. Ibid. 1849. N 11(6.II.–S. 41.

21. Ibid. 1849. N 20(9.III.–S. 77, 78.

22. Ibid. 1849. N 19(6.III–S. 74.

23. Ibid. 1849. N 68 (24. VIII) S. 269, 270.
24. Ibid. 1849. N 41 (22. VI). S. 163; n 18 (27. II). S. 67.
25. Ibid. 1849. N 41 (22. VI) S. 163.
26. Ibid. 1849 n 26 (30. III - S. 103, N 18 (27. II). S. 67.
27. Ibid. 1849. N 48 (15. VII). S. 191; N 44 (I. VII). S. 175.
28. Ibid. 1849. N 52 (29. VII). S. 207.
29. Ibid. 1849. N 59, 60 (24, 27. VII). S. 236, 240.

Л.П.ЛАПТЕВА

РУССКИЙ СЛАВИСТ А.А.КОТЛЯРЕВСКИЙ И ЕГО СВЯЗИ С ЧЕШСКИМИ УЧЕНЫМИ

(По материалам неопубликованной переписки с А.Патерой)

А.А.Котляревский принадлежит к числу лучших, одаренных филологов, историков и славистов России прошлого столетия. Знаток древнего быта и культуры славян, мифологии, средневековой романской и германской письменности, блестящий публицист и критик, Котляревский стал одним из подвижников нового, сравнительного метода изучения прошлого славянских народов и своими трудами значительно продвинул науку о славянах. Он был хорошо известен в ученом мире своего времени, а после смерти ученого были изданы его сочинения в 4 томах¹ с подробной биографией, написанной А.Н.Пыпиным². Но в XX в. Котляревского забыли, и лишь в 70-х годах его имя появляется в специальных справочных изданиях – биобиблиографических словарях по языкознанию³ и славяноведению⁴. За последние несколько лет появились еще некоторые работы о Котляревском. Так, характеристика его жизненного пути, научной и педагогической деятельности содержится в коллективной монографии "Славяноведение в дореволюционной России" (1988)⁵. В том же году опубликована статья З.И.Власовой "А.А.Котляревский в Праге" – в ленинградском сборнике, посвященном литературным связям славянских народов⁶. В 1991 г. опубликованы две статьи на Украине, принадлежащие автору этих строк⁷. Таким образом, имя замечательного ученого-слависта возвращено науке. Но творчество его еще мало исследовано. Большое значение для научной деятельности Котляревского, как впрочем и других русских славистов, имели контакты с зарубежными славянами. Для

Котляревского наиболее важны связи с чехами. В настоящем докладе освещается один из аспектов этих контактов – на основании неопубликованной переписки Котляревского с чешским филологом Адольфом Патерой⁸, в архиве которого хранятся 23 письма русского ученого⁹. Писем же Патеры Котляревскому удалось разыскать только семь – в фонде последнего в ОР ГПБ¹⁰. Вся переписка охватывает период 1867–1889 гг.

А.А.Котляревский родился в 1837 г. в предместье Кременчуга Полтавской губернии, окончил Полтавскую гимназию и в 1858 г., выбрав своей специальностью историю русского языка и словесности, поступил в Московский университет. В это время в нем преподавали многие замечательные учёные: историки Т.Н.Грановский и П.Н.Кудрявцев, один из родоначальников русского славяноведения О.М.Бодянский, знаменитый филолог Ф.И.Буслаев. Котляревский прошел славистический курс у Бодянского, но особенно увлекся лекциями Буслаева, развивавшего в те годы новый для России сравнительно-исторический метод в изучении русского языка, народной поэзии, языкоznания вообще. Лекции Буслаева пропагандировали внесение коренных изменений в господствовавшие тогда в России принципы разработки историко-литературных проблем. Обучение у Буслаева стало для Котляревского школой, заложившей основу его последующих успехов в науке. В 1857 г. будущий учёный окончил Московский университет и стал преподавать русскую словесность в Московском Сиротском кадетском корпусе. Успешно занимаясь педагогической деятельностью, Котляревский продолжал и литературную работу, которую начал еще в студенческие годы – публиковал в газетах и журналах статьи и рецензии о русской народной поэзии и литературе. Однако в 1862 г. он был внезапно арестован и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости в Петербурге. Спустя шесть месяцев его освободили, но пребывание в сыром каземате отразилось на здоровье Котляревского: он заболел туберкулезом. Никаких противозаконных действий учёный не совершал, обвинений ему предъявлено не было, но после освобождения за ним установили полицейский надзор и запретили служить по учебному ведомству "ввиду

предосудительных воззрений", как писал в донесении жандармский полковник Воейков¹¹. Вернувшись в Москву, ученый стал работать в археологическом кружке, а когда в 1864 г. при Московском университете возникло Археологическое общество (МАО), Котляревский стал его энергичным сотрудником – заместителем секретаря, библиотекарем, хранителем музея. Под его редакцией вышло 6 книжек "Археологического вестника" (1865–1867), он также редактировал первые тома главного печатного органа МАО, именовавшегося "Древности". В изданиях МАО и сам Котляревский поместил много интересных исследований. Наряду с этим он часто выступал с научными докладами на заседаниях МАО. Работа в этом обществе дала Котляревскому возможность войти в научный контакт со многими русскими историками и археологами. В 1867 г. в Москву на этнографическую выставку приехали чешские ученые – Ф.Палацкий, К.Я.Эрбен, Й.Коларж, А.Вртятко, А.Патера и др. С последним у Котляревского оказалось много общих научных интересов и установились очень теплые отношения. "Уезжая из Москвы, Вы оставили по себе такое дружеское чувство во мне, такую добрую память, что я обращаюсь к Вам, как к самому близкому приятелю, с которым будто я жил целые годы душа в душу...", – писал Котляревский Патере II окт. 1867 г.¹² Контакты между двумя учеными продолжались более 10 лет.

В письмах содержалась информация о научных вопросах, они касались также обмена книгами и проч. Так, осенью 1867 г. Котляревский сообщает: "Я выдал 3-ю книгу "Археологического Вестника", 4-я печатается и будет доставлена в Прагу недели через две вместе с третьею. Я позволю себе попросить Вас раздать ее кому следует. На днях Московское Археологическое общество выпускает в свет новый том своих "Трудов", которые Вы также получите, и огромнейшие два тома историко-археологического описания Киева (соч. Закревского) с рисунками древностей"¹³. Из иных новостей, сообщенных Котляревским 18 окт. 1867 г., – он отдает в печать свое сочинение "О погребальных обычаях языческих славян"¹⁴, "... Афанасьев оканчивает печатание 2-го тома своих "Поэтических воззрений славян"¹⁵, Даль... – окончил 21-м выпуском

издание своего толкового словаря, Нил Попов по-прежнему ничем серьезным не занимается..., в Петербурге ... несколько важных трудов для славянской науки издал Срезневский: I) Памятники древне-русского языка и письма, 2 тома ¹⁶
cum multis tabulis paleograf. 2) Глагольские памятники
и т.д."

В мае 1867 г. Котляревскому было разрешено служить и по учебному ведомству, поскольку он "... с 1862 г. не обнаруживал вредных стремлений", но работать он мог только в Дерптском учебном округе, где ощущалась "надобность в хороших преподавателях русской словесности", и где вообще распространение прогрессивных идей, по мнению жандармских властей, не представляло особой опасности "ввиду направления тамошнего общества"¹⁷. Университет в Дерпте был своеобразным учебным заведением Российской империи. Обучение велось на немецком языке, среди профессоров и студентов преобладали балтийские немцы, далекие от общественных и политических проблем, волновавших русскую интеллигенцию в 60-х годах XIX в. Именно это обстоятельство имелось в виду, когда решался вопрос о допуске Котляревского к преподаванию в Дерпте. Ученый принял решение специально подготовиться к работе на новом месте. II окт. 1867 г. он писал Патере: "Вместо того, чтобы - как я распологал - попасть к Вам в Прагу, я, кажется, попаду в Дерптский университет к немцам - профессором русской словесности и славянского языкоковедения; В Дерпте, конечно, нет и помину ни о каких славянских книгах - и я должен ими запастись на дорогу; некоторые, Вы видели, у меня находятся, но очень многих, важных и необходимых, нет - и вот я позволяю себе просить Вас, как друга, - помочь мне в этом деле". А 18 октября, т.е. через неделю, Котляревский пишет: "Кажется, не подлежит сомнению, что я отправлюсь в Дерпт профессором славянской филологии, и, кроме истории русской словесности, буду читать (разумеется, по-русски) / Encyclopädie der Slawistik - в особенности что касается древностей всех славянских племен. Помогите мне Вашими библиографическими указаниями, добрый друг".

Нуждаясь в специалисте, Совет Дерптского университета избрал Котляревского профессором кафедры "русского языка в особенности и славянского языкознания вообще" еще до получения им магистерской степени, с учетом большого числа его научных трудов по литературе, сравнительному языкознанию и русской археологии¹⁸. Ученый уже на рубеже 1867 и 1868 годов рассчитывал переселиться в Дерпт: "Я в Москве только до I-го января (старого стиля), а затем переселяюсь в Дерпт, где я буду *"Ausserordentlicher Professor der Slavistik und Russ. Literatur"*^{Немцы} *"mirabile dictu: - избрали меня mit einstimmigkeit"*^{так в тексте письма} - со строчной буквы. - Л.Л.), и я жду только утверждения г. Министра", - писал он II ноября 1867 г. Однако предположения Котляревского не оправдались, и в начале 1868 г. он извещал своего пражского друга: "В Дерпт я, покамест, не еду: министр не хочет утвердить меня до той поры, пока я не получу *gradum Magistri philologiæ slavicae.* Вот почему я теперь занят печатанием своей диссертации, которую надеюсь представить Вам и всем чешским друзьям через 2-3 месяца" (письмо без даты).

31 мая/13 июня 1868 г. Котляревский защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию на тему "О погребальных обычаях языческих славян" и 8 авг. 1868 г. вступил в должность экстраординарного профессора Дерптского университета¹⁹.

Общая атмосфера в этом учебном заведении была специфической. Высокомерие и кичливость профессоров, их претензии на интеллектуальную исключительность не способствовали установлению с ними дружеских отношений. Но Котляревский, в совершенстве владевший немецким языком, высоко ценил немецкую науку, глубоко знал немецкую литературу и историю Германии. Он быстро освоился с обстановкой и работал весьма плодотворно. Позже в январе 1869 г. он писал: "Судьба бросила меня к немцам в Дерпт, где профессорствую в университете, читаю славянскую филологию и историю русской словесности; слушателей немного, да и то более все русские и поляки, тем не менее тружусь, не унывая и надеясь на лучшее будущее. Переезд мой в Дерпт случился для меня несколько

неожиданно: в четыре месяца я должен был сдать экзамены на степень магистра славянской словесности, написать, напечатать и защитить диссертацию; все это я исполнил и в начале августа месяца приехал в Дерпт профессором университета, где и подвизаюсь с тех пор. Скучно здесь: город весь немецкий; по-русски говорит редко кто, а славянством никто не интересуется, кроме меня и двух моих слушателей; души не с кем отвести...".

В Дерпте Котляревский не только преподавал, но и весьма успешно работал в научном плане. "Теперь приступаю к писанию докторской диссертации, которая отчасти будет касаться и чешской литературы, именно я пишу о древнейшей славянской поэзии, сохранившейся у Летописцев: Нестора, Козьмы Пражского, Кадлубка и Богухвала", - сообщает он Патере 29 янв. 1869 г. Однако позднее Котляревский от этого сложного отказался и углубился в изучение древностей балтийских славян.

В 1872 г. учёный получил командировку за границу "с ученою целью" сроком на один год, большую часть которой решил провести в Праге, куда и выехал "через Варшаву, Бреславль и Дрезден". 26 октября 1872 г. он писал Патере из Дрездена: "Целые годы прошли с тех пор, как я в Москве виделся с Вами; я обещал тогда в скором времени навестить Вас в Праге, и вот только теперь исполняется мое обещание: завтра, т.е. в Воскресенье (27 окт.) я выеду из Дрездена в Прагу и буду в ней около 6 часов вечера ... Навестите меня, добрый друг: ведь Вы единственный близкий каждому русскому человек в Праге". Патера не только дружелюбно встретил Котляревского, но и помогал ему в учёных занятиях, ходил в антиквариаты, разыскивая нужные Котляревскому книги и т.д. Но поскольку болезнь русского учёного обострилась, он решил зиму провести в Италии и отправился через Вену в Неаполь. 7-го ноября 1872 г. он писал: "Я прибыл в Неаполь и здесь намерен остановиться на зиму. В Вене я не мог почти ничего приобрести по славянству ... Рынок антикварный в Вене очень плох, неизвестно даже - где продаются изданные там славянские книги. Позна-

комился с Миклошичем и нашел в нем вовсе не такого гордого человека, как о нем рассказывали мне".

Состояние Котляревского и в Италии не улучшилось. "Здоровье мое - плохо, несмотря на прекраснейший климат, иногда харкаю кровью, да и вообще скучно", - читаем в одном из неапольских писем (без даты, 1872 г.). Но к весне 1873 г. ученному стало лучше, и в начале июня он возвратился в Прагу (см. письмо из Вены, 3-4 июня 1873 г.). В Праге он усердно работал в библиотеке Чешского музея, написал статью об успехах славяноведения в России²⁰. Вокруг Котляревского образовался кружок из чешских друзей (Й.Ранк, А.Патера, пражский санкритолог Лудвиг) и русских, которые приезжали из России в Прагу с учеными целями; среди них М.Петровский, Н.Задерацкий, В.Миллер и многие другие²¹. Но болезнь снова обострилась, и 12 окт. 1873 г. Котляревский послал из Праги прошение Министру народного просвещения об увольнении из Дерптского университета по состоянию здоровья²².

За границей Котляревский провел два года. В Праге он писал свою докторскую диссертацию, не прекращал работу над ней и когда уезжал на зиму в Италию. 12 дек. 1873 г. он писал Патере из Рима: "Я сижу и строчу понемногу "opus", который намерен летом печатать у Вас... Добудьте мне образец русских шрифтов Скрайшовского, Грегра и еще кого знаете". В 1874 г. в Праге Котляревский напечатал двумя книгами свою докторскую диссертацию "Древности юридического быта Балтийских славян"²³ и 17 ноября того же года защитил ее в Петербургском университете, получив степень доктора славянской словесности²⁴. Уже 26 ноября 1874 г.²⁵ учений был избран историко-филологическим факультетом Университета св. Владимира в Киеве ординарным профессором по кафедре славянской филологии, а 20 декабря того же года - и Советом университета²⁶. Поэтому нельзя согласиться с утверждением З.И.Власовой, что "... с Киевским университетом переговоры велись долго, и предпринимались различные хлопоты, чтобы получить на это (т.е. занятие кафедры. - Л.Л.) разрешение"²⁷, виду описанных выше ограничений. Однако больших хлопот, видимо, не было, т.к. еще в 1869 г. по ходатай-

ству Попечителя Дерптского учебного округа Котляревский был освобожден от полицейского надзора²⁸, а сразу же после избрания – 13 янв. 1875 г. – ему было "высочайше разрешено" поступать на "учебную службу по ведомству Министерства Народного Просвещения без ограничения вообще мест служения"²⁹.

Не меняет дела и то, что Котляревский прибыл в Киев только 24 ноября 1875 г., почти через год после избрания³⁰, а вступительную лекцию в университете прочитал даже 21 янв. 1876 г.³¹ Столь затянувшееся его вступление в должность профессора в Киеве объясняется не бюрократическими препонами, как можно понять из статьи З.И.Власовой, а тем, что приказом по министерству от 25 ноября 1874 г. Котляревский был командирован за границу с ученой целью на один год, "до 25 ноября 1875 г."³², так что в Киев он прибыл еще за день окончания командировки.

Педагогическая работа профессора в Киевском университете продолжалась вплоть до последнего года его жизни и проходила весьма успешно. Широк образованный и талантливый профессор поставил в университете преподавание славяноведения, до тех пор находившееся на низком уровне, на должную высоту, в сущности организовав заново изучение этого предмета. В сохранившейся переписке с Патерой эта сторона деятельности Котляревского не отразилась, но об одном эпизоде он все же сообщил в 1879 г.: "Печатаю я в Киеве сочинение своего ученика (Стороженка) "Литературная история Зеленогорской и Кралеворской рукописей". Пришлю Вам несколько экземпляров"³³.

Деятельность Котляревского в университете не ограничивалась этим учебным заведением. Он преподавал также на Высших Женских курсах, был председателем Исторического общества Нестора Летописца, председателем Киевского Славянского благотворительного общества, публиковал статьи и рецензии в киевских научных изданиях и газетах³⁴. Но в 1881 г. болезнь его резко обострилась, в мае он выехал за границу, откуда уже не вернулся. Котляревский скончался 29 сент. (II октября) 1881 г. в Ниже. Его прах был перевезен в Москву и погребен в московском Покровском монастыре.

Наряду с ценными трудами Котляревского современники хорошо знали его уникальную библиотеку по славяноведению, которую он комплектовал всю жизнь. Он был не только книголюбом, но и большим знатоком книги, рассматривал ее и как средство просвещения и как необходимое пособие для научной работы и охотно позволял пользоваться своей библиотекой "каждому порядочному человеку".

Приобретение Котляревским книг является одним из главных сюжетов переписки русского ученого с Патерой. Например, II декабря 1867 г. Котляревский сообщал о высылке 30 рублей на нужные ему книги, список которых приведен. В их числе: Пятитомный чешско-немецкий словарь Й.Юнгманна, издания К.Я.Эрбена из серии *Regesta Bohemiae et Moraviae, Literarisches Magazin aus Bohmen* Добровского, исследования и публикации Ф.Л.Челаковского, Й.Иречка, Я.Коллара, Ф.Рачки, М.Гаттала и вообще "всего что можно по древнейшей истории, литературе и древностям славянских народов" (всего 21 название). По возможности Патера эти поручения выполнял. Так, 25/13 дек. 1867 г. он сообщал, что различными путями высыпал уже 5 томов словаря Юнгманна, журнал "Крок" за 1864 и 1865 г., первые шесть томов "Научного словарника", "Историю чешского народа" Ф.Палацкого и т.д., всего 9 названий. 15 наименований требуемых Котляревскому книг перечислено и в письме от II ноября 1867 г. - их он уже получил из Праги. Среди них издания на немецком языке как первой половины XIX в., так и новейших.

Иногда Котляревскому удавалось приобрести нужную ему литературу и другим путем. В том же письме он сообщает, что уже получил "за 35 талеров" комплект "Часописа Ческого Музея" за период 1827-1866 гг.

Кроме немецких и чешских изданий Котляревский просил и другие, славянские. В начале 1868 г. ему потребовалась "Грамматика языка хорватского" В.Ягича, "Српске народне пјесме из Босны и Херцеговине" Петрановича (Београд 1867), книга "Омладинска заједница" (Београд 1867) и др. Сообщая перечни высылаемых книг, Патера одновременно извещал Котляревского о вышедших новинках, например в письме от 13 апр.

1869 г. о появлении в печати одной старой статьи Ф.Палацкого, написанной в 1842 г., но не пропущенной цензурой и остававшейся в рукописи. "Также и Войтех Шафарик, - сообщает далее Патера, - заново издал сочинение своего отца "Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten", Prag 1869".

По просьбе Котляревского Патера высыпал ему также библиографии и каталоги. Котляревский же не желал средств на приобретение книг: "Заплатите вдвое, втрое и выпишите мне следующие две книги из Галиции (Львова), - писал он в конце 1867 г. - 1) Казки, Зображенъ Игнатій з Никловичъ. Накладомъ Якова Савчиньского, Львов 1861; 2) Венок русинамъ на обжинки, уплемъ Иванъ Головацкій. Ведень 1846-7, 2 части. Не попадется ли ... "Archiv" Palackého?".

Находясь за границей, Котляревский постоянно приобретает книги - в Праге, Вене, Лейпциге и т.д. В 1873 г. он пишет Патеру из Неаполя: "Получив от Вас каталог Taussig'a я сейчас же отметил много книг и отоспал к Вам, прося купить их для меня". А в другом письме того же года сообщает: "Книжные покупки мои здесь - велики. Но между ними почти ничего нет по славянству. Антиквар здесь отличный, но дорогой, я у него купил Collectanea Etymologica Leobnitzii, прекрасный экземпляр, около 10 франков". Чешский коллега, в свою очередь сообщал 3 марта 1873 г., что узнал о распродаже библиотеки покойного Берчича в Задаре и посыпал ее каталог, так как на обратном пути из Неаполя в Прагу Котляревский мог бы "остановиться в Задаре у отца Берчича, который там работает лекарем", и осмотреть библиотеку. Далее следует на 6 страницах список - каталог библиотеки Берчича, а также названия 21 книги, уже купленных Патером для Котляревского. Такие сведения имеются почти в каждом письме. Таким образом, в анализируемой переписке сохранились сведения об одном из путей комплектования неповторимой библиотеки Котляревского, которая, к сожалению, до нашего времени не сохранилась: после смерти владельца она постепенно рассеялась. Правда, несколько книг из нее имеются в Гос. Публичной исторической библиотеке в Москве, но

это лишь скромные остатки былого богатства.

Важным сюжетом переписки Котляревского и Патеры была также информация о научной жизни, Котляревский всегда был – в частности благодаря Патере – в курсе новых достижений чешской и вообще славянской науки. Сам он также разыскивал некоторые материалы в русских архивах для Патеры, посыпал ему русские издания.

Любопытны имеющиеся в их корреспонденции сведения и о том, кто из русских славистов посещал Прагу с ученой целью. Патера постоянно и скрупулезно извещал об этом Котляревского. Так, 7 сент. 1876 г. он сообщает, что "в этом году" из русских славистов побывали в Праге "кроме А.А.Кочубинского" также М.С.Дринов, собираяший материал для диссертации о Добровском, И.Н.Снегирев, затем – А.Н.Соколов, П.А.Кулаковский, Н.Задерацкий и, наконец, граф С.Уваров. Эти сведения показывают, что практически все русские слависты какое-то время работали в Праге, являвшейся истинным центром славянской науки в XIX в.

Проанализировав переписку Котляревского с Патерой, можно сделать вывод, что связи русского ученого с чешским и вообще с чешской научной средой явились одним из важнейших компонентов его славистической работы. И хотя Котляревский не исследовал чисто чешские сюжеты, его пребывание в Праге, контакты с чешскими учеными были одним из источников его необыкновенной эрудиции в области славяноведения, что и позволило ему внести существенный вклад в развитие отечественной науки о славянах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Котляревский А.А. Сочинения. Т. I-4. СПб. 1890-1895.
2. Чипин А.Н. Очерк биографии профессора А.А.Котляревского // Котляревский А.А. Сочинения. Т.4. СПб., 1895.
3. Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Минск, 1976. Т. I. С.128-129.
4. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С.193-194 (автор статьи – Л.П.Лаптева).
5. Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. (О Котляревском см. с.206-208 и далее по указателю; автор материала – Л.П.Лаптева).
6. Власова З.И. А.А.Котляревский в Праге // Литератур-

ные связи славянских народов. Исследования, публикации, библиография. Л., 1988. С.291-305.

7. Лаптева Л. "Це була жива, талановита натура" // Отчий край'90. Историко-лтературний зборник. Вип. 4. Ки в, 1990. С.82-87; Она же. Архивные материалы о проф. Киевского университета А.А.Котляревском (1837-1881) // Архивы Украины. 1991. Вып.2.

8. Адольф Патера (1836-1912) - языковед и историк литературы. Заведовал библиотекой Национального музея в Праге, занимался главным образом древнечешской литературой, сделал в этой области многочисленные открытия, издал ряд важнейших рукописей. Имел широкие связи с русскими исследователями, особенно славистами, посещавшими Прагу в научных целях. Он их радушно принимал, оказывал помощь как в научном, так и в бытовом отношении. Его архив в Праге хранит несколько тысяч писем русских корреспондентов. Более подробные сведения о его переписке с русскими учеными можно найти в работах: Лаптева Л.П. Письма В.В.Стасова чешскому ученому Адольфу Патеру // Советское искусствознание. М., 1980. Т.2. (за 1979 г.). С.347-354; Laptěová L.P. Korespondence I. I. Srezněvského a Patery. Příspěvek k historii česko-ruských vědeckých styku v 19. stol // Československo-sovětské vztahy. XI. 1982. S.97-112;

Лаптева Л.П. Сведения по истории славистики и русско-чешских научных связей в переписке Н.П.Попова с А.Патерой // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С.290-298; Лаптева Л.П. Переписка между русским славистом В.И.Ламанским и чешским ученым Адольфом Патерой как источник по истории русско-чешских связей во второй половине XIX в. // Zborník Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského. Roč. XXXI. 1980. Historiea. Bratislava, 1984. S.45-73, а также другие статьи Л.П.Лаптевой.

9. Literární Archiv Památníku Národního písemnictví (LAPNP). Pozastalost A. Patery. Korespondence.

10. Отдел рукописей Государственной Публичной Библиотеки (Ленинград). Ф.386 (А.А.Котляревский). Д.86. Все ниже цитируемые и упоминаемые письма хранятся соответственно в LAPNP и ОР ГПБ.

II. Центр. Госуд. историч. архив г. Москвы (далее - ЦГИАМ). Ф. 109. Д.230. Ч.78. С.61-62.

I2. В письмах Котляревского Патере нет точных дат, в части указаны лишь месяц и число, но без года, в некоторых не указан и месяц или дата вообще отсутствует. Датировка устанавливается нами по содержанию писем.

I3. Котляревский - Патере, 18 окт. 1867 г.

I4. Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.

I5. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1-3. М., 1865-1869.

I6. Скорее всего имеются в виду: Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (Х-ХІУ в.). Приложение: Снимки с памятников. СПб. 1866; Он же. Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицей. СПб. 1866.

I7. Центр.Госуд. истор. архив в Ленинграде (далее -

ЦГИАЛ). Ф.733. Оп.120. Д.414. Л.9.

18. Там же. Л.14-16.

19. Институт русской литературы (далее - ИРЛИ). Ф.250 (А.Н.Пыпин). Оп.1. № 270 (послужной список А.А.Котляревского).

20. Kotljarevskij A. Uspěchy slavistiky na Rusi v poslední době (1860-1872)// Časopis Musea Království Českého. 1874. Sv. 1-3. S.23-53; Sv. Praha, 1874.

21. О пребывании А.Котляревского в Праге в 1873-1874 г. в литературе достаточно много сведений. Последняя по времени статья принадлежит З.И.Власовой (см. выше).

22. ЦГИАЛ. Ф.733. Оп.120. Д.414. Л.3-а.

23. Котляревский А. Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности. Исследование. Прага, 1874; Он же. Древности юридического быта Балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Прага, 1874.

24. ИРЛИ. Ф.134. Оп.4. № 179 (диплом).

25. Киевский городской историч. архив (далее - КГИА). Ф.16. Оп.313. Д.183. Л.1.

26. Там же. Л.6.

27. Власова З.И. Указ.соч. С.303.

28. ЦГИАЛ. Ф.1282. Оп.1. Д.289.

29. ЦГИАЛ. Ф.733. Оп.120. Д.414. Л.60-61.

30. КГИА. Ф.16. Оп.313. Д.183. Л.42: Рапорт А.А.Котляревского ректору Университета св. Владимира о прибытии в Киев.

31. Там же. Л.43-47.

32. Там же. Л.28 об.: Письмо ректора Университета в историко-филологический факультет 12 мая 1875 г.

33. Письмо не датировано. Год установлен по содержанию.

34. Подробнее о работе Котляревского в Киеве см.: Лаптева Л. "Це була жива, талановита натура", С.85-87.

И.Ф.МАКАРОВА

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БОЛГАР О РОССИИ В ХУ-ХУШ ВВ.

Представления легендарного характера как один из необходимых компонентов массовой культуры являются собой важную составную часть менталитета общества. В зависимости от эпохи и исторической ситуации их значение в структуре общественного сознания неравноценно. Оно может варьироваться по своему характеру от уровня полузабытых народных предрасудков до ранга едва ли не общенациональной идеологии. Любойным объектом для изучения процессов такого рода является болгарское общество эпохи османского владычества, оказавшееся в силу обстоятельств примером социального организ-

ма с гипертрофированно развитой массовой народной культурой. В данном случае речь пойдет о представлениях болгар относительно русского государства.

Хорошо известно, какую роль в деле освобождения Болгарии от турецкого ига сыграло широкое распространение в обществе русофильских настроений. Исследователи обычно склонны связывать их активизацию с русской политикой на Востоке во второй половине XIX-XIX в. и соответственно ограничивать их генезис рамками оформления образа освободителя "дядя Ивана"¹. Однако есть основания считать, что распространение в Болгарии этого политизированного образа, ставшего в XIX в. важным компонентом не только болгарской духовной культуры, но в значительной степени и национальной идеологии, явилось лишь завершающим этапом эволюции представлений о далекой северной державе. В частности, на это указывает тот факт, что образ "дядя Ивана" не влился в устного народного творчества и остался известен в основном в северо-восточной Болгарии², т.е. именно в том регионе, где контакты населения с русскими войсками были наиболее широкими. Вместе с тем, ряд источников более раннего периода, а также некоторые материалы устного народного творчества указывают на то, что и вне этого образа интерес в болгарском обществе к России имел несколько обостренный характер.

В этой связи любопытно проследить, в какой мере русофильские тенденции XIX в. сочетались с народным менталитетом болгар предшествующих веков, а также постараться выявить те факторы, которые могли оказывать влияние на зарождение в обществе прорусских настроений задолго до русско-турецких войн. Основным источником для изысканий такого рода являются памятники устного народного творчества и некоторые из сочинений болгарских книжников. Однако следует отметить, что имеющийся в наличии материал невелик по объему и фрагментарен. В основном русская тематика связана с историческими реалиями конца XIX-XIX в. и лишь немногие сюжеты отражают представления, уходящие своими корнями в глубь времен.

В хронологическом отношении наиболее ранним памятником османского периода, в котором можно обнаружить фиксацию представлений легендарного характера, имеющих отношение к русским сюжетам, является историко-грамматический трактат "О письменах"³, написанный болгарским книжником Константином Костенечским в 20-х годах ХУ в. В частности, в нем изложена история создания первоучителями Кириллом и Мефодием нового синтетического церковно-славянского языка. Автор внимательно рассмотрел проблему лексического вклада в него каждого из славянского языков (болгарского, сербского, хорватского, русского, боснийского, словенского, чешского)⁴. Заслуживает внимания тот факт, что Константин склонен гипертрофированно трактовать значение русского компонента в процессе создания общеславянской письменности. Он убежден, что в ее основу был положен прежде всего русский язык и что первоначальный славянский вариант "бжествнаа писания рушким языком суть разве помоши от иных негде и негде"⁵.

Трудно судить, до какой степени позиция автора в данном вопросе оригинальна. Вполне возможно, что она генетически связана с древними преданиями, циркулировавшими в среде славянских книжников задолго до первого появления турок на Балканах. Вместе с тем, необходимо отметить, что именно в османский период эта своеобразная русофильская гипотеза получила широкое распространение в регионе. Произошло это в ХУ-ХУП вв. благодаря популярности среди местных славянских книжников краткого списка данного трактата "Словеса вкратце". Эта рукопись представляла собой, по существу, небольшой грамматический справочник, что и предопределило неизбежность появления ее многочисленных списков⁶. При всей своей краткости "Словеса вкратце" содержали в себе практически в полном объеме именно те отрывки сочинения Константина Костенечского, в которых имелись рассуждения об этно-языковом единстве славянских племен и об особом значении русского компонента в истории появления на свет церковно-славянской письменности⁷.

Факт существования в данный период многочисленных списков трактата можно рассматривать и в качестве косвенного

свидетельства о том, что информация о наличии этнического и языкового родства с русскими в болгарском обществе циркулировала. Таким образом, при благоприятных внешних обстоятельствах уже в первые столетия османского владычества в обществе была почва для развития представлений об особом характере близости с далеким единовременным народом.

Ряд источников и прежде всего некоторые из зафиксированных сюжетов устного народного творчества позволяют даже предположить, что у болгар постепенно сложилось нечто вроде своеобразной системы легендарных представлений, в центре которых стоял образ русского государства. Самый интересный в этом отношении материал сохранился в цикле сказаний о судьбе двух последних мифических болгарских царей – Константина и Асеня, записанных, в частности, русским ученым В.Качановским в 70-х годах XIX в. И хотя разработка русских сюжетов не занимает в сказаниях центрального места, однако трактовка их носит явно неслучайный характер. Более того, она настолько далека от ординарности и настолько тесно переплетена с представлениями болгар о судьбах собственной национальной государственности, что это обстоятельство позволяет предположить наличие неких факторов, непосредственно влиявших на формирование определенной направленности общественного сознания народа.

Итак, песенный цикл о смерти так называемого болгарского царя Константина. Оставляя в стороне вопрос о природе возникновения явных болгаро-византийских контаминаций, результатом которых стало совмещение образов тирновского царя Ивана Шишмана, византийского императора Константина Палеолога и Константина Великого, необходимо прежде всего отметить, что особый интерес представляет в данном случае то обстоятельство, что в одной из песен именно Россия указывается как место убежища для представителей свергнутой династии⁸. Происходит это следующим образом. Царице Елене снится вещий сон: "...Небо предвоило, а месяц у керви утана, я дзвезди-те на земля-та попадаа, а власи-те далекъ пребегнаа, далекъ, далекъ у славна Русия; там имъ е дединя и старина"⁹. В реальной жизни это предсказание обличива-

ется тем, что страну завоевывают турки, царь Константин погибает, а царевичи-наследники спасаются в России. Заканчивается же песня загадочным пророчеством: "Два ми сина царство зематъ"¹⁰.

Текст не позволяет сказать определенно, какое царство подразумевается – болгарское или, возможно, русское. Отчасти об этом можно догадываться, лишь привлекая материал о другом мифическом последнем царе болгар Асене. В сказаниях о нем речь идет об установлении прямых родственных связей между его потомками и представителями русского правящего дома, а следовательно и о существовании законных прав русско-болгарских царей сразу на два престола.

Сюжетная канва в данном случае следующая: Болгарию завоевывают турки; царь Асонь находит убежище в России, где проживает инкогнито, подвизаясь пастухом; через некоторое время он женится на русской крестьянке, а родившийся от этого брака сын становится мужем едва ли не единственной дочери русского царя; после смерти Асения сын оказывается наследником короны болгарских царей и неких важных документов; затем он отправляется на родину своих предков на поиски завещанных ему царских сокровищ; отыскав их под Софией в селе Урвич, царевич возвращается вместе с ними в Россию¹¹. Таким образом, согласно логике повествования, Россия – это страна временного проживания законных наследников болгарского престола, и место хранения регалий власти, и казны. Одновременно русская правящая династия оказывается как бы прямым продолжением болгарской династии, чем в свою очередь и предопределяется в будущем ее миссия освобождения Болгарии от завоевателей.

Трудно судить, до какой степени происхождение представлений такого рода связано в балканском регионе непосредственно с болгарским этническим компонентом. Весьма вероятно, что серьезное влияние в данном случае имело традиционное эсхатологическое мышление средневекового человека, конкретно выражавшееся в том, что в ХV–ХVI вв. было принято рассматривать факт падения Константинополя в контексте предполагаемого вскоре конца света и одно-

временно ожидать ниспосланного свыше избавления. Широкой популярностью пользовалось тогда, например, сказание о надписе на гробе Константина Великого, истолкованной будущим константинопольским патриархом Геннадием Схоларием (ХУ в.) в том смысле, что туркам удастся покорить Царьград и другие страны, но затем они будут полностью разбиты. В дальнейшем пророчества начали постепенно приобретать более четкую прорусскую ориентацию. Так в середине ХУІ в. александрийский патриарх Иоаким находил предсказания относительно возвышения Руси и наследования ею державы Константина Великого в самом Апокалипсисе¹². А согласно свидетельствам греков, посещавших в ХУІІ в. Москву, к этому времени в Османской империи даже турки уже верили в то, что в священных книгах сказано о захвате их царства русскими¹³.

Отчасти представления об особой миссии России на Востоке возникали и благодаря позиции самого русского государства, постепенно склонявшегося к тому, чтобы трактовать себя в качестве покровителя православных народов Османской империи. Эта позиция была естественным следствием претензий России на роль нового центра православного мира после последовавшего в 1453 г. захвата османами Константинополя. Совершившийся в 1472 г. брак московского великого князя Ивана Васильевича с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог в определенной степени стимулировал распространение в обществе мнения о якобы имевшем место факте "перенесения империи" из Византии на Русь. Признание же в 1561 г. константинопольской патриархией царского достоинства потомка Софьи Ивана ГУ явилось в глазах рядового населения официальным подтверждением законности такого рода претензий.

Что же касается причин возникновения в фольклоре болгаро-русских династических параллелей, то истоки этого явления, вероятно, следует искать в конкретных исторических реалиях ХУІ-ХУІІ вв. Не исключено, что в основе их могли лежать распоряжения константинопольского патриарха Иоасафа, сопровождавшие церемонию признания царского достоинства Ивана ГУ. Суть их состояла в том, после 1561 г.

Иоасаф предписал всем епархиям своего диоцеза поминать в церковных службах имя московского царя. При этом текст был составлен таким образом, что без каких-либо дополнительных пояснений прихожанам приходилось выслушивать здравицу в честь московского царя, в которой он трактовался в значении едва ли не законного по отношению к ним государя. Слова в тексте были следующие: "Подаждь Господи, многолетнее здравие благоверному и благочестивому Царю нашему Ивану как и прежним древним царям"¹⁴. Сохранились сведения, что и после смерти Ивана IV имя каждого нового русского царя поминалось в церквях в этой же формулировке. Во всяком случае константинопольский патриарх Кирилл Лукарис утверждал в 1629 г., что такая практика сохраняется и что имя Михаила Федоровича Романова присутствует в тексте службы¹⁵.

Думается, что независимо от политических и прочих конкретных соображений высшего константинопольского клира, систематическая пропаганда в церквях столь неординарных установок могла оказать серьезное влияние на настрой общественного сознания и послужить толчком для развития в народе легендарных представлений русофильской направленности. Особо это касалось болгарской паства диоцеза, представлявшей собой основную часть славянского населения этого региона и осознавшей свою этническую близость с подданными далекого северного царя.

Косвенным подтверждением популярности в среде болгар мифов о существовании прямой связи между судьбой династии болгарских царей и Россией могут служить некоторые из зафиксированных современниками слухов и их личные наблюдения. Известно, например, что после подавления Первого Тырновского восстания (1598 г.) в болгарских землях распространился слух о том, что провозглашенный восставшими царем под именем Шишмана III отдаленный потомок династии Шишмановичей сумел избежнуть мести турок и благополучно скрылся в России¹⁶. Приблизительно в это же время посетившие Болгарию итальянские дипломаты Чедолини и Соранто отмечали, что местные жители "всегда будут готовы взяться за оружие, восстать для освобождения от турецкого рабства и подчинить-

ся его (московского правителя) власти"¹⁷. Это свидетельство, примечательное уже само по себе, в свете вышеизложенного может быть также истолковано как подтверждение существования среди болгар настроений в пользу признания законного характера власти государя Московской Руси над ними.

Особую же роль в закреплении в народном сознании представлений о спасительной миссии России могло, вероятно, сыграть обстоятельство, связанное с историей подавления Второго Тырновского восстания (1686 г.). Дело в том, что в данном случае действительно имел место факт спасения в Москве одного из представителей болгарской династии. Речь идет о непосредственном руководителе восстания, потомке видинской ветви династии Ростиславе Срацимире. Общеизвестно, что после поражения восставших он смог эмигрировать в Россию, где с 1689 г. жил в Москве. Вскоре он получил от правительства имение в Смоленской губернии и стал родоначальником дворянского рода Ростиславичей-Дубровских.

В XVIII в. благодаря росту болгаро-русских благотворительных связей и в результате многочисленных русско-турецких войн представления легендарного характера постепенно сменяют более достоверная информация. По мнению исследователей, именно на этом фоне к концу столетия и начал формироваться образ освободителя "дядя Ивана"¹⁸, получивший в XIX в. широкое распространение в болгарском обществе и отмеченный печатью политизированного мышления нового времени. В XVIII же столетии два типа мышления, по-видимому, некоторое время тесно переплетались, образуя своеобразный сплав мифологизированного и конкретно-политического сознания.

Ярким примером для подтверждения данного тезиса может служить известный памятник XVIII в. "Повесть о московском царе Петре", сохранившийся в рукописном сборнике 1796 г., составленном священником Пунчо¹⁹. Повесть посвящена истории крещения Руси, и хотя в основе ее — материалы русских летописей, она содержит множество неожиданных подробностей, имеющих явный отпечаток местной легендарной традиции. Например, в тексте можно обнаружить упоминавшиеся ранее бол-

гаро-византийские контаминации: вместо византийского императора на страницах Повести действует так называемый болгарский царь Константин. Эпическим же эквивалентом русского князя Владимира в тексте является некий царь Петр Буро, в имени и образе которого можно обнаружить определенные параллели с реальной фигурой Петра I.

Особенно интересна для процесса политической конкретизации представлений болгар о России заключительная часть Повести. В ней содержится откровенный панегирик не только русским царям, но и всем "москалям" в целом. Особо следует при этом отметить, что повествователь попытался сформулировать свое понимание исторической миссии правителей Москвы, которая видится ему как освободительная.

По мнению автора, после принятия христианства русские становятся богоизбранным народом. Они имеют "сила от савише и да покорат свите вери и езичници подъ свою власт"²⁰. Соответственно и царь этого народа оказывается непобедимым ("не может ни единъ царь или краль да победи и да надвие цару московскому"²¹). Далее в Повести проводится прямая связь между особым статусом русских и возможностью освобождения болгар от владычества неверных. Логика в данном случае довольно проста: поскольку народ богоизбранный, то и молитва его имеет особый вес перед всевышним. А по сему случаю в уста русских вкладывается молитва об освобождении болгар: "Господи, услыши моление наше и избави род наш. Господи, избави из руки супротивникомъ нашимъ агаряномъ проклетимъ, завръзани да будуть до века"²². Судя по тому, что за молитвой следует текст возглашения славы русскому царю, в сознании автора реализация данной просьбы к Богу достаточно тесно ассоциировалась с конкретными действиями правителя северной державы. Во всяком случае освобождение болгар явилось бы для него тем деянием, которое идеально вписывается в линию его божественного предназначения, начертанную в Повести.

Возвращаясь в заключение к оценке легендарных представлений о России, бытавших в болгарском обществе в османский период, необходимо отметить, что они не были оконча-

тельно устоявшимися. По-видимому, можно говорить о трех основных фазах в эволюции данной системы взглядов. В период утверждения османов на Балканах восприятие русских южетов сводилось в основном в сознании болгар к простой констатации наличия на севере единоплеменного и единоверного народа. Но с течением времени в связи с ростом влияния на Востоке русского государства происходил процесс их постепенной идеологизации, завершившийся в XIX в. оформлением откровенно политизированного образа освободителя "дядя Ивана". Важно при этом подчеркнуть, что согласно имеющимся источникам, весь рассматриваемый процесс имел исключительно одностороннюю направленность и стимулировал создание в обществе однозначно положительного имиджа и русского царя, и его народа. В свою очередь это не могло не повлечь за собой формирования в среде рядового болгарского населения стабильных русофильских настроений, ставших уже к концу XIX в. одним из традиционных компонентов народной духовной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Трифонов И. Историческо обяснение на върата в "Дядо Ивана" (Русия) у българския народ // Библиотека Славянска беседа. III. 1908. № 2. С.26-56; Снегаров И. Културни и политически връзки между България и Русия през ХІ-ХІІІ вв. С., 1953. С.16-20.
2. Трифонов И. С.35.
3. Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. Т.І. СПб., 1885-1895. С.383-487.
4. Ягич И.В. С.396-398.
5. Ягич И.В. С.397.
6. Куев К., Петков Г. Събрани съчинения на Константин Костенечски: Изследване и текст. С., 1986. С.253-254.
7. Куев К., Петков Г. С.271.
8. Качановский В. Памятники болгарского народного творчества. Вып.І. Сборник западноболгарских песен. СПб., 1882. С.235-236.
9. Качановский В. С.235.
10. Качановский В. С.236.
11. Качановский В. С.215-217.
12. Муравьев А.Н. Сношения России с Востоком по делам церкви. Т.І. СПб., 1885. С.89-93; 150-151.
13. Каптерев Н.Ф. Характер отношения России к православному Востоку в XVI-XVII столетиях. М., 1885. С.352-353.
14. Муравьев А.Н. С.ІІІ.
15. Снегаров И. С.14.

16. Златарски В. Български въстания и опити за въстания до средата на XIX в. // България 1000 години. 927-1927. Т. I. С., 1930. С.7II.
17. Флоринский Т. Воззрения южных славян на Русь (по историческим свидетельствам и народным песням) // Славянское обозрение. М., 1892. Т.3. С.200.
18. Миларов П. История на българския народ. Пловдив, 1885. С.122-123; Трифонов И. С.33-35; Снегаров И. С.20-21.
19. Ангелов Б.Ст. Български разказ за покръстването на русите // Известия на Институт за българска литература. Т.УІ. С., 1958. С.253-259.
20. Ангелов Б.Ст. С.259.
21. Ангелов Б.Ст. С.259.
22. Ангелов Б.Ст. С.259.

А. ОВАКИМЯН

СЛАВЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИЙСКИХ АРМЯН
(80-90-е годы XIX в.)

В 80-90-е годы XIX в., в период нового подъема армянского национально-освободительного движения, в печати российских армян появилось много материалов, посвященных истории, культуре и общественной жизни славянских народов. Значительный интерес армянских журналистов вызывали те стороны общественной и культурной жизни славян, в которых наиболее ярко проявлялись национальные стремления, утверждалось национальное самосознание.

В заметках о плачевном состоянии армянской национальной жизни (опубликованы в 1890 г.) под общим названием "Страница из нашей новейшей истории (Из моего дневника)" крупный армянский писатель, педагог, публицист, переводчик Газарос Агаян предлагал следовать примеру балканских славян, освободившихся от иноземного ига и в области культуры, считая, что "необходимо знать, какой путь прошли европейские народы, бывшие ранее в нашем положении, те народы, которые подняли голову из пепла и требуют права жить независимо". Дело прогресса требует, по мнению Агаяна, больших жертв, однако, "один грек, один итальянец, один серб, один венгр, один румын, наконец, один черногорец и болгарин жертвуют в десять раз больше, чем все мы, армяне, вместе взятые".

"Наше счастье, - продолжал писатель, - что они - такие патриоты. Тот, кто считает себя настоящим армянином, не должен отставать от них; необходимо лишь знать, что есть на земле такие люди и такие народы"¹.

Ряд статей, посвященных истории освободительных движений, культурному и политическому развитию славянских народов, поместила газета "Ардзаганк" ("Эхо"), выходившая в Тифлисе. Их публикация была попыткой редактора газеты А. Ованисяна воздействовать на формирование армянского политического самосознания, вдохновить армян примерами борьбы за национальную и культурную самостоятельность. "Вместе с тем, - отмечает М. Мхитарян, - тематика освободительной борьбы угнетенных народов являлась своего рода ключом к "эзопову языку", дававшему возможность пропускать через препоны царской цензуры размышления, программы и выводы, связанные с освобождением западных армян"². Естественно, что балканские народы, освободившиеся недавно от турецкого ига, являлись объектом наиболее пристального внимания.

В статье политического обозревателя газеты О. Тиграняна "Роль балканских народов в европейском союзе" отмечалась та огромная роль, которую сыграли в освобождении этих народов просветительство и национальное возрождение: "После четырехсот лет непрерывного турецкого ига, в конце прошлого века среди балканских народов начинается движение, которое стремилось вывести народ из духовной спячки, пробудив в нем чувство национального самосознания, пыталось путем просвещения народа восстановить преданные забвению национальные традиции. Постепенно формируется национальная литература, ставшая движущей силой общего духовного и общественного возрождения"³. Автор утверждал, что политическое возрождение южнославянских народов стало возможным благодаря освободительной миссии России на Балканах, которая после каждого нового обострения Восточного вопроса брала под защиту славян. В статье разоблачалась также ассимиляторская политика Австрии по отношению к славянским народам, усилившаяся после оккупации Боснии и Герцеговины. Использовал надуманный тезис об опасности панславизма, Авст-

рия под влиянием Германии пыталась экономически подчинить себе независимые балканские государства, и в первую очередь Сербию, чтобы заставить ее отказаться от территориальных притязаний.

Газета А.Ованисяна нередко публиковала материалы, посвященные культурно-политическим движениям славянских народов Австро-Венгрии, например, такие как перевод статьи с французского журнала Э. де Лавеле "Национальный вопрос в Австрии" (1885 г.) о хорватско-венгерских противоречиях⁴. Автор отмечал, что возросшее национальное самосознание славянских подданных Австрийской империи привело к небывалому расцвету их национальных культур и подъему общественной жизни. На повестку дня встал вопрос об употреблении национального языка во всех сферах, в противовес германизации и мадьяризации. Хорваты, недовольные притеснениями со стороны венгров в экономике и культуре, по примеру своих сербских и чешских собратьев, также повели борьбу за языковое, культурное и политическое равноправие.

Армянская газета и в дальнейшем публиковала материалы, посвященные культурно-политическим движениям славянских народов Австро-Венгрии, причем наиболее обстоятельно освещалась "языковая борьба" чехов. В примечании к упомянутой статье де Лавеле ее армянский переводчик П.Варданян писал: "Два года тому назад проезжавший через Св.Эчмиадзин в Малую Азию господин Вюнш, известный чешский учёный, лично рассказывал мне, что еще пятьдесят лет тому назад можно было пересчитать на пальцах молодых людей, говорящих и пишущих по-чешски, поскольку они получали исключительно немецкое образование. Газет на чешском языке практически не было. А сейчас ситуация настолько изменилась, что на родине г. Вюнша молодые люди, не владеющие родным языком, стали редчайшим явлением, а чешские газеты насчитываются сотнями"⁵. В 1883 г. газета поместила пространное сообщение об открытии в Праге чешского национального театра. С какой целью газета опубликовала это сообщение, становится ясным из последнего абзаца: "Открытие чешского театра в Праге, благодаря народным пожертвованиям, имеет большое

значение для чехов: это памятник возрождению чешского народа. Чешские патриоты, стряхнув пыль с забытых в архивах национальных одежд, заставили свой народ вспомнить свое прошлое, извлекли на свет его древнюю литературу. Первые чешские ученые конца прошлого и начала нынешнего века и сами не верили в то, что возможно оживить чешский язык для литературы и предотвратить полное превращение чехов в немцев. Но не прошло и 3/4 века, и вот уже у чехов есть свой университет, свой национальный театр, своя достаточно богатая литература, относительно зрелая наука, и даже ученые, пользующиеся огромным авторитетом, как, к примеру, Шафарик⁶.

Большой интерес вызывали у армянских общественных деятелей славянские Матицы. В 1896 г. А.Ованнисян в обширной статье "В мире Матицы" представил деятельность Матицы чешской⁷, а спустя год "Ардзаганк" откликнулся на полувековой юбилей Сербо-лужицкой матицы⁸. В 1897 г. газета поместила ряд материалов о новом австрийском законодательстве, регулирующем употребление славянских и венгерского языков в государственных и судебных учреждениях⁹. Примечательно, что говоря, об ожесточенном сопротивлении немцев этому закону и об их требованиях отменить некоторые привилегии, данные чешскому языку, издатель армянской газеты прокомментировал эту "постыдную агитацию" следующим образом: "Несомненно, ясно, каких последствий можно было ожидать, если бы австрийское правительство совершило столь опрометчивый шаг, поскольку Венгрия - это не Турция, где можно безнаказанно отрезать языки целым народам"¹⁰. В ряде публикаций затрагивался языковой вопрос и среди католиков в Далмации и Черногории. Так, в 1892 г. было помещено сообщение о массовом переходе католиков Далмации в православие в связи с запретом папы римского проводить богослужение на родном языке¹¹. В другой заметке подчеркивалась выдающаяся роль епископа Й.Штроссмайера в борьбе хорватов за языковое равноправие¹².

Интерес восточноармянских общественных деятелей к культурно-языковым проблемам славянских подданных Австро-Венгерской

империи был не случаен: он диктовался той опасностью, которую таили в себе постановления царского правительства о закрытии армянских школ, запрете на деятельность культурно-просветительских организаций, ограничении сферы употребления армянского языка (1885 г.). Поскольку их открытое обсуждение на страницах армянской периодической печати не представлялось возможным, А. Ованисян прибег к аналогиям из новейшей истории австрийских славян. Таким образом, история двух разделенных частей славянства становилась примером соответственно для каждой из разделенных частей армянского народа. Если западным армянам в Турции образцом для подражания предлагались всенародные восстания сербов, болгар и греков против турецких угнетателей, то борьба восточных армян за культурную и языковую самостоятельность в Российской империи подкреплялась примерами из недавней истории чехов, хорватов, тех же сербов, но в Австрии, и даже сербов-лужичан. Примечательно, что большинство материалов о славянах – это переводы русских публикаций, иногда с комментариями переводчиков или политических обозревателей армянской газеты. Однако из огромного числа статей о славянах, печатавшихся в русской прессе, на страницы "Ардзаганка" попадали лишь те, содержание которых могло вызвать у армянских читателей весьма недвусмысленные ассоциации и указать им направление общественно-культурной борьбы.

Несмотря на то, что источником для армянских публикаций служили материалы русских изданий, от бдительного ока царской цензуры не ускользали статьи, призывавшие к возрождению и независимости. Складывалась парадоксальная ситуация: цензоры запрещали печатание в армянской прессе уже опубликованных материалов. К примеру, в 1890 г. цензура сняла статью "Государственное право чехов" в переводе К. Ягубяна. Цензору, судя по всему, показались опасными последние строки: "Итак, чехи через два с половиной столетия после потери своей независимости вновь питают надежду восстановить утраченное право на государственность. И эта их надежда не напрасна"¹³.

В условиях глубокого кризиса национальной жизни, пос-

тоянного давления на церковь, культурные, общественные и языковые институты, вполне закономерен интерес армянской интелигенции к жизни и творчеству выдающихся славянских просветителей, деятелей славянского национального возрождения, так называемых "славянских будителей", чья деятельность, утверждавшая национальные идеалы в качестве основы самостоятельного культурного развития, былаозвучна устремлениям армянских просветителей. Еще в 1877 г., во время русско-турецкой войны, в журнале "Пордз" ("Опыт"), выходившем под редакцией того же А. Ованиссяна, был напечатан большой очерк "Вячеслав Ганка" о жизни и творчестве выдающегося чешского слависта и национального деятеля¹⁴. Редактор не скрывал причин, побудивших его опубликовать этот материал: "Горячий патриотизм Ганки и его заслуги перед новой чешской литературой могут послужить самым лучшим примером". Характерно, что в начале очерка речь шла о битве на Белой горе 1620 г., положившей конец независимости Чехии. Далее содержался обстоятельный обзор общественной, научной и литературной деятельности Ганки, рассматривались его связи и сотрудничество с Шафариком, Колларом, Юнгманном, Челаковским, подробно описывался спор Копитара и Миклошича с чешскими деятелями по поводу Краледворской рукописи. "Благодаря Краледворской рукописи и песням Караджича, - отмечал автор очерка, - внимание Европы обратилось к славянским литературам и особенно к чешской". Особую значимость для армянских "будителей" имели прогрессивные слова Ганки о том, что защита и сохранение родного языка - это одновременно защита и сохранение своей национальности.

Очерк о Ганке был первым в серии публикаций о деятелях славянского возрождения. В декабре 1882 г. "Ардзаганк" поместил сообщение о смерти выдающегося сербского ученого-слависта Дж. Даничича¹⁵. В 1885 г. в газете был напечатан обширный очерк слависта Н. А. Янчука о крупнейшем представителе славянского возрождения сербо-лужицком будителе Я. А. Смолеру¹⁶. Это был перевод на армянский, выполненный священником Гютом Аганяном (А. Тер-Аракеляном) всего через

месяц после появления оригинала в "Журнале министерства народного просвещения"¹⁷. По словам литературоведа М.Мхитаряна, "в 1885 г., когда царское правительство закрывало армянские школы, публикация очерка о жизни и борьбе Смолера была смелым шагом со стороны редакции "Ардзаганка". Этот шаг, однако, был запрограммирован и, несомненно, достиг поставленной цели. Борьба лужицких сербов против опасности германизации становилась понятной армянским читателям, а для армянской интелигенции методы борьбы Смолера определяли направление дальнейшей деятельности"¹⁸. Не случайно редакция газеты сочла целесообразным в том же году издать очерк о Смолере в виде отдельной брошюры массовым тиражом для более широкого распространения идей о необходимости борьбы за сохранение родного языка и национальной самобытности¹⁹. Символично, что переводчик Г.Аганян посвятил брошюру своему первому учителю В.Егиазарянцу. О деятельности сербо-лужицкого просветителя подробно рассказывалось в этой газете также в 1897 г. - в статье по поводу пятидесятилетнего юбилея матери Сербской в Еудишине²⁰. На этот раз была переведена одна из статей другого российского слависта - В.А.Францева, вновь из "Журнала министерства народного просвещения".

В 1887 г. "Ардзаганк" поместила очерк о творчестве болгарского поэта и общественного деятеля П.Славейкова, и в том же году газета отрецензировала книгу Мехмед-бега Капетановича Любушака "Народное благо"²¹. Ее автор - сербомусульманин из Боснии, собрал народные песни, пословицы, поговорки и сказки, бытовавшие среди мусульманского славянского населения Боснии и Герцеговины. Назвав книгу "точным отражением народной мудрости", рецензент обратил внимание армянских читателей на поразительное сходство некоторых сербских и армянских пословиц, привел наиболее характерные примеры таких параллелей.

В 1888 г. в газете "Ардзаганк" была опубликована небольшая статья публициста, филолога, юриста К.Ягубяна "Знаменательное столетие", посвященная юбилею крупнейшего представителя сербского национального возрождения Вука Стефановича Караджича²². Эта дата широко отмечалась не

только в Сербии, но и во всех славянских странах, в частности, в России. Впервые армянские читатели узнавали о жизни и творчестве В. Караджича, об основных направлениях деятельности, о его произведениях. "Вук Стефанович Караджич своей более чем шестидесятилетней научной и литературной деятельностью предстает перед нами выдающейся личностью, - восторженно писал армянский публицист, - он в совершенстве изучил жизнь народа, проник в тайники его сердца. Этим объясняется то, что он сразу выбрал прямой путь национального возрождения своего народа. Он понял, что возрождение народа возможно только его собственными силами и что способы возрождения должны быть доступны всеобщему пониманию"²³

На 100-летие со дня рождения Вука Караджича отклинулась и другая ведущая тифлисская армянская газета того времени "Нор дар" ("Новый век"). Одновременно с юбилейной публикацией "Ардзаганк" "Нор дар" начал печатание обширного очерка "Вук Стефанович Караджич. Отец новой сербской литературы", переведенного Г. Тер-Александряном ("Г. Т. А.") из журнала "Славянский мир" за 1878 г. (печатался в пяти номерах газеты)²⁴. В небольшом вступлении, предварявшем перевод, Тер-Александрян откровенно высказывался о цели своей публикации: "Имея в виду то обстоятельство, что этот неутомимый работник мысли трудился с целью возродить родную литературу, что своими многочисленными и многотомнymi сборниками и исследованиями он содействовал интеллектуальному развитию своих соотечественников, введя народный разговорный язык в современную ему омертвевшую сербскую литературу, и, таким образом, в корне изменив ход развития в этой области, находившейся в таком же состоянии, в каком находится сегодня наша армянская литература, мы считаем, что очень важно представить нашим читателям подробное описание деятельности Караджича... Все европейские народы имели своих Караджичей; к примеру, в Германии - это братья Гримм, в России - Даль и т.д. Было бы желательно, чтобы по такому же пути, хотя бы частично, пошли и наши литературные деятели, которые смогли бы внести решительный перелом в беспорядочный ход нашего современного литератур-

ного движения, извлекая материал и пищу для своих сочинений из богатой и самобытной устной народной литературы, из этого живительного, родного, народного источника, вытесняющего из литературы такие явления, как искусственность, надуманность и преклонение перед чужестранным"²⁵.

Очерк является подробным описанием жизненного пути сербского просветителя, его плодотворной научной и литературной деятельности. Можно с уверенностью утверждать, что читатели газеты получили исчерпывающее представление об "отце сербской литературы". Идеи Караджича оказались созвучны устремлениям армянской интеллигенции, так что ее интерес к "знаменательному столетию" великого серба был не случаен.

Пропаганда славянского возрождения в восточноармянской действительности в 80-90-е годы прошлого столетия была вызвана объективными причинами, в первую очередь, начавшимися в то время гонениями на армянские школы и культурно-просветительские учреждения, вытеснением армянского языка из различных сфер общественной жизни. Пример славянских народов, мужественно противостоявших насилийственной ассимиляции, активная просветительская и научная деятельность славянских будителей указывали российским армянам пути сохранения национальной и языковой самобытности. Вместе с тем статьи и очерки о славянских культурах расширяли духовный горизонт армянского читателя, способствовали укреплению армяно-славянских культурных связей, имевших многовековую традицию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Агаян Г. Собр. соч. Ереван, 1963. Т. 4. С. 289 (на арм. яз.).
2. Мхитарян М. А. Из истории восточноармянской периодической печати второй половины XIX в. ("Пордз", "Ардзаганк"). Ереван, 1976. С. 417-418 (на арм. яз.).
3. Ардзаганк. Тифлис, 1884. № 7. С. 98 (на арм. яз.).
4. Там же. 1885. № 22. С. 313-317.
5. Там же. С. 313.
6. Там же. 1883. № 50.
7. Там же. 1896. № 18.
8. Там же. 1897. № 53.
9. Там же. № 52, 56, 57.
10. Там же. № 56.
- II. Там же. 1892. № 78.

12. Там же. 1893. № 97.
 13. Мхитарян М.А. Указ. соч. С.431.
 14. Нордз. 1877. № 4. С.252-285 (на арм.яз.).
 15. Ардзаганк. 1882. № 42. С.657.
 16. Там же. 1885. № 9-II.
 17. Янчук Н.А. Ян Эрнест Смолер: (По поводу годовщины
его смерти) // Журнал министерства народного просвещения.
СПб., 1885. № 8.
 18. Мхитарян М.А. Указ. соч. С.510.
 19. Янчук Н. Ян Эрнест Смолер. Перепечатано из "Ардза-
ганка". Тифлис. 1885. 39 с. (на арм.яз.).
 20. Ардзаганк. 1897. № 53.
 21. Там же. 1887. № 40.
 22. Там же. 1888. № 30. С.585-587.
 23. Там же. С.585.
 24. Нор дар. Тифлис, 1888. № 180, 181, 183, 184, 186
(на арм.яз.).
 25. Там же. № 180.

И.Г.ВОРОБЬЕВА

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ НИЛА ПОПОВА

Сегодня, в дни памяти С.А.Никитина, мы отмечаем заслуги отечественного слависта, вспоминая его работы, не просто ставшие историографическим фактом, а побуждающие к новым изысканиям.

Сергей Александрович был, как известно, первым исследователем истории славянских комитетов в России. Изучив многочисленные архивные свидетельства, он написал об истоках возникновения комитетов, выяснял решаемые ими задачи, проследил их эволюцию, взаимодействие с правительством и различными общественными организациями, как русскими, так и зарубежными; проанализировав личные фонды учредителей славянских комитетов, пытался определить роль и значимость их деятельности. Среди сотрудников московского славянского комитета С.А.Никитин выделял университетского профессора Нила Александровича Попова, исполнявшего обязанности секретаря комитета с 1868 г. до его закрытия.

Отношение С.А.Никитина к Н.А.Попову побудило и меня обратиться к изучению личности этого крупного слависта. Н.А.Попов – мой земляк, он родился в г. Бежецке Тверской

губернии. В его личном фонде в Отделе рукописей ГБЛ сохранились письма тверяков, никогда не публиковавшиеся и никем не исследованные. Их круг очень широк: это и директор музея, и губернские чиновники, и гимназические учителя, и просто знакомые, и религиозные служители – от архиепископа до священника кладбищенской церкви. Наибольший интерес представляют 18 писем А.К.Жизневского¹, директора Тверского музея с 1872 г., а также первого председателя Тверской ученой архивной комиссии (ТУАК), созданной в 1884 г. Все письма посланы из Твери, они охватывают период с 1883 г. почти до кончины адресата в 1891 г. Пока, к сожалению, мне не удалось найти писем самого Н.А.Попова, хотя фонд А.К.Жизневского в тверских архивах довольно полон.

Главная тема переписки – собрание Тверского музея, о котором Попов "изволил сочувственно отзываться". "Сочувствие это тем более дорого, что оно исходит от человека, который по своему положению в ученом мире и по родственным отношениям в Тверской губернии может, действительно, быть полезным нашему музею", – писал А.К.Жизневский (л.1). Директор музея рассчитывал воспользоваться указаниями знающего историка в отношении рукописей, хранящихся в музее, а также в получении сведений о документах, касающихся тверских земель и находящихся в Архиве Министерства юстиции, управляющим которого в то время, после кончины Н.В. Калачова, стал Н.А.Попов. Судя по переписке, Попов оказывал содействие музею и ТУАК. Он передал в дар ряд книг, среди них "Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции", составленное Н.А.Поповым, "Акты Московского государства". В свою очередь, Жизневский отправлял земляку тверские издания.

Н.А.Попов помогал в поиске архивных материалов по тверской истории. Жизневский спрашивал его о Старицком соборе XVI в. и вскоре получил важнейшие сведения о его первоначальном устройстве, приделах, "о палатах великих государей под церковью", описание икон, крестов. Попов, будучи знатоком и исследователем писцовых книг, сообщил в Тверь множество важных сведений из них, о чем свидетель-

ствуют пометы его рукой на письмах Жизневского. Благодаря содействию Попова, Жизневский опубликовал статью "Об изразцах на Старицком соборе". Запрашивал Жизневский и о "древних планах Твери и иных документах, относящихся к топографии города", и получил необходимые материалы.

Как упоминалось, Н.А.Попов был уроженцем Бежецка и посвятил истории родных мест большой труд, вышедший в виде книги². В дальнейшем он постоянно занимался поисками новых сведений о различных тверских местностях, сообщая их А.К.Жизневскому. Тот, в свою очередь, извещал о собственных находках: "Спешу поделиться с Вашим превосходительством недавним моим приобретением, особенно для Вас как уроженца Бежецкого, посвятившего своей родине один из важнейших исторических трудов. На днях получена мною от священника с. Бежицы древность, по-видимому, свинцовая печать, рисунок которой при сем прилагается" (л.39). Жизневский просил: "Желательно было бы получить Ваше мнение об этой древности". Приобретенная музеем "древность" оказалась западноевропейской товарной пломбой XI-XV вв., что недавно установили наши археологи³. По их мнению, находка позволяет поставить вопрос о торговых связях с.Бежицы, в XV в. входившего в состав новгородских земель.

Хотя Н.А.Попов частенько навещал места детства, о чем рассказывают письма его бежецких знакомых, но более он был связан с Тверью. Здесь в 1850 г. окончил классическую гимназию (единственный в тот год - с золотой медалью) и помнил о родной обители всю жизнь. Заранее готовясь к столетнему юбилею гимназии, который приходился на 1904 г., ТУАК в лице Жизневского обратилась к Попову с предложением написать воспоминания. В декабре 1889 г. Попов отправил свои заметки Н.Овсянникову, тогдашнему директору гимназии. Овсянников тотчас же ответил: "...Меня глубоко тронуло Ваше симпатичное отношение к бывшим Вашим наставникам и воспитателям. Ваше имя записано на золотой доске в нашем актовом зале и мы право гордимся Вами, как одним из своих воспитанников. Немногие из них так близко ознакомились не только с русской, но и со славянской историей,

и немногие из них так бескорыстно и всецело положили лучшие годы своей жизни на разъяснение и разрешение нашего будущего, на разъяснение истории всего славянского племени"⁴. Воспоминания Н.А.Попова были переданы в ТУАК, о чём есть запись в Журнале его заседаний (26-е заседание 19 декабря 1889 г.), но сейчас трудно определить их местонахождение. Обиднее всего, что они не были опубликованы в юбилейном издании⁵.

Уважительное отношение к учителям – характерная черта личности Нила Попова. Как известно, в Московском университете он учился у С.М.Соловьева, в 1860 г. стал его преемником на университетской кафедре русской истории. Двух историков связали не только научные интересы: в 1870 г. Нил Попов женился на дочери С.М.Соловьева Верне Сергеевне. После кончины великого историка Попов занялся сбором документальных материалов о нем, обратившись к людям, его знавшим. В письме Нилу Попову архиепископа Тверского и Кашинского Саввы от 24 января 1883 г. читаем: "По желанию Вашему, посылаю Вам при сем точный список письма покойного С.М.Соловьева, адресованного мне от 22 ноября 1876 г. Что касается моих личных воспоминаний о Сергееве Михайловиче, сообщение коих Вы просите, то я, в настоящее время, не имею довольно досуга заняться письменным изложением оных. Впоследствии, удосужившись, постараюсь исполнить, по возможности, Вашу просьбу"⁶.

Как истинный профессор Попов "обладал редким умением возбуждать в слушателях страсть к научным изысканиям, умением руководить молодыми учеными и собирать вокруг себя целую плеяду адептов науки", – писал о нем "Русский биографический словарь". По словам В.О.Ключевского, Нил Попов был одним из последних представителей лучших времен Московского университета – времен Грановского, Кудрявцева, Соловьева. Мнение Ключевского подтверждается письмами тверяков. Так, из письма В.И.Шокровского (январь 1883 г.), земского статистика и экономиста, впоследствии крупнейшего тверского краеведа, явствует, что Нил Попов как декан историко-филологического факультета содейство-

вал получению студентами-тверяками материальной помощи. Земляки постоянно обращались к Попову за консультациями в написании различных прошений, просили советов по обучению и воспитанию детей, обращались за содействием в освобождении студентов-сирот от платы за учебу.

Другой сюжет переписки Нила Попова с земляками связан с его деятельностью в Московском славянском благотворительном комитете. Как известно, Комитет помогал славянской молодежи в России в обучении и, вероятно, заботился о дальнейшей судьбе выпускников. В письме М.М.Никольского, чиновника Тверской казенной палаты, читаем: "Зная, что Славянский Комитет оказывает содействие студентам, окончившим курс в университете, я считал возможным обратиться к Вам с просьбой, не имеете ли Вы в виду... студента, который согласился бы принять должность чиновника особых поручений"⁸. Вероятно, Попов нашел такого человека, нужного для Твери.

В описи бумаг Московского славянского благотворительного комитета есть упоминание о письмах из Твери - от учителя гимназии и дирекции училищ Тверской губернии. В письмах идет речь об оказании материальной помощи "бедному болгарину Теохарову", который, видимо, по окончании Тверской гимназии учился в Московском университете, а помогал ему Н.А.Попов⁹.

В середине 70-х годов в Твери действовал славянский комитет, членом которого был упомянутый директор музея А.К.Жизневский. В сентябре 1876 г. на его имя из Москвы поступило официальное письмо комитета, секретарем которого являлся Попов¹⁰. В документе разъяснялись условия командировки волонтеров в Сербию, давались рекомендации по отправке добровольцев из Твери (например, не посыпать в армию сестер милосердия, каковых было достаточно). Это письмо хранится в Тверском архиве. Возможно, найдутся и другие материалы комитета.

Совершенно особые отношения сложились у Нила Попова с тверским священством. В нашей литературе не упоминается тот факт, что отец историка - Александр Григорьевич - из

семьи священника и лишь незадолго до рождения сына стал потомственным дворянином. Семейная связь с духовным сословием способствовала установлению отношений со служителями Тверской епархии. В фонде отложились письма архиепископа Саввы, священника Сретенской церкви в Твери И.Покровского (сына Вас. Ив. Покровского), о. Вл. Успенского из Осташкова, кладбищенского священника И.Преображенского. Эта переписка достойна особого разговора, отмечу лишь, что в ней содержится материал по теме, почти неизвестной отечественной науке – о роли православного священства в охране и реставрации древних храмов. Ведь именно приходским священникам приходилось заниматься ремонтом, перестройкой приделов, промывкой иконостасов и от того, как умело это делалось, зависела сохранность исторического облика храма. Нил Попов, общаясь со священниками, давал советы по реставрации иконостаса, сообщал архивные сведения по истории храма, помогал составлению различных прошений о сборе по жертвований, заботился о доставке в приход необходимой богословской литературы. Сам он как истинный христианин постоянно жертвовал на ремонт храмов в родных местах.

Хотелось бы обратить внимание читателей на нравственный опыт жизни и деятельности русского слависта. Накопив огромные знания и мастерство исследователя и публикатора сложнейших источников, Нил Попов применил все это и для написания исторических трудов о своей малой родине, представив для местных, часто неопытных, но горящих энтузиазмом краеведов образцы научной работы. Егоуважительное отношение к деятельности ТУАК, помочь сотрудникам Тверского музея стимулировали краеведческое движение в Твери.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отдел рукописей Гос.библиотеки им. Ленина (далее – ОР ГБЛ). Ф.239. П.9. Д.1. 40 лл. Далее в тексте указан номер листа дела.
2. Попов Н.А. Исторические заметки о Бежецком Верхе ХУП-ХУШ веков. М., 1882.
3. Гайдуков П.Г., Малыгин П.Д. Новые сфрагистические находки в Верхневолжье // История и культура древнерусского города. М., 1989. С.253.
4. ОР ГБЛ. Ф.239. П.15. Д.16. л.2.

5. Крылов Д.П. Столетие Тверской мужской гимназии.
Тверь, 1904.
6. ОР ГБЛ. Ф.239. П.18. Д.2. л.1.
7. Там же. П.16. Д.21.
8. Там же. П.15. Д.5. л.1 об.
9. Там же. П.2. Д.2. л.14, 18.
10. ГАТО. Ф.103. Д.481.

О.Н.ХОХЛОВА

А.А.МАЙКОВ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БАЛКАНАХ

А.А.Майков, автор первого в России капитального труда по истории средневековой Сербии¹, написавший в 60-е годы XIX в. ряд работ по вопросам феодального землевладения, к 70-м годам перестал заниматься наукой. И хотя время от времени к нему обращались как к "знатоку славянских языков, древностей и быта" (например, в феврале 1880 г. Императорское Русское географическое общество обратилось к А.А.Майкову с просьбой принять участие в составлении программы научной экспедиции в югославянские земли)², для большинства современников он был прежде всего журналистом, отстаивающим национальные интересы сербского народа. Известный славист К.Я.Грот дал ему такую характеристику в марте 1882 г.: "Человек науки - некогда, а ныне, по-видимому, более чиновник... Единственное, что еще его интересует, это современные вопросы сербской жизни и политическое положение"³.

О международных отношениях и внутреннем положении на Балканском полуострове А.А.Майков написал более 150 статей. Из них анализу в научной литературе подвергалась лишь незначительная часть, посвященная итогам Берлинского конгресса⁴. Практически не выяснено отношение А.А.Майкова к боснийско-герцеговинскому восстанию 1875-1878 гг., влияние его публикаций на общественное мнение России и Сербии, не проанализированы его связи с деятелями освободительного движения на Балканах. Единственной работой в этом плане является публикация писем Васы Пелагича к

А.А.Майкову, подготовленная Д.Ф.Поплыко⁵. С момента ее появления в печати прошло 25 лет.

Данная статья не может полностью восполнить этот пробел. Автор в ней рассмотрел лишь одно десятилетие, столь важное как в жизни южных славян, так и в жизни русского слависта – период середины 70 – середины 80-х годов XIX в.

1875 год ознаменовался началом восстания в Герцеговине. Вначале А.А.Майков, как и многие либеральные общественные деятели России и Сербии, отнесся к восстанию настороженно и крайне редко касался этой темы в своих выступлениях в периодической печати. С одной стороны, это можно объяснить тем, что восстание представлялось ему результатом подстрекательской деятельности Австрии. "Австрия подожгла восстание в Герцеговине", – писал он в одном из номеров "Русских ведомостей"⁶. С другой стороны, в 1875 г. А.А.Майков не имел еще достаточных сведений о положении в восставших районах. Однако к началу 1876 г. "информационный голод" кончился, А.А.Майков установил широкую переписку с сербскими общественными деятелями, журналистами, стал регулярно получать из-за границы номера "Српске новине", "Заветы", "Великой Сербии" и других газет. Сербские патриоты были чрезвычайно заинтересованы в поддержке русского общества, причем не только в помощи оружием, деньгами, но и в возможно более полной и благоприятной информации в русских печатных органах о положении в Боснии и Герцеговине, об оценке действий повстанческих отрядов и их руководителей⁷ и были готовы поставлять необходимую информацию. В феврале 1876 г. А.Гвозденович, не сумев устроиться корреспондентом в какую-нибудь русскую газету, предложил А.А.Майкову за определенные гонорары сообщать достоверные сведения относительно Герцеговинского восстания⁸. Благодаря этому в течение всего 1876 г. русский публицист получал богатый фактический материал с места военных действий. Письма шли одно за другим, часто с перерывом в 1-4 дня, отличаясь исключительной конкретностью фактического материала. А.А.Майков мог сравнить полученные от Гвозденовича данные о военных действиях у Требинья, осаде кре-

ности Медун, сражении под Клобуком с официальной трактовкой этих событий в печати. В его распоряжении находились сведения о численности турецких войск в той или иной операции, о военных трофеях повстанцев, о настроении в лагере восставших и т.п. Материалы о восстании присыпал А.А. Майкову также Тривун Амелица, который возглавлял повстанческую чету в Брезовачко-Грмечском районе Боснии. Приложением к одному из его писем было "Детална извјешај из Босне", составленное одним из бывших командиров боснийских усташей¹⁰. Это была своеобразная, очень яркая хроника событий. Несмотря на некоторую субъективность оценок, письма из Сербии помогали А.А.Майкову получить достаточно полное представление о событиях в Боснии и Герцеговине. Хорошо ориентируясь в обстановке, он правильно оценивал перспективу восстания, понимая, что оно скоро перерастет рамки локального конфликта и страстно желал присоединения к восстанию Черногории и Сербии¹¹. "Если бы Сербия и Черногория была предоставлена свобода действий, - писал он в одной из статей, - то борьба ограничилась бы только одними вооруженными силами, а мирное и беззащитное население не было бы подвергнуто постыдным истязаниям... И сербам было бы спокойнее: они сознавали бы, по крайней мере, что все их силы были употреблены по собственному желанию, на освобождение"¹².

Не только статьи, но и другие инициативы А.А.Майкова способствовали развертыванию движения в поддержку борющихся славян. В августе 1876 г. он обратился со страниц "Русских ведомостей" к монастырям России с призывом поддержать материальными средствами справедливую борьбу христиан Балканского полуострова¹³; в октябре того же года призыв читателей приобрести облигации сербского займа, пробуждая не только их чувство славянской солидарности, но и указывая на экономическую целесообразность такого способа помещения капитала¹⁴.

В центральных печатных органах А.А.Майков писал о положении семей повстанцев, о беженцах из Боснии и Герцеговины¹⁵, об отношении к восстанию мировой общественности,

характеризовал позицию балканских государств и европейских держав¹⁶. Особенно долго его волновал вопрос о роли Австро-Венгрии в боснийско-герцеговинском восстании. Двойственная позиция правительства Австрии по отношению к повстанцам укрепила подозрения Майкова в недружелюбии габсбургской монархии по отношению к славянам, в скрытой подготовке к аннексии Герцеговины и Боснии. В своих статьях он подводил читателей к выводу, что все меры Андраши по прекращению восстания были умышленно фальшивыми, на самом деле восстание было нужно Вене для того, чтобы с ним, как с толичным, предстать перед "берлинским ареопагом" и потребовать себе права на занятие территорий, где якобы разгорается революция¹⁷. Как показывают современные исследования, подобные оценки полностью разделялись общественным мнением Сербии¹⁸. А.А.Майков смело выступил в защиту сербской Омладины. Идеология этой организации, проникнутая духом романтизма, и ее программа объединения всего сербского народа в суверенном национальном государстве не могла не вызвать сочувствия и поддержки с его стороны. А.А.Майков отвергал мнение австрийских и некоторых русских газет о том, что Омладина является "скопищем подпольных интриганов и революционеров". "Омладина - есть интелигенция всего сербского народа, - писал он в газете "Новое время". - Цель Омладины - привести свой народ к самопознанию, без которого немыслима народная самостоятельность... Без Омладины борьба сербского народа за существование невозможна"¹⁹.

При анализе восстания 1875-1878 гг. так же, как и при изучении средневековых проблем сербской истории, А.А.Майкова в первую очередь интересовали конкретные люди. Он обращался к своим знакомым за границей с просьбой прислать биографические материалы. Например, командира одного из повстанческих отрядов С.Райковича он просил сообщить сведения о В.Пелагиче; в ответ была прислана биография и фотография этого выдающегося деятеля освободительного движения²⁰. Сведения, полученные Майковым от сербских корреспондентов, позволяли ему оценить деятельность тех или иных руководителей восстания. Ему, например, удалось реабилитировать в глазах

русской общественности Б.Зимонича и Г.Радовича, обвиненные газетой "Journal de St.-Pétersbourg"²¹ в предательстве национальных интересов²¹.

Однако выяснить роль некоторых участников восстания оказалось очень сложно. Так обстояло дело с личностями Хубмайера и Гутеши. Из писем сербского публициста Н.Савковича и материалов газеты "Застава" за 1875 г. А.А.Майков узнал, что главнокомандующий боснийскими повстанцами М.Хубмайер был подкуплен австрийскими властями и предал восстание²². Эти данные легли в основу статьи Майкова "Великая ложь", в которой он разоблачал шпионскую деятельность Хубмайера, обвинял его в организации убийства одного из первых русских добровольцев Н.Д.Далматова, а Гутеше отводил роль сподвижника боснийского воеводы²³. В ответ на статью А.А.Майков получил письмо от Гутеши, уверявшего, что никогда не был австрийским шпионом, а наоборот, будучи сербским патриотом, помогал семьям повстанцев и провел более трех лет в австрийской тюрьме²⁴. А.А.Майков поспешил публично извиниться перед Гутешей, но в то же время высказал предположение о том, что деньгами его снабжал Загребский Комитет по организации помощи восставшим, который, по его мнению, был проводником австро-венгерской политики²⁵, вызывало сомнение и то, что воеводы, рекомендованные Гутешей скучине (М.Хубмайер и В.Кончар), оказались предателями²⁶. Письмо преподавателя Загребского университета Ф.Ю.Целестина, полученное А.А.Майковым весной 1879 г., еще больше поколебало уверенность русского публициста в приватрийской деятельности Гутеши. Целестин, лично знавший последнего, писал о Гутеше, как о сложной и до конца неясной личности. Он сообщал, что после закрытия Загребского комитета "Гутеша своей деятельности не прекратил и действовал уже самостоятельно и более всего заботясь о несчастных боснийских перебежчиках, находящихся на австрийской территории. Насколько все это правда, сказать не могу, - признавался Целестин, - так как не посвящен в тайны Гутеши. Но в том я вполне убежден, что хорватам эта деятельность Гутеши вообще не нравилась. Сколько раз говорили мне видные зде-

ние деятели, что Гутеше никто не верит, ни хорваты, ни австрийское правительство, так как он будто никому никогда не показывал своего настоящего лица. Только в том, согласны здесь все, что он православный серб и действует как серб²⁷. А.А.Майков более не возвращался к личности Гутеша, а вот о предательстве М.Хубмайера упомянул еще раз в 1880 г.²⁸, получив подтверждение своим оценкам в письме Н.В.Зюсмена, бывшего добровольца армии Черняева, сербского переводчика, журналиста и, между прочим, агента царской охранки²⁹. Следует отметить, что вопрос о характере участия М.Хубмайера в боснийско-герцеговинском восстании окончательно не решен и до сих пор, хотя современные сербские исследователи все больше склоняются к мысли, что утверждение о предательстве главнокомандующего боснийских четей лишено серьезных оснований³⁰.

Таков основной круг сюжетов, нашедших отражение в до-военной публицистике А.А.Майкова.

Еще большую известность у себя на родине и за границей принесли А.А.Майкову его выступления в печати, посвященные проблемам внутриполитических и социальных преобразований у славянских народов после окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (он отстаивал принцип невмешательства России во внутренние дела независимых славянских государств³¹), а также его комментарии решений Берлинского конгресса. Несмотря на то, что майковские статьи звучали в унисон со всеми газетами либерального и консервативного направлений весной-летом 1878 г., они не остались незамеченными.

А.А.Майков получал много писем, в которых сербские общественные деятели выражали свою признательность и благодарность за его выступления в защиту национальных интересов южных славян. Сербский ученый Алим. Василевич называл А.А.Майкова одним из лучших русских патриотов³² и писал о том, что его уважают и любят все мыслящие и читающие люди в Сербии³³. Сербский митрополит Михаил отмечал в письме от 17 сентября 1879 г.: "Мы все в Сербии, читая Ваши мысли, очень ценим Вашу любовь, беспристрастие и справедливость"³⁴.

А.А.Майков дал объективную оценку решения Берлинского

конгресса о Боснии и Герцеговине. Он охарактеризовал позицию европейской дипломатии как "противуславянскую и противорусскую". "Европа с радостью отдает Австрии всю западную половину Балканского полуострова, Италии - Албанию и даже, быть может, согласится на возвращение Англии в проливах, лишь бы этим ограничить круг влияния России", - писал он в "Санкт-Петербургских ведомостях"³⁵. Руководствуясь концепцией противостояния германского и славянского миров, Майков видел в оккупации Боснии и Герцеговины конечную цель давних захватнических замыслов, к осуществлению которых Габсбурги приступили еще в конце ХУП в. События этого времени - переговоры Леопольда I Габсбурга с Юрием Бранковичем, русско-турецкие войны ХУШ в., восстание Кара-Георгия - все рассматривалось им исключительно под этим углом зрения. Поэтому очень часто в своих статьях А.А.Майков противопоставлял и современную балканскую политику Австрии и России³⁶. Он отвергал доводы графа Андراши, оправдывавшего присоединение Боснии и Герцеговины необходимостью охраны Австро-Венгрии от "смут, революции и славянской агитации". Истинные цели внешней политики Венского кабинета А.А.Майков сводил к стремлению ассимилировать славянское население и насаждать католицизм³⁷. Как видим, общеисторическая концепция не давала учёному выйти за рамки старых схем, приводила к чрезмерной упрощенности и односторонности оценок. Вместе с тем в условиях ухудшения русско-сербских отношений после Берлинского конгресса статьи А.А.Майкова приобретали особое значение. Они убеждали сербов в том, что в России есть немало людей, смело выражавших свою солидарность с южными славянами в то время, когда русские дипломаты сложили оружие перед натиском европейских кабинетов. Один из белградских журналистов писал в эти дни А.А.Майкову: "Статью Вашу в "Санкт-Петербургских ведомостях" я первый здесь прочитал... Она произвела здесь сильное впечатление. В первый же день узнал про нее весь Белград. Я перевел ее в "Исток". Этой статьей Вы заслужили много раз "Живи јо Мајков! Живити такви наши пријатели!" Другой его корреспондент, митрополит Михаил благодарил:

"Спасибо за Боснию и Герцеговину, что справедливо заступились за них"³⁹.

После Берлинского конгресса русский публицист считал своим гражданским долгом знакомить общественность России с положением славянского населения в оккупированных районах. При попустительстве России Австрия "не только продолжает управлять Боснией и Герцеговиной, - отмечал он, - но и старательно переделывает их в свою составную часть: вводит немецкие поселения..., производительность местную передает в руки немцам и евреям, подчиняет население ректутскому набору..., водворяет немецкий язык, теснит православную веру"⁴⁰. А.А.Майков приводил на страницах газет и журналов страшные свидетельства преступлений австрийских властей: убийства стариков и детей, массовые голодные смерти, селения с заживо сожженными людьми⁴¹.

С конца 70-х годов он все чаще стал прибегать к публикации писем, полученных им из Боснии и Герцеговины. Так в апреле 1879 г. в "Санкт-Петербургских ведомостях" он поместил два красноречивых документа - это письмо из северной Боснии от одного из бывших воевод о преследовании австрийскими властями руководителей восстания (С.Ковацевича, Б.Гузины, Б.Зимонича и др.) и письмо, "скрепленное подписями более чем 20 знатных людей", о сербских беженцах, которых выдворяли за пределы Австро-Венгерской империи⁴². А "Заметка по внешним делам" в апрельской книжке "Русской мысли" за 1883 г. более чем наполовину состояла из документов различного рода. Здесь и записка, направленная в 1880 г. "именитыми гражданами Боснии" В.Гладстону о национальном гнете австрийских властей (Англия в этот период выступала за проведение реформ на Балканах), и открытое письмо В.Пелагича тому же министру Англии, за которое сербский демократ был приговорен к 7 годам тюрьмы, и адрес жителей Боснии Александру II, обращение усташей к народам и государям Европы от 6 апреля 1882 г., доклад боснийско-герцеговинской депутатии о поземельных отношениях в оккупированных областях... Возможно, что именно эта публикация стала главным аргументом при выборе В.Пелагичем

кандидатуры для перевода важнейшего документа - "Боснийско-герцеговинского мемуара, адресованного друзьям свободы и справедливости, членам парламента и вообще представителям народа и общественного мнения". Надо сказать, что до этого в течение почти пяти лет А.А.Майков и В.Пелагич состояли в переписке, Пелагич неоднократно обращался к русскому слависту и общественному деятелю с различными просьбами (выслать книги, содействовать в получении денег от Петербургского славянского комитета и пр.), но прежние поручения не носили столь деликатного характера. В.Пелагич в январе 1885 г. выслал А.А.Майкову оригинал меморандума и просил перевести его на европейские языки, что позволило бы опубликовать документ за границей и сделать доступным для широких кругов мировой общественности. А.А.Майков согласился перевести мемуар на французский язык, но выполнил свое обещание не столь быстро, как того желали сербские патриоты. В.Пелагич неоднократно торопил Майкова и даже обвинял его в "барском колебании"⁴³. Осенью 1886 г. боснийско-герцеговинский мемуар вышел в Бухаресте на французском языке, по предположению Д.Ф.Поплыко, в переводе А.А.Майкова⁴⁴.

Таким образом публицистические выступления А.А.Майкова середины 70-середины 80-х годов XIX в. основывались на свидетельствах участников национально-освободительного движения на Балканском полуострове и документах (подлинниках), которые он получал от своих зарубежных корреспондентов. Статьи несли русским читателям в основном правдивую информацию о балканских событиях, способствуя укреплению русско-сербских связей и развитию самосознания у южных славян. От просербской публицистической деятельности А.А.Майков постепенно перешел к оказанию непосредственной помощи сербским патриотам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Майков А.А. История сербского языка по памятникам, написанным кириллицею в связи с историей народа. М., 1857.
2. Отдел рукописи Гос. публ. библиотеки в Слб. (далее - ОР ГПБ). Ф.452. Оп. I. Д.285. Л.3; "Восток". 1880. № 51.
3. Архив Ленинградского отделения Академии наук. Ф.281. Оп. I. Д.96. Л.1.

4. Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи (70-80-е гг. XIX в.). М., 1989.
 5. Поплыко Д.Ф. Письма В.Пелагича к А.А.Майкову (1880-1886 гг.) // Славянское возрождение. М., 1966. С.233-248.
 6. Русские ведомости. 1877. № 19. С.1.
 7. Наумов Е.П. Новые документы по истории национально-освободительного восстания в Боснии и Герцеговине (1875-1878 гг.) // Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и Балканы. Балканские исследования. М., 1978. Вып.4. С.250-251.
 8. ОР ГПБ. Ф.452. Оп.1. Д.236. Л.1 об.
 9. Там же. Лл. 4-II.
 10. Там же. Ф.452. Д.203. Лл.5-15.
 11. Русские ведомости. 1876. № 46.
 12. Там же. № 108.
 13. Там же. № 198.
 14. Там же. № 251 (2-я передовица).
 15. Там же. № 108.
 16. Там же. № 73.
 17. Майков А. Великая ложь // Санкт-Петербургские ведомости. 1879. № 7. С.1.
 18. Струкова К.Л., Хитрова Н.И. Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876-1878) // Русско-турецкая война 1877-78 гг. и Балканы... С.51.
 19. Майков А. Сербская скопщина и сербская омладина // Новое время. 1876. № II9. С.2.
 20. ОР ГПБ. Ф.452. Оп.1. Д.337.
 21. Майков А. Заметка по поводу сообщения газеты "Journal de St.-Pétersbourg" // Санкт-Петербургские ведомости. 1878. № 332. С.2.
 22. ОР ГПБ. Ф.452. Оп.1. Д.343. Лл. 1об. - 3об.
 23. Майков А. Великая ложь... С.1-2.
 24. В.Н.Кондратьева по материалам АВП России установила, что действительно в 1863 г. Гутеша вместе с П.Узелацием был заключен в тюрьму по обвинению в доставке оружия в Боснию. О его дальнейшей деятельности сведений нет. См.: Кондратьева В.Н. Из истории попытки организации восстания в Герцеговине в 1872 г. (по русским архивным материалам) // Уч. зап. Института славяноведения. М., 1964. Т.ХХУШ. С.149.
 25. Мнение А.А.Майкова о Загребском Комитете нельзя считать абсолютно верным. Комитет действительно оказывал помощь семьям повстанцев, хотя австрийские власти и принимали меры, не позволяющие движению солидарности с восставшими подняться выше уровня благотворительной деятельности. См.: Поплыко Д.Ф. Боснийско-герцеговинское восстание 1875-76 гг. и национально-освободительное движение на Балканах // Балканские исследования. М., 1978. Вып.3. С.12
 26. Майков А.А. Страницка из Боснийского восстания Ответ Гутеше // Санкт-Петербургские ведомости. 1879. № 71. С.1-2.
 27. ОР ГПБ. Ф.452. Оп.1. Д.368. Л.1 об.-2.
 28. Русские ведомости. 1880. № 200. С.1.
 29. ОР ГПБ. Ф.452. Оп.1. Д.254. Л.2-3.
 30. Андонов-Поланских Х. Участие на Мирослав Хуб-маер во Кресненско-Разлошкото восстание // Институт за

- национална истори а. Гласник. Скоп е, 1976. № 2. С.118.
 31. Русские ведомости. 1878. № 31. С.1.
 32. ОР ГПБ. Ф.452. Оп.1. Д.226. Л.1 об.
 33. Там же. Л.6.
 34. Там же. Д.299. Л.7.
 35. Майков А. Великая ложь... С.2.
 36. См., напр.: Передовую статью в газете "Свет". 1886.
 № 4; Майков А.А. Россия и Австрия на Балканах // Санкт-
 Петербургские ведомости. 1879. № 107; Майков А.А. Заметки
 по внешним делам // Русская мысль. 1882. Кн. II. С.59-81.
 37. Майков А. Великая ложь... С.2.
 38. ОР ГПБ. Ф.452. Оп.1. Д.388. Л.1.
 39. Там же. Д.299. Л.18.
 40. Свет. 1886. № 6. С.1.
 41. Русская мысль. 1883. Кн. 3. С.91-95.
 42. Майков А.А. Россия и Австрия на Балканах... С.1-2
 43. ОР ГПБ. Ф.452. Оп.1. Д.318. Л. 3 об.
 44. Поплыко Д.Ф. Письма В.Пелагича к А.А.Майкову...
 С.236.

А.А.БАЧИНН

РОССИЯ И ПОЛЬША В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
 М.П.ПОГОДИНА

Историография польского вопроса относится к разряду фундаментальных проблем в исследовании идеи славянской взаимности. Оказав значительное воздействие на генезис и эволюцию славянских доктрин, исповедуемых различными кругами национально-мыслящей русской интеллигенции, польский вопрос одновременно стал камнем преткновения отечественной панславистикой историософии.

Среди провозвестников славяно-русской идеи одной из самых крупных, ключевых фигур, по единодушному мнению современников, была личность московского историка М.П.Погодина (1800-1875). Зарубежные славяне причисляли его к "апостолам славянской взаимности", к "наивернейшим сыном матери Славы", обращались к нему как к "первому славянину среди русских"^I. Поляки при этом чаще всего хранили красноречивое молчание.

В еще малоизученном публицистическом наследии М.П.Погодина польская тема занимает исключительное место. Четыре десятилетия она не просто находилась в поле зрения ученого, но буквально приковывала его к себе. Старинный знакомец

знаменитых поляков – Лелевеля и Мицкевича, Линде и Кухарского, Мацеевского, Бентковского, Крыжановского и многих других деятелей польской культуры, он всеми доступными средствами стремился к примирению Польши и России.

Летом 1867 г. после изнурительной борьбы с цензурой Погодину удалось издать "Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний", куда включил почти все написанное им с 1831 г. об отношениях России и Польши. Этот по преимуществу компактный историографический материал позволяет сформулировать погодинскую концепцию польско-русских отношений, до сих пор не привлекавшую значительного внимания советских историков, но, безусловно, его достойную. "С молодых лет", по собственному выражению Погодина, он был "отчайным панславистом"². Сокровенная мысль о славяно-русском союзе, мелькнувшая у него впервые во время университетских студий Шлецера, со временем оформляется в целостную историософскую систему, становится "идеей фикс" историка³.

Уже при первом знакомстве с польской публицистикой Погодина очевидна характерная особенность, неизменно дающая о себе знать: польский вопрос рассматривается им сквозь призму культурно-политической антиномии России и Запада (Европы) – с точки зрения "славянина с русской душой". Подобный взгляд имел известное мировоззренческое основание, коим служило романтическое шеллингианство, круто замешанное на старомосковской закваске⁴. К 60-м годам оно дополняется принципом утилитарности, так называемого "здравого смысла".

Непосредственным поводом обращения к польской теме дававшего большие надежды адъюнкта Московского университета стало восстание 1830–1831 гг. Однако польские интересы Погодина проявились несколько ранее. Как раз накануне восстания (удивительное стечние обстоятельств!) он был отстранен от чтения уже начатого им курса польской истории. Администрация университета, опасаясь роста популярности адъюнкта в студенческой среде, наложила запрет на польскую тему, попутно записав Погодина во фрондеры. Вероятно, не

одно только "русское чувство", но и опасение продолжения интриги со стороны недоброжелателей по службе⁵ заставило его взяться за перо и написать "Исторические размышления об отношении Польши к России" - блестательный образец ранней имперской публицистики, заслуживший одобрение Николая I.

Летом 1831 г., вслед за "Размышлениями", журнал "Телескоп" опубликовал весьма благосклонную погодинскую рецензию на "Историю государства Польского" Бандтке⁶. Первым судьей этих статей был Пушкин, после женитьбы до мая 1831 г. живший в Москве. Придя от них в восторг, поэт, задетый, по-видимому, за живое откровенно признался автору: "Никто ныне не тревожит души моей кроме вас"⁷.

Выступление Погодина в излюбленном им жанре политической публицистики оппонентом антирусского общественного мнения на Западе посвящалось обоснованию исторического, морально-этического и имперского права России на так называемые западные территории, включая (!) Галицию. Концептуальное значение имеет следующее его утверждение: "Россия достигла своего могущества обороняясь, имея почти всегда на своей стороне справедливость наравне с силой... Ни одна история не сравнятся чистотою с нашою в этом отношении". Обвинения России за участие в разделе Польши несправедливы. Польских земель она не "похищала", а возвратила себе только те, которые принадлежали ей "по праву первого занятия". На Литву же Россия имеет не меньшее право, чем Англия на Уэльс, Франция на Бретань, не говоря уже о правах Англии на Ирландию или Австрии на Ломбардию. Утрату поляками государственности Погодин объяснял провиденциальным законом возмездия. Это историческое возмездие нигде и никогда, по мнению Погодина, не совершалось "столь кратким и христианским образом". Разве "тяжкие", "судорожные" мучения" России в начале XIX в. могут быть оплачены поляками шестнадцатилетием их подданства, притом таким, при котором они были "едва ли не счастливее своих предков"?⁸ Задавая этот вопрос, Погодин "бросает перчатку" самому Молавелю... Соединение России и Польши, по Погодину, есть результат "естественного порядка вещей", "закона высокой необходимости

сти".

Провиденциальная риторика автора, однако, выглядит гораздо бледнее риторики политической. По-видимому, твердой и однозначной позиции в начале 30-х годов у него не было. Погодин колебался в выборе между принципом "просвещенного христианского" легитимизма и принципом национальности. "Государства, - писал он, - сплавливаются из разных частей, как минералы, они нарастают, по большей части, снаружи. Разделять химически сии части, желая возвратить им независимость, предприятие, вообще говоря, суетное, невозможное, безумное. Всю Европу надо будет поставить вверх дном, погрузить в бездну междуусобий, разъединить гражданские общества"⁹.

Забегая вперед, скажем, что не совсем внятная аргументация в вопросе о правах России на территории собственно Царства Польского весьма симптоматична. По крайней мере до 1863 г., Погодин с большой долей скептицизма отзывался об этом праве. Позднее он открыто заявлял: мы владеем Царством Польским по "праву войны". Спасшая Европу от наполеоновского ига, Россия овладела Царством Польским (выставившим против нее 80-тысячную армию) согласно решениям Венского конгресса так же, как Австрия овладела Ломбардией, Пруссия - Померанией, Швеция - Норвегией и т.д.

Заграничные путешествия историка во многом способствовали вызреванию у него мысли об отделении Польши. Впрочем, в его знаменитых "Донесениях" С.С.Уварову 1839 и 1843 гг. явных симптомов идеи восстановления польской государственности не ощущается. Скорее, напротив. Сообщая о том, что у поляков "все еще нет родственного чувства" и они "все еще ненавидят нас", Погодин, тем не менее, полагал: при толерантной политике русского правительства по отношению к Польше "можно ужиться с ними отлично". Последовательно проводя принцип равенства польского и русского языков в учебных заведениях ("каждый поляк должен знать по-русски"), ни в коем случае не стеснять польскую литературу и польский язык. Это бесполезно, более того - опасно¹⁰. Язык, по мысли Погодина, "должен быть посредником

между поляками и русскими. Мы будем учиться по-польски, поляки будут учиться по-русски, и, таким образом, сознавать яснее и яснее свое родство и оратство"¹¹.

С присущим ему темпераментом Погодин убеждал министра в необходимости возобновить преподавание польской истории в Царстве Польском¹². До составления учебника польскими учеными (на конкурсной основе и за "значительное вознаграждение") Погодин предлагал использовать труды Бандтке и - "для эффекта" - даже Лелевеля, разумеется, с примечаниями к "сомнительным местам", советуя не "слишком густо покрывать польскую историю русским цветом". Рекомендуемая Погодиным концепция истории Польши довольно бесхитростна, но трудно опровергима: "Польша пала не от политики соседей, а от своего безнадзора, т.е. от формы правления. Здание должно было рухнуть, ибо подпоры были негодные". История, таким образом, полностью подчинялась задаче апологии "нового правления"¹³. Важный сам по себе принцип покровительства полякам ("благоразумного и осторожного, без ущерба русскому началу") имел для Погодина еще по меньшей мере два важных аспекта: 1) европейский - русская политика в Польше должна обеспечивать России благоприятное общественное мнение за рубежом; 2) славянский - перед славянами необходимо демонстрировать образцы и преимущества "русского управления". Сообщая Уварову (1843 г.) о своих беседах со "славянскими политиками, приверженными России", по поводу польского вопроса, Погодин скорее всего излагал собственные мысли и суждения. В тех разговорах обсуждался, между прочим, такой вопрос: "Должна ли Россия отделить от себя Польшу?" Погодин информировал своего шефа об однозначно отрицательной реакции славянских собеседников, что представляется весьма сомнительным. Польша в составе России есть " зло, но зло необходимое", поскольку отделившиеся поляки непременно возобновят борьбу за реставрацию границ 1772 г. Симптоматичен и ответ на вопрос о характере управления Царством Польским в случае провала политики протекционизма: следует предпринимать самые радикальные меры, вплоть до депортации шляхты во внутренние

губернии России, т.е., добавляет Погодин, "действовать так, как действовал Иоанн Васильевич с Новым городом"¹⁴.

Долгое время тайно вынашиваемые мысли Погодина о славянском союзе наконец прорвались в его бесцензурных "Историко-политических письмах" 1854-1856 гг. Выдвинув проект образования славянского союза (1854 г.) – конфедерации самостоятельных и независимых государств, Погодин последовательно признавал необходимость отделения Польши (в пределах Царства Польского) от России. В невероятно сложной и запутанной дипломатической игре Польша должна стать козырной картой русского правительства. От независимой Польши "вострепещут" Австрия и Пруссия, антирусское общественное мнение в Европе потеряет почву, и Россия привлечет на свою сторону весь "правый и левый центр Европы", турки лишатся польских волонтеров, которые смогут присоединиться к битве "за славянское дело". Тогда славяне "предадутся России окончательно, безусловно, от всей души, на жизнь и смерть".

Поскольку, рассуждал далее Погодин, реальная самостоятельность Польши все-таки химерична, пусть поляки "наслаждаются" ею до тех пор, пока не поймут, что тесный союз России с Польшей – это "единственная форма, сколько-нибудь возможная, ее будущего". При отделении вопрос о границах должен решаться по формуле: "где говорят по-польски, там и Польша"¹⁵. Мысленно сверяясь с позицией Карамзина, умолявшего в 1818 г. императора Александра I оставить мысль об отделении Польши, Погодин не видел у Карамзина противоречий, полагая, что тот согласился бы на Царство Польское "за Неманом и Бугом". Но, как бы то ни было, поляки должны быть твердо уверены: "не с Запада, а с Востока только может воссиять звезда спасения"; единственная надежда поляков – "великодушие Николая I. В заключение Погодин предложил план (очень давний) выкупа помещичьих имений в западных губерниях и обмена их на русские маиораты в Польше для того, "чтоб не осталось духа русского в Польше, точно как польского – в России, пока эти два племени не поймут, что им полезнее соединиться и соста-

вить одно целое"¹⁶.

Погодин уверен: "Поляки примут с восторгом неожиданную милость, выше которой они ничего желать и вообразить себе не могут, бросятся все, даже самые отчаянные радикалы, в наши распластертые к ним объятия"¹⁷.

Осуществление автономизации Польши будет проходить "тихо, постепенно, без всякого кровопролития, без всяких трудов, ... без всяких понудительных и возбудительных со стороны России мер, ... одним словом, само собою, по естественному порядку вещей"¹⁸. На это уйдет не менее 25 лет. А начинать нужно вот с чего: провести амнистию всех без исключения политических заключенных, пригласить всех эмигрантов возвратиться на родину, объявить свободу книгопечатания, планы формирования армии, подготовить проект восстановления Варшавского университета и устройства железных дорог в Россию и Познань, возвратить принадлежащие польским библиотекам книги, сформировать сеймы и сеймики по системе, существовавшей до 1772 г., и, избрав на них соответствующий образ правления, представить решение на утверждение царя. Но, задавая вопросом Погодин, при этом "не теряет ли чего Россия?" И отвечал: "Ровно ничего. Она теряет только ненависть Польши, которая связывала ее во всех действиях и получает любовь, а с любовью ... новую силу"¹⁹.

Ключевой вопрос о западных губерниях Погодин разрешал в довольно мягким варианте. Если русские отказываются от Царства Польского и выходят из него, то поляки должны покинуть западные губернии. Но, если шляхта выразит желание остаться там и подчиняться русским законам, то Россия и этого не потребует.

В канун манифеста 19 февраля 1861 г. Погодин призывал "несчастных, но любезных братьев"-поляков провозгласить Александра II "общеславянским царем". Он по-прежнему считал полезным для России "восстановление" Польши. Поразительна не только лексика очередного "послания", пересыпанного чрезвычайно лестными определениями национальных качеств поляков, но и весь тон этого послания.

Будто находясь в смутном предчувствии тяжелых испытаний, Погодин предлагал полякам "опустить завесу над прошлым", апеллируя единственно к их здравому смыслу. "Европа вас обманула - так идите к нам - "братские объятия готовы", - едва не на коленях упрашивал Погодин²⁰.

Первые же известия о русской крови, пролитой в 1863 г. восставшими поляками, заставили Погодина содрогнуться и сделать свой выбор. Заявив о присоединении к "крестовому походу" против Польши, он, не теряя надежды остановить братоубийственную войну, продолжал пацифистскую пропаганду, призывая бороться с убеждениями с помощью тех же убеждений. Не столько поляки, сколько зловещий Запад представлялся ему истинным врагом, инспирировавшим оба восстания. Когда восстание было подавлено, Погодин мудро поучал: русские и поляки должны не оправдываться друг перед другом, но "каяться"²¹. Центральным звеном в решении польского вопроса (который "сейчас есть главный вопрос русский"), по мнению Погодина, была, как прежде, проблема западных российских губерний. "Границы 1772 года есть пункт умопомешательства поляков" - в сильнейшем раздражении воскликнул Погодин. Поэтому в этих губерниях, а не в Варшаве он может быть разрешен. Польский "наносный элемент" подлежит "ослаблению", если "не уничтожению", в противном случае - "нет нам мира и нет нам покоя никогда". Речь, разумеется, шла не о "кровавых мерах" ("Оборони Боже!"), а о мерах законных, по его мнению, в отношении к России и к русскому "элементу" на ее западе.

Для поздней (с середины 60-х годов) публицистики Погодина характерно заметное усиление социальных, а точнее, крестьянских мотивов. Одним из главных факторов польской революции он видел в настроении шляхты и эмигрантской аристократии, "почувствовавших надвигающуюся угрозу" перед освобождением крестьянства. Крестьянской реформой был нанесен удар польской верхушки "прямо в сердце".

Стремительно нараставшие ко второй половине 60-х годов перемены в международных отношениях казалось должны были заставить лидеров польского национального движения каким-

то образом прагматизировать свои действия. Однако этого не произошло. И Погодин в "Двух словах о поляках" констатировал полнейшую невозможность объяснения их акции "по правилам обыкновенного здравого смысла". Он упрекал поляков за пособничество турецкому и австро-мадьярскому режиму, одновременно напоминая о "несчастном народе польском, вынужденном терпеть и страдать из-за мечтаний несбыточных одной безумной шайки"²².

И еще одна важная деталь, о которой следует сказать особо. Работая над политической публицистикой, связанной с польским вопросом, Погодин выдвинул идею организации европейского "суда амфикионов" для мирного урегулирования международных конфликтов. Первый шаг на пути к созданию такой общеевропейской структуры Погодин предполагал одобрить съездом историков, который предложил бы "опыты решения" животрепещущих политических вопросов²³.

Подведем итоги. Рассматривая отношения Польши и России в контексте глобального противостояния Востока и Запада, Погодин выдвинул парадигму этнополитического синтеза поляков и русских, обосновав идею культурно-исторической интеграции. Польский вопрос, т.е. вопрос о достижении прочного мира с Польшей, трактовался Погодиным в рамках внешнеполитического проекта, который можно условно квалифицировать как либеральный империализм. В футуристских грэзах Погодина Польше отводилось место "одного из первых и блестательнейших членов" всеславянского союза. Мечтательность историка, однако, не мешала ему мыслить и прагматически в категориях государственного интереса: Погодин никогда не допускал и мысли о нарушении территориальной целостности России и был в этом смысле неистощим на разного рода аргументы. Впрочем, первое не противоречило второму: для Погодина интересы России объективно совпадали с интересами всех славян. Последовательная защита и реализация российских интересов (включающих высшие, т.е. национальные, интересы славянства) – таково политическое и моральное кредо историка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П.Погодина. М., 1872. С.107-III.
2. Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. М., 1874. С.4.
3. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб. Т.1. С.56; Т.2. С.201, 206, 129-130.
4. См.: Полиевктов В. Погодин М.П. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т.ХХІУ. С.32.
5. Барсуков Н.П. Указ.соч. Т.3. С.164-165.
6. См.: Барсуков Н.П. Указ.соч. Т.3. С.272-273. Телескоп. 1831. № 7. С.295-3II; № 9. С.75-98.
7. Барсуков Н.П. Указ.соч. Т.3. С.272. Представляется, что между погодинскими чтениями 5-го апреля 1831 г. и пушкинскими "Клеветникам России" и "Бородинской годовщиной" имеется как внешняя, так и концептуальная связь. Весьма вероятно поэтический замысел известной дилогии Пушкина возник именно 5 апреля на встрече поэта и историка.
8. Погодин М.П. Польский вопрос. М. 1867. С.5,6. Попутно заметим: все это очень и очень корреспондируется со схемой Н.Я.Данилевского. См. его кн.: "Россия и Европа" гл.2.
9. Погодин М.П. Польский вопрос. С.8,9.
10. Там же. С.28,30.
11. Там же.
12. Там же. С.3I.
13. Там же. С.32.
14. Погодин М.П. Историко-политические письма... С.63, 64.
15. Погодин М.П. Польский вопрос. С.38-40.
16. Там же. С.38, 40-42.
17. Там же. С.54,55.
18. Там же. С.56,60.
19. Там же. С.57.
20. Там же. С.II7.
21. Там же. С.I20.
22. Там же. С.235, 240.
23. Там же. С.I78.

Н.М.ПАШЕВА

ГАЛИЦКИЕ БУДИТЕЛИ НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ ПРЕССЫ 50-70-Х ГОДОВ XIX В.

Симпатии к России были свойственны большей части славянских будителей. Славяно-русские связи во второй и третий период славянского национального возрождения были весьма активны, и одним из проявлений этого славянского единства была публикация работ славянских будителей на стра-

ницах русской периодической и непериодической прессы. Печатались в России и сочинения галицких будителей. Оговоримся, что в понятие "русские издания" мы включаем всю тогдашнюю прессу, выходившую в пределах Российской империи на русском языке, в том числе и издания, выходившие на Украине.

История национального возрождения Галиции (имеем в виду Восточную Галицию с ее коренным населением), отмечена специфическими чертами. Первый период его, кстати хорошо изученный, приходился на 30-40-е годы XIX в. Этот этап довольно типичен — шла борьба за права родного языка, против национального и социального гнета. В сложных перипетиях революции 1848-1849 гг. австрийское правительство на короткое время взяло на себя роль покровителя и даже защитника галичан от поляков. Вскоре начался второй период национального возрождения Галиции, когда жестокая реакция в первое десятилетие, запрет всего, что напоминало о близости галичан к России, строжайшая цензура свели до минимума издания галицких будителей на родине. В то время как в других славянских странах вопрос о языке был уже в основном решен, в Галиции он оставался мучительным и сложным. В изданиях 50-х годов преобладало так называемое "язычие" — смесь церковнославянского, народного и русского языка. Часть будителей владела и русским литературным языком, более или менее правильным. Общественный подъем в Империи оживил и национальное движение в Галиции, однако с 60-х годов начался его раскол. Оформились два враждебных направления, вскоре ставшие двумя партиями — старорусской или москофильской и народовской или украинофильской. Москвофилы (иначе — русофили) признавали Галицию частью великой России от Карпат до Камчатки, литературным языком ее считали литературный русский язык, традиционно придерживались антипольского направления. Украинофили признавали свое единство только с украинским народом, провозглашали самостоятельность украинского языка как литературного языка Галиции, в значительной мере враждебно относились не только к русскому царизму, но и к русскому наро-

ду и его культуре. Непримиримая вражда этих двух направлений перешла и в ХХ век. Второй период национального возрождения Галиции изучен несравненно слабее первого.

Сведения о публикациях галичан на страницах прессы 50-70-х годов XIX в. мы находим в библиографии И.Е.Левицкого, вышедшей в конце прошлого века¹. В ней есть данные и о публикациях в русских изданиях. Однако они далеко не полные. Просмотр де визу ряда русских периодических изданий за интересующие нас годы позволил дополнить сведения львовского библиографа. Всего обнаружено около 30 публикаций галицких ученых и общественных деятелей в русской периодической и непериодической печати. Среди них приблизительно половина принадлежит перу Я.Ф.Головацкого, что неудивительно. Один из зачинателей национального возрождения в свои молодые годы, он был крупным этнографом, историком, лингвистом и общественным деятелем. (Заметим попутно, что в историографии его деятельность оценивается весьма неоднозначно и доныне вызывает ожесточенные споры). Все времена революции в 1848 г. Головацкий получил профессорскую кафедру в Львовском университете, а в 1867 г. после участия в московской этнографической выставке началась его травля, он был уволен и в 1868 г. принужден переселиться в Вильно. В России он печатался и до, и после 1868 г. Вероятно, наиболее ранней публикацией рассматриваемого периода, не учтенной ни одной из известных нам библиографий, является частное письмо Головацкого к Ганке. Адресат переслал его через А.Ф.Гильфердинга А.И.Кошелеву, издателю — редактору славянофильской "Русской беседы". На ее страницах в первой же книге (1856, кн. I) за подписью Гильфердинга появилось письмо к Кошелеву под заглавием "О русской литературной деятельности в Галиции в 1855 году". После краткого вступления, где Гильфердинг назвал Головацкого "одним из лучших галицких ученых и поборников русской народности" (с.36), приведен текст письма Головацкого — печальная картина послереволюционной реакции: перестают выходить главные периодические издания, задерживается печатание книг, не выходят даже учебники. Лишь Галицко-русская

матица, по словам Головацкого, "поступает наперед, хотя несколько уныло и нерешительно", да Д.И.Зубрицкий вместо четвертого тома "Истории Галичско-Владимирской Руси" выпустил свою публикацию "Аноним Гнезненский и Иоанн Дlugom". Последнюю работу Головацкий назвал самым важным сочинением, выпущенным частным лицом и прибавил, что "сей Ветеран-Историк" издал это сочинение за свой счет и всего в количестве 200 экземпляров. Каждое слово письма подтверждалось конкретными фактическими данными, а в заключение учёный написал знаменательные слова: "Несчастный год, поправший Галицию неурожаем, дороговизною, губительною язвою на людей и помором на скот, а литературу злобными, односторонними, краткоизракими, самолюбивыми людьми! Чия вина в том осудит История, пред коя зорким глазом и беспристрастным судом не скроется ни тихая благородная ревность и искреннее самопожертвование, ни злокозненная тайная злоба" (С.40-41).

С 1861 г. на волне оживления общественной и политической жизни Австрийской империи во Львове начала выходить на более (а скорее – менее!) чистом русском языке газета "Слово" под редакцией Б.А.Дедицкого, на первые два номера которой тотчас откликнулся Н.Г.Чернышевский статьей "Национальная бес tactность". До недавнего времени дать современную оценку статье русского революционного демократа, ее сильных, а прежде всего слабых, мест вообще не представлялось возможным – украинская историческая наука дозволяла только соглашаться с его мнением и никакого иначе мыслия не допускала. Ныне, обращаясь к статье Чернышевского, опубликованной анонимно с цензурными купорами в седьмой книге "Современника" за 1861 г. и полностью в собрании сочинений², следует отметить великолепный полемический тон, чутье автора, уловившего уязвимые точки в галицкой газете. Они прослеживались в основном по четырем позициям: Чернышевский критиковал "Слово" за его пропавстрийские высказывания, с возмущением приводя цитату из газеты: "Мы смотрим на свою страну как на провинцию Австрийской империи. Этую империю владеет государь, которому

мы верны не по одной привычке, но и по здравому размышлению" (2. С.777). Он упрекал "Слово" за то, что оно провозгласило покровителем национальных чаяний русинов^{*} униатского митрополита, главу униатской церкви в Галиции Григория (Яхимовича). "О мирских делах надообно заботиться мирским людям", - восклицает автор (С.783). Чернышевский обвинил газету в том, что она издается не на "малорусском" языке, а на языке, "которым говорят в Москве и Нижнем Новгороде, а не в Киеве или Львове" (С.776). И, наконец, для русского прогрессивного деятеля того времени польское национальное движение представлялось всегдая явлением революционным, отсюда самый важный упрек - антипольская направленность "Слова". Автор призывал русинов к сотрудничеству с поляками. "Большинство помещиков там поляки. Натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальностей или вероисповеданий, это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками", - говорил Чернышевский, не зная, что в ту пору помещиков-руsinов в Галиции уже не было (С.792). В рецензии Чернышевский верен классовому подходу к проблеме, продемонстрировав одновременно полную неосвещенность и некомпетентность в оценке конкретного положения дел в Галиции. Головацкий ответил Чернышевскому двумя статьями в журнале "Основа" № 4 и 5 за 1862 г. Этот петербургский украинский журнал либерального направления просуществовал всего два года. Он печатал материалы по широкому кругу проблем украинской истории, этнографии, литературы и культуры на украинском и русском языках. Обе статьи Головацкого написаны по-русски, обе, разумеется, не подписаны - австрийский "уряд" зорко следил за своими подданными, и галицкие будители всегда были под подозрением.

Первая статья, посвященная памяти Т.Г.Шевченко (опубликована в № 4), называлась "Русины в 1848 году". В ней, не упоминая статьи в "Современнике", автор дал ответ на вопрос отношения к Австро-Венгрии, т.е. сформулировал представле-

* Коренное население Галиции с древнейших времен именовало себя "русскими", "рускими", "русинами". Название "украинцы", "западные украинцы" появляется лишь со второй половины XIX в.

ние о галицком варианте австрославизма. Головацкий объяснил причины, "по которым русины считали полезным существование Австрии", - "При всем стремлении к самобытности и свободе русины хорошо понимали, что по своей малочисленности они не могут образовать самостоятельного государства. Чувство народности влекло их к кровным братьям, но сливаться с ними в одно политическое целое не было никакой возможности при тогдашних отношениях двух держав, в состав которых вошли восточные и западные малоруссы. Оставалось единственное средство - выбор между Австрией и Польшей. Они выбрали Австрию, потому что она представляла более гарантии для их народности нежели Польша" (С.8). Русины "доверили не искренности Австрии, а силе обстоятельств, полагая, что эта сила удержит Австрию для ее же блага на конституционном пути" (С.13). Автор оговорился, однако, что голос польской партии не был голосом польского народа, к польскому народу русины относились с сочувствием "помня, что он вместе с ними терпел от панов" (С.26). Эта статья выходит далеко за рамки галицких интересов и является едва ли не единственной в своем роде среди высказываний будителей, посвященных проблеме австрославизма. Если Палацкий проповедовал добровольный идеальный австрославизм, надеясь в недрах Австрийской империи создать устраивающее славян государство, и призывал к его созданию, то Головацкий четко сформулировал вынужденный австрославизм, показал, как далек от идеала политический порядок Австрийской империи и как все же его волей-неволей приходится принимать как меньшее зло.

Вторая статья "Об отношении русинов к соседям", вышедшая в следующем, пятом номере "Основы", была прямым ответом "Современнику". Отвечая на упрек в том, что "русины представляют обсуждение политических вопросов духовенству", автор объяснил: "Русины, как известно, не имеют ни администраторов, ни дипломатов, ни юристов; весь образованный класс народа составляет духовенство", причем духовенство не является замкнутым сословием, а выходит из народа и ведет жизнь мирскую (С.64). И в этой статье Го-

ловацкий отводил важное место проблеме галицко-польских отношений. "Странно, - писал он, - что автор не понял отношений русинов к полякам, он, возможно, не знает, что народ ведет здесь нескончаемую тяжбу с бывшими своими помещиками" (С.66). Далее, сказав о грабительской форме, в которую вылилось освобождение крестьян в Галиции, о политике помещиков в галицкой деревне, Головацкий заметил: "Может ли существовать любовь и согласие между польским дворянством и русским народом?" (С.69). Знаменательно, что в обеих статьях, разъясняя автору "национальной бесактности" подлинные условия, сложившиеся в Галиции, Головацкий стоял как раз не на национальных, а на социальных позициях, что так неудачно попробовал сделать Чернышевский.

Отвергая упрек Чернышевского в том, что русины не употребляют малорусский (т.е. украинский) язык, а пишут по-русски, галицкий будитель разъяснил, что "галицийские русины не пишут, да и не могут писать по-великорусски по той естественной причине, что не знают великого русского языка и не имеют возможности изучить его" (С.63). "Если русины не успели обработать своего языка, за это нельзя винить их" (С.62-63). Далее автор сообщил о запрещении в период реакции "гражданки", т.е. гражданского шрифта, о том, что русинов преследовали за русскую азбуку. В то же время он не подхватил призыв Чернышевского писать на уже "готовом" малорусском, т.е. украинском языке, а защитил тот язык, на котором писали тогда образованные русины, т.е. язычие. /Заметим, что в нашей научной литературе о язычии до последнего времени было принято писать как о заблуждении галицких будителей-русофилов, к которым принадлежал и Головацкий. Лишь недавно была сделана попытка проследить у Головацкого в этом вопросе славянофильские тенденции. (Доклад О.В.Лещака)/³. Целесообразно было так подробно остановиться на статьях Головацкого в "Основе" потому, что в них русский и украинский читатель нашел информацию о всех важнейших процессах, проходивших тогда в Галиции. Этой задаче соответствовал и тон обеих статей - в противовес полемическому задору Чернышевского ответ Головацкого был

своебразной научной справкой.

Ряд своих небольших работ Головацкий напечатал на страницах русских научных изданий - в "Сборнике Отд. русского языка и словесности", в приложениях к "Запискам Академии наук", в "Трудах I-го археологического съезда", "Записках Русского географического общества" и др. Эти небольшие исследования по этнографии, истории Галиции выходили и отдельными оттисками в виде брошюр. В 1871 г. Н.Героель выпустил хрестоматию поэтических произведений всех славянских народов под названием "Поэзия славян", в которой большая часть переводов принадлежит ему же. Разделы снабжены небольшими пояснительными статьями. Галицкий раздел предварен статьей Головацкого "Червонорусская литература". Но, безусловно, важнейший труд Головацкого, увидевший свет в России, это "Народные песни Галицкой и Угорской Руси". Инициатором издания был неутомимый О.М.Бодянский; первоначально труд выходил на страницах "Чтений в Обществе истории и древностей Российской" в 1863-1877 гг., затем в 1878 г. составитель подготовил три больших тома. Головацкий включил в собрание песни, записанные им самим, и другими собирателями, снабдив их научным предисловием. Среди публикаций фольклора, осуществленных будителями в разных славянских странах, только пятитомное (последнее) издание сербских песен Караджича может идти в сравнение с этим уникальным собранием.

Работы Головацкого составили самую значительную часть всего опубликованного галицкими будителями в русской прессе. В "Чтениях" (1862, № 3) вышла "Галицкая Русь в XVI столетии" Д.И.Зубрицкого - продолжение истории Галицкой Руси, выпущенной Бодянским в 1845 г. Перевод с польского был осуществлен Л.Майковым. В основном интерес к галицкой тематике в эти годы проявляли славянофильские издания - на страницах газеты "День" и журнала "Русская Беседа" обнаружены корреспонденции о текущих событиях в Галиции, вероятно полученные от галицких будителей. Но источник этой информации удалось установить лишь в одном случае. В шестой книжке "Русской Беседы" за 1859 г. (Смесь. С.81-

92) помещена без подписи большая статья "Протест галицких русинов против австрийского министерства. В защиту народного образования и языка". Как известно, в 1859 г. в Галиции была предпринята попытка ввести латиницу вместо кириллицы. Министерство просвещения создало для этого специальную комиссию. Но галицкие будители оказали настолько бурное и единодушное сопротивление, что проект не прошел. Документы этого вспыхнувшего дела были собраны Головацким и изданы им в 1861 г. на немецком языке⁴. Среди материалов комиссии - мемориал известного галицкого деятеля М.Куземского, сокращенным вариантом которого и явилась анонимная статья в "Русской Беседе", появившаяся в России на два года раньше, чем на родине. Несколько публикаций нашли свое место в журнале "Вестник Юго-Западной и Западной России". Он выходил в Киеве в 1862-1864 гг. в период подъема польской национально-освободительной борьбы и носил ярко выраженный антипольский облик. На его страницах среди других материалов о Галиции появились два стихотворения И.Наумовича на "галицко-русском наречии", т.е. на язычии. Оба - антипольского направления (1862. Т. I. С.145-148, 217-219). В журнале помещен и некролог Зубрицкого под инициалами Г.Я.Ф., принадлежавший перу Головацкого.

В 1875-1878 гг. вышел трехтомный "Славянский сборник", выпущенный Петербургским Славянским благотворительным обществом. В нем опубликованы работы ряда славянских деятелей, в том числе большая статья Головацкого "Карпатская Русь" - обстоятельное географическое и статистическое описание края, и небольшой очерк И.Наумовича "О Галицкой Руси". Из номера в номер журнал "Славянский мир" в 1878 г. публиковал повесть галицкого писателя Хиляка "Шибеничный брег" из истории Галиции XVIII в. и др.

Как видно, в русской прессе, хотя и не очень интенсивно, но печатались работы галицких будителей. Все они вышеизложенные - деятели руссофильского направления. Работ, принадлежащих перу представителей украинского движения в Галиции не обнаружено, что, скорее всего, объясняется тем, что украинское движение в России подвергалось

преследованию, порой даже публикации на украинском языке (кроме фольклора) были запрещены. Это положение было весьма умело использовано австрийской администрацией, объявившей себя защитницей украинского языка и движения в Галиции. Именно такая расстановка сил в закордонной Украине, поддержанная несправедливо обиженными украинскими деятелями Восточной Украины, была благодатной почвой для расцвета украинского национализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Левицкий И.Е. Галицко-русская библиография XIX столетия. Т.1-2. Львов, 1888-1895. Т.2.
2. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. М., Гос. изд. худож. литературы, 1950. Т.УП.
3. Лещак О.В. Богемизмы в язычии Я.Головацкого: Попытка интерпретации факта // Як і в Головацький ' рух за національні відродження та культурне єднання слов'янських народів: Тези доповідей та повідомлень конференції 23-24 жовтня 1989 р. Тернопіль, 1989. С.22-24.
4. Die Sprach-und Schriftenfrage in Galizien. Lemberg, 1861.

М.М.КРИЛЬ

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ГАЛИЦИИ И РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В системе украинско-русских культурных взаимоотношений первой половины XIX в. центральное место занимают контакты ученых Галиции и России. Одним из первых обратил внимание на труды галицких ученых известный русский историк Н.М.Карамзин, который был знаком с научными исследованиями историков и филологов-языковедов, работавших в Галиции. В его распоряжении, например, была копия рукописи львовского историка В.Зиморовича "Codex archivalis Metropolitan", а также другие материалы, хранящиеся в личной библиотеке профессора Львовского, а позже Петербургского университета Н.Лодия¹. Н.Карамзин вынашивал мысль о публикации свода летописей. Будучи противником сплошного издания всех существующих списков, он указывал, что за основу следует взять лучший, более полный древнейший список, дополнения его текст материалом из других летописей. При этом русский историк советовал обращать самое тщатель-

ное внимание на разнотечения в различных списках. Показательным в этом плане является такой пример. В 1819 г. в Петербурге Карамзин обнаружил список Волынской летописи². Поддерживая контакты с известным галицким филологом И.Лавривским, он просил последнего изготовить для него копию текста аналогичного списка летописи, который хранился во Львове³. Исторические труды Н.Карамзина были хорошо известны в Галиции, как свидетельствуют об этом воспоминания Н.Головацкого, одного из пионеров галицкого национального возрождения⁴.

Письменные связи с И.Лавривским поддерживал также видный русский общественный и культурный деятель Н.Румянцев, для которого украинский филолог снял несколько копий из различных документов и летописей, находящихся в архивах Перемышля.

Заметную роль в налаживании украинско-русских взаимоотношений в сфере науки сыграло пребывание в Галиции в 1822 г. русского географа и этнографа П.Кеппена. Цель посещения Галиции П.Кеппен определил так: собрать материалы "о диалектах русняцких и определить рубежи карпато-русского диалекта в Западной Галичине"⁵. За короткое время пребывания во Львове – столичном центре Галиции он осмотрел местные архивы, сделал несколько выписок из старых рукописей, а также снял копию с эпитафии на надгробном камне первопечатника И.Федорова. Этот эпиграфический текст был напечатан в том же 1822 г. в "Вестнике Европы" К.Калайдовичем, что имело ценное историческое значение, ибо сам камень уже во второй половине XIX в. бесследно исчез: его употребили как строительный материал.

Следующим большим городом Галиции, где останавливался П.Кеппен, был Перемышль. Здесь он познакомился и установил дружеские связи с И.Лавривским. Встречи с ним помогли русскому определить границы распространения украинских говоров на территории Галиции. Позже в письмах к П.Кеппену И.Лавривский уточнял отдельные сведения, данные русскому учёному, в частности терминологические определения. Так, в письме от 15 февраля 1823 г. он сообщал, что галицков

население следует правильно называть не "русским", а "руськими"⁶. Собранный при помощи И.Лавривского материал по статистике Галиции в 1819 г. П.Кеппен опубликовал в "Вестнике Европы" в 1828 г.

Пребывание П.Кеппена в Галиции позволило и другим русским ученым установить контакты с представителями украинской науки. Так, при его посредничестве была налажена переписка И.Лавривского с видным русским филологом А.Востоковым, значительное место в которой занимали вопросы старославянской письменности.

Качественно новым периодом в истории научных взаимо-связей в галицком регионе были 30-40-е годы XIX в. В это время Галицию посетили многие известные русские ученые, в том числе историки М.Погодин и М.Лунин, археолог Н.Надеждин, филологи И.Срезневский и Д.Княжевич, фольклорист И.Кириевский, природовед М.Кирьяков и др. Для развития контактов ученых Галиции и России большое значение имело пребывание во Львове известного русского историка, профессора Московского университета М.Погодина. Впервые он посетил Галицию в 1835 г., возвращаясь из научной командировки в Праге. Во Львове он познакомился с представителями галицких и польских научных кругов, в частности с известным исследователем истории Галиции Д.Зубрицким⁷, работавшим тогда в Ставропигийском институте. Со временем их встречи началось активное сотрудничество Д.Зубрицкого с русскими учеными. При помощи М.Погодина он опубликовал несколько работ в научной прессе России: о возникновении книгопечатания в Галиции, об униатской церкви, по истории Галиции XVI в., источниковедческие материалы и др.

В своих письмах Д.Зубрицкий детально информировал М.Погодина о научно-культурной жизни Галиции, сообщал о стариных рукописях, хранящихся в библиотеках Львова, посыпал для публикаций копии отдельных документов, а то и сами документы из Братского (Ставропигийского) архива. Последние сейчас являются основным источником для исследователей, поскольку большинство оригинальных документов погибло в 1848 г. во время революционных событий во Львове.

Так, на протяжении 1843-1846 гг. Д.Зубрицкий прислал различным ученым и научным учреждениям России материалы, касающиеся внешней политики Московского государства в последней четверти ХVІІІ - начала ХІІІ в. Среди этих материалов была часть переписки царя Федора Алексеевича с польским королем Яном III Собеским и переписка украинского казацкого предводителя С.Палия периода Северной войны⁸.

Д.Зубрицкий подготовил также двухтомный сборник различных документов по истории Галиции с древнейших времен до 1506 г. под названием "Codex diplomaticus Galiciensis", не получив денег для издания которого от австрийского правительства, пытался напечатать его в России⁹.

"Труды Д.Зубрицкого по истории Галиции, а также работы по вспомогательным историческим дисциплинам, высоко оценивались современниками, в частности М.Погодиным, С.Шевыревым и др. За заслуги в области археографии Д.Зубрицкий был избран членом-корреспондентом Российской академии наук и Археографической комиссии в Петербурге. В дипломе почтенного члена Общества истории и древностей российских записано, что он избирается "за заслуги, сделанные им в российской и вообще славянской истории"¹⁰.

Д.Зубрицкий поддерживал тесные связи с С.Шевыревым, С.Уваровым, председателем петербургской Археографической комиссии П.Ширинским-Шахматовым и многими другими русскими учеными, а также государственными и политическими деятелями. Он постоянно присыпал книги в библиотеку Археографической комиссии и Общества истории и древностей российских. В свою очередь, русские ученые регулярно присыпали Д.Зубрицкому изданные в России научные книги и журналы, прежде всего по проблемам славяноведения¹¹.

Кроме Д.Зубрицкого, М.Погодин переписывался с другими учеными Галиции. Особенно значительными были его контакты с И.Вагилевичем, украинским ученым, писателем и общественным деятелем. Ученые обменивались мыслями по поводу научных исследований, а также научными трудами. Так, из письма И.Вагилевича к М.Погодину от 3 января 1842 г. известно, что галицкий ученый послал последнему такие свои исследо-

вания, как "Монастырь Скит", "Караиты в Галичине", "Свадьба у славян" и др.¹² Из этого письма узнаем также о просьбе галицкого ученого издать переведенные им на украинский язык "Слово о полку Игорево" и "Повесть временных лет". Извлечения из отдельных писем И.Вагилевича, в которых говорилось о научной жизни в Галиции, М.Погодин публиковал в различных периодических изданиях.

Особую заинтересованность М.Погодина вызвала работа И.Вагилевича над составлением "Галицко-русского словаря", что было предметом их переписки на протяжении 1836–1839гг. Предполагалось издать этот труд И.Вагилевича Российской академией наук¹³. Но работу над словарем И.Вагилевич так и не сумел закончить.

Оживленными были связи М.Погодина и Я.Головацкого. В 1841 г. журнал "Москвитянин", издаваемый М.Погодиным, напечатал статью галицкого коллеги "Великая Хорватия или Галицко-Карпатская Русь". В ней Я.Головацкий одним из первых, на основе статистических материалов, назвал земли, составляющие регион Галиции. В 1847 г. он сообщил русскому историку о наличии богатых фондов рукописей и инкунаబул в библиотеках Львова и Перемышля.

В 1842 г., во время научной командировки по славянским землям, в Галиции побывал видный славист И.Срезневский. Здесь он познакомился с Д.Зубрицким, Я.Головацким, И.Вагилевичем и другими галицкими учеными и литераторами. При их помощи он исследовал народные говоры в Галиции, собрал много ценного материала по славяноведению. В частности, Я.Головацкий передал И.Срезневскому выписки из древних рукописей, принадлежавших М.Шашкевичу. И.Срезневский отмечал, что эти рукописи являются важным источником "к изучению истории болгарского и славянского народов"¹⁴.

Большую роль сыграл Я.Головацкий в деле распространения русских книг в Галиции. При этом он, как и другие галицкие учёные, часто пользовался услугами чешских друзей, как, например, ученого и писателя К.Запа и книготорговца К.Нихлера. В письме от 11 июня 1845 г. к Я.Головацкому К.Зап сообщал, что послал ему книги из Праги во Львов. По-

следние прибыли в чешскую столицу из Москвы от О.Бодянского. О получении Я.Головацким русских книг из Праги узнаем также из писем П.Шафарика от 25 января 1846 г. и К.Запа от 12 февраля 1846 г.¹⁵

В 1845 г. во Львове, после трехлетнего перерыва, снова побывал Н.Надеждин, где на этот раз познакомился с Д.Зубрицким, в одном из писем к которому от 30 июня 1845 г. Н.Надеждин просил прислать ему материалы по современным социально-экономическим отношениям в Галиции. Свою просьбу он сформулировал в виде десяти вопросов, помещенных в приложении к письму. Ученого, в частности, интересовала численность крестьянства. В ответ на эту просьбу Д.Зубрицкий через несколько дней послал московскому коллеге специальное исследование под названием "Чечто о состоянии и отношениях галицких крестьян"¹⁶, содержащее инвентарь одного галицкого повета.

Личные контакты ученых давали широкие возможности для поисков и введения в научный оборот различных источников. Так, во время научной поездки по славянским землям профессор Казанского университета В.Григорович обнаружил в Вене много интересных документов по истории Галиции, в том числе письмо польского короля Казимира III к константинопольскому патриарху Филофею, датированное 1369 г. Оно было найдено среди "Протоколов Вселенских Патриархов" и содержало просьбу польского короля утвердить галицким митрополитом епископа Антона¹⁷. Находясь в 1846 г. в Праге, В.Григорович ознакомил с этим документом В.Ганку, который сделал перевод и снял копию специально для Д.Зубрицкого.

Таким образом, связи ученых Галиции и России в первой половине XIX в. были разносторонними. Они во многом способствовали введению в научный оборот новых материалов по славянской истории и филологии. Галицкие контакты русских ученых стали основой для русофильского движения в Галиции и способствовали здесь формированию московофильства в общественной мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Свенцицкий И. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Львов, 1906. Кн. I. С.127.

2. Карамзин Н. История государства Российского. М., 1989. Т. I. С.25-26.
3. Свенцицкий И. Материалы по истории... С.140.
4. Литературный сборник Галицко-русской матици. Львов, 1885. С.136.
5. Свенцицкий И. Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в первую половину XIX в. СПб., 1906. С.4.
6. Свенцицкий И. Материалы по истории... С.140.
7. Центральный государственный исторический архив УССР во Львове. Ф.129. Оп.2. Д.38. Л.6-8.
8. Львовская научная библиотека АН УССР. Отдел рукописей. Ф.НД. Д.506. Фасц.Ш.
9. Там же. Фасц.П.
10. Там же. Ф.ОН. Д.232. Л.І.
- II. Там же. Ф.НД. Д.506. Фасц.П.
12. Письма к М.П.Погодину из славянских земель. М., 1879. Вып.І. С.640.
13. Свенцицкий И. Обзор сношений... С.55.
14. Срезневский И.И. Донесение из Братиславы от 5 апреля 1842 г. // Журнал министерства народного просвещения. 1843. Ч.37. Отд.4. С.64-68.
15. Студинський К. Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835-1849. Львів, 1909. С.149, 162-164.
16. Львовская научная библиотека АН УССР. Отдел рукописей. Ф.НД. Д.506. Фасц.І.
17. Галицкий исторический сборник. Львов, 1860. С.13-14.
18. Студинський К. З кореспонденції Д.Зубрицького (1840-1853) // Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1901. Т.43. С.48.

М.Ю.ДОСТАЛЬ

СЛАВИСТИКА В "СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЕ" В 40-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Приступить к изучению материалов газеты "Северная пчела", выходившей в 1825-1864 гг., было довольно сложно, так как ее издатели заслужили в нашей литературе весьма нелестную репутацию реакционеров, гонителей А.С.Пушкина и других представителей передовой русской словесности, агентов Ш отделения, ярых защитников "самодержавно-крепостнических устоев", потакавших низменным вкусам мало требовательного "среднего" читателя. Современные оппоненты газеты ее огромный тираж (4000 подписчиков в начале 30-х годов) объясняют прежде всего тем, что "Северная пчела" оказалась родоначальницей продажной "желтой" буржуазной прессы в России, положила начало ... торговому направлению в рус-

ской периодике"¹.

Не берусь опровергать все негативное, что написано в нашей литературе о Ф.В.Булгарине и Н.И.Грече, полагая, что время все расставит и уже начинает расставлять по своим местам. Не оправдывая их деятельность с моральной точки зрения, напомню только, что Н.И.Греч создал классические учебные пособия по русскому языку и литературе для начальных и средних школ ("Практическая русская грамматика". СПб., 1827; "Пространная русская грамматика". СПб., 1827, т. I и др.), известные и за пределами России, что Ф.В.Булгарин стал основоположником нравописательного направления в русской словесности, а его роман "Иван Выжигин" в 30-е годы XIX в. был общепризнанным бестселлером. Долгое время в отечественной науке оценивали русскую литературу в точном соответствии со взглядами В.Г.Белинского и других революционных демократов, создателей метода расчленения живой ткани литературного произведения, отсекавшего все, что не соответствовало их мировоззрению.

В результате многие поколения читателей были лишены возможности восхищаться поэзией так называемых "поэтов чистого искусства" - Ф.И.Тютчева, А.А.Фета, Я.П.Полонского, А.Н.Майкова и др., которые, по мнению радикальной критики, игнорировали или с других позиций освещали перипетии общественной борьбы. Со временем, очевидно, займут подобающее им место в отечественной литературе и Греч, и Булгарин, неплохо, кстати, владевшие русским литературным языком и полемизировавшие с В.Г.Белинским в дискуссиях о чистоте русского слога².

Что касается их детища - газеты "Северная пчела", то это была настоящая долгожительница в русской журналистике, просуществовавшая без малого 40 лет. В нее они вложили все свое журналистское мастерство, сделав интересной и занимательной для разных слоев русского образованного общества. С неменьшим интересом читается она и спустя 150 лет. Поэтому издатели могли с полным правом писать: "Северная пчела" есть живая история современности в отношении политическом, гражданственном и литературном, и с тем вместе

скромная и истинная собеседница всякого образованного человека, ищущего приятного поучительного препровождения времени в легком чтении"³. К слову сказать, интерес к газете долгие годы подогревался и тем обстоятельством, что только ей из множества частных газет было разрешено публиковать на своих страницах не только отечественные, но и зарубежные политические известия.

Помещая занимательную информацию о литературе, быте и нравах, истории народов России и разных континентов, издатели не обходили вниманием и славянские народы, причем эти материалы не соотносились строго с каким-либо особым направлением. Такая позиция Булгарина и Греча соответствовала их подходу к решению дискутировавшихся в то время в России вопросов о путях ее развития: по западному образцу или, опираясь на отечественные корни и традиции. Они, считая себя продолжателями дела Петра Великого, твердо держались западного ориентира, однако сумели избежать некоторых крайностей западничества, присущих ряду отечественных радикалов и либералов. Ф.В.Булгарин и Н.И.Греч выступали за оптимальное сочетание в русской культуре достижений западноевропейской образованности, общемирового просвещения и русского народного начала, причем не в древней, а в современной его форме. Но если М.П.Погодин в "Москвитянине" всегда подчеркивал связь русского и славянского элементов, то издатели "Северной пчелы" по существу эту связь игнорировали, подчеркивая самостоятельность и самоценность русской культуры: "Русская народность не в славянизме, а в русском языке, в русской истории, в остатках русской мифологии, в сказочных песнях и в познании местностей России и русского быта"⁴. Примечательно, что это высказывание относится к 1846 г., т.е. они предвосхитили мысли, выраженные в циркулярах С.С.Уварова 1847-1848 гг.⁵ В целом, следует заметить, что в трактовке основных категорий "теории официальной народности" Ф.В.Булгарин и Н.И.Греч во многом сходились с ее родоначальником, выдвинув на первый план понятие самодержавия, "которое вместе с православием составляет народный догмат верования

русских"⁶.

Этим объясняется саркастический тон их заметок о романтическом возвеличивании славянства в журналах "Москвитянин" и особенно "Маяк". "Нынешние славянофилы, — писалось в "Северной пчеле", — думая идти по следам Шафарика и Ганки, до того превозносят славянское племя, что нельзя удержаться от смеха. По их мнению, все, что только есть великого, все сделано славянами, и не только все великие мужи — славяне, но и почти все европейские народы происходят от славян"⁷. При этом, однако, издатели признавали "похвальным делом" "отыскивать подвиги предков, восстанавливать их славу"⁸, но подчеркивали, что делать это следует, соблюдая чувство меры, не противореча данным науки.

Помещая статьи и заметки славистического характера, издатели несомненно руководствовались правилом, чтобы они соответствовали уровню европейской науки того времени, предпочитая давать переводы статей из немецкой и французской периодики, но печатались у них и отечественные авторы. Среди них такие известные, как этнограф Н.И.Надеждин⁹, предположительно филолог И.И.Срезневский (под инициалом "С.")¹⁰, археографы С.М. и П.М.Строевы¹¹, литератор А.Ф. Вельтман¹² и др. На страницах газеты можно было встретить и ряд новых имен, почти неизвестных в современной истории славистики, как-то: историка и переводчика Я.Н.Турунова, этнографа А.В.Терещенко, чиновника русской администрации в Царстве Польском Н.И.Павлищева (шурина А.С.Пушкина) и др. Принимая в целом "теорию официальной народности", эти авторы, однако, расходились с издателями в вопросе о соотношении славянского и русского элементов, придавая первому особое, значительное место в отечественной истории. Сообщая о работе кафедры славянских наречий в Московском университете в 1841 г., когда ее еще занимал М.Т.Каченовский, Я.Н.Турунов утверждал, например, что "славяне ... в лице России занимают первое место между европейскими народами, и новая история никогда не может быть объяснена удовлетворительно без полной и подробной истории славянских племен, которые составляют свой особенный мир, совершенно

отличный от германского".¹³

В обширной статье, напечатанной в нескольких номерах "Северной пчелы" за 1842 год, под названием "Четыре эпохи новой русской истории", Я.Н.Турунов высказал оригинальный взгляд на вопрос о причинах падения Польши, не учтенный, кстати, в фундаментальной монографии Н.И.Кареева "Падение Польши в исторической литературе" (СПб., 1888). Он писал: "Если бы Польша приняла реформацию и изменила систему своего странного правления, то едва ли не ей досталась бы роль представительницы протестантизма; но Польша не участвовала в общем конгрессе европейских держав в Мюнстере и Оsnабрюке, уже тогда начинала умирать политически, и тогда же надобно было предполагать, что Пруссия займет ее место в системе Европы. Слабость Польши и непримиримые отношения католиков к протестантам, позволили Петру выдвинуть Россию из Азии в Европу и усилиться за счет Швеции".¹⁴

Интересную информацию содержат "Варшавские письма" Н.И.Павлищева, в которых он рассуждал о новинках славистической литературы и славянской периодики. Любопытно его мнение о причинах закрытия "Денницы" П.Л.Дубровского, общеславянской литературной газеты (на самом деле журнале), которая, по его словам, "с трудом могла выдержать один год и закрылась: не скажу упала, потому что журнал был хорош; закрылась же оттого, что по новости и некоторой односторонности своего содержания, не смогла возбудить вдруг общее сочувствие, главное же потому, что нуждалась в пособии, без которого, на первых порах, не может обойтись ни одна областная газета".¹⁵

А.В.Терещенко подарил читателям "Северной пчелы" свой "Очерк путешествия по некоторым славянским землям и главным европейским городам, относительно славянской литературы и истории".¹⁶ По богатству сведений о славянских землях (преимущественно западных), их библиотеках, архивах, рукописных собраниях, о современной и древней славянской литературе, о деятелях национального возрождения и пр., этот "очерк" сопоставим с аналогичными, напечатанными позже, отчетами О.М.Бодянского, Н.и.Прейса, И.И.Срезневского и др.

университетских славистов. А.В.Терещенко писал также о славянских рукописях, хранящихся в архивах и библиотеках неславянских стран Западной Европы: в Германии, Франции, Швейцарии (Женева, Дижон), Голландии, Бельгии и др. Одним из первых (если не первым) он сообщил о намерении открыть кафедру славянских языков и истории в Лозанне (Вадский кантон)¹⁷.

Славистические материалы "Северной пчелы" позволяют сделать вывод, что эта газета наряду с немногими русскими журналами: "Москвитянин", "Маяк", "Денница", "ЖМНП", "Чтения в Обществе истории и древностей российских", выполняла в 40-е годы важную миссию ознакомления русского образованного общества с историей и культурой зарубежных славянских народов. В основном данные иностранной периодики позволяли газете воссоздавать картину быта и нравов, этнографических особенностей черногорцев¹⁸, морлаков¹⁹, русинов²⁰, шердан (гвардии бана Елаичча)²¹ и др. малоизвестных в России этнических групп славян. Подробно освещалась в "Северной пчеле" жизнь в России потомков чешских братьев – гернгутеров в основанном ими городе Сарепте²².

Немало внимания издатели посвящали актуальным вопросам тогдашней славянской филологии: дискуссии о происхождении Реймского евангелия, на котором по преданию присягали французские короли²³, гипотезам о сербском или болгарском происхождении кириллицы и глаголицы²⁴, о национальной принадлежности славянских просветителей Кирилла и Мефодия²⁵ и проч.

Несомненно большую пользу приносили подробные обзоры новейших изданий источников по истории славян. Информация об этих изданиях не устарела до сих пор. Таковы сообщения (с цитированием выдержек из источников) об изданиях "Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции" С.Строева (М., 1841)²⁶. "Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек" А.И.Тургенева (СПб., 1841)²⁷, "Описание старопечатных книг славянских, служащие дополнением к описаниям библиотек графа Ф.А.Тол-

стого и купца И.Н.Царского" П.Строева (М., 1841)²⁸, "Описание русских и словенских книг румянцевского музеума" А.Востокова (СПб., 1842)²⁹, "Славянская хрестоматия по памятникам отечественной письменности от XI до XIX в." И.Пенинского (СПб., 1849) и др.

Перечисленные выше славистические материалы "Северной пчелы" не позволяют говорить о какой-то единой концепции ее издателей и авторов в освещении вопросов истории и культуры славян. Как упоминалось, главным принципом публикации материалов было их соответствие данным современной западноевропейской науки.

Совсем иное впечатление – внутреннего единства и целостности – вызывают известия газеты о революции 1848–1849 гг. в Европе. Издатели "Северной пчелы" последовательно проявляли себя непримиримыми противниками революционных перемен общества и защитниками отживающих свой век монархических режимов. Если прежде статьи и заметки о событиях в славянских землях носили эпизодический характер, то в эти два года без них не обходился ни один номер этой ежедневной газеты. Информация, которую получали русские читатели "Северной пчелы" в основном базировалась на материалах консервативной европейской прессы: немецких, австрийских и французских газет и журналов.

Неудивительно, что "Северная пчела" представила революцию в Европе как бунт черни, пропски социалистов и коммунистов³¹, противопоставляя ей незыблемое спокойствие величественной России:

"А ты, страна благословенья,
Россия – наш ковчег святой –
Среди безумного волненья,
Храни разумный свой покой!" – писал Ф.Глинка³².

Как и другие сторонники самодержавия, издатели "Северной пчелы" именно в нем видели в этот момент залог спасения страны от революции: "Самодержавие, неограниченное отечественное самодержавие, хранящее божью правду, исполняющее для всех и для каждого, берегущее все законное, ... теперь хранящее и одно могущее сохранить сильную самобытность рус-

ского царства – им одним и в дни всемирных бедствий сохранился наше великое отечество"³³.

Понятно, что сочувствие издателей газеты было всесело на стороне гонимых монархов. В частности, здесь подробно сообщалось о переездах австрийского императора и его семьи, его заявлениях и депутациях к нему верноподданных славян, освещались события, связанные с отречением Фердинанда IV от престола в пользу своего племянника, эрцгерцога Франца³⁴. Молодой император Франц Иосиф был представлен в газете в весьма привлекательном виде: образован, знаток языков всех народов империи, красавец, величав, кроток, ласков, скромен, храбр, воин телом и духом³⁵. Ему предстояло "окончить" революцию, сохранив "неприкословенными права короны и целостность монархии"³⁶.

Предметом особой гордости издателей "Северной пчелы" было то обстоятельство, что "душители" революции, это "самые верные слуги своего государя, защитники правды, чести, прав божеских и человеческих, австрийские генералы: граф Радецкий, князь Виндишгрец, кroatский бан ... Иеллаич – нашей славянской крови"³⁷. Газета напечатала литографированные портреты этих полководцев и идиллические очерки об их жизни и воинской доблести. Особенно повезло в этом смысле бану Елаичу, ибо "Северная пчела" представила подробную хронику его политической деятельности и военных подвигов, несколько раз помещала его биографию. "Едва среднего роста, но крепкого телосложения. Высокое обнаженное чело, темные, проницательные, часто сверкающие глаза, важно-радужное выражение лица с меланхолическим оттенком около рта, таковы отличительные черты его наружности"³⁸. Барон Елаич представлен на страницах газеты человеком утонченной образованности, владеющим несколькими европейскими языками, поклонником муз (любил патристические серенады в свою честь). Он кроток, добр, любим солдатами и народом. "По благородству мыслей, по рыцарской честности, по истинной любви к отечеству ... принадлежит к числу тех лучших людей своего времени, которым предстоит великое будущее"³⁹.

Естественно, что в газете подробно освещался поход русских войск в Венгрию, посланных Николаем I на подавление венгерской революции, помещались сводки военных действий, рапорты и реляции командующих войсками: Подчеркивая верность славян законному императору, "Северная пчела" представляла вождей венгерской революции кучкой мятежников и заговорщиков, обосновывая тем самым справедливость действий "добротного русского воинства": "Нынешняя война, в полном смысле священная, предпринятая за святость веры христовой, попираемой безоожниками, для охранения человечества от развратного ... учения лжемудрецов, война для избавления народов от уничижения и разорения, причинляемых буйством честолюбцев и бесстыдных разбойников"⁴⁰.

Материалы "Северной пчелы" воссоздавали подробнейшую хронику революции во всех славянских землях, описанных буквально по дням. Долгое время в нашей историографии смотрели на события в Европе и в славянских землях глазами радикальной части общества. "Северная пчела" давала возможность взглянуть на них с позиций представителей консервативного лагеря, что делало картину революции более объемной и многогранной. Кстати, здесь получили освещение некоторые сюжеты, обычно игнорировавшиеся марксистской исторической наукой. Например, сообщалось о заговоре монархистов в Праге, в котором участвовали "герцог богемский" Фастер, барон Виллани, граф Буква и др. "претенденты" на чешский престол⁴¹. Подробно освещалось бегство венгерских и польских повстанцев в Турцию, их интернирование в крепости Виддин, переход многих из них в ислам⁴².

Таким образом, изучение славистических материалов "Северной пчелы" позволило во многом дополнить сложившиеся в нашей историографии представления о фоне, на котором развивалась университетская славистика в 40-е годы XIX в., узнать об интерпретации проблем истории славян этим умеренно западническим органом официальной народности.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. История русской журналистики XVIII-XIX веков. М., 1973. С.159.

2. "Северная пчела" (далее СП). № 276 от 7.XII.1845.
С.1003.

3. СП. № 228 от 9.X.1847. С.911.

4. СП. № 172 от 2.III.1846. С.687.

5. С.С.Уваров писал в циркуляре от 29 мая 1847 г.:

"Итак, независимо от общего славянства, в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях, - мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства. Вот искомое начало народное и не славяно-русское, а чисто русское, непоколебимое в своем основании - собственно наша народность" //
Русский архив. 1892. № 7. С.349.

6. СП. № 280 от II.XII.1847. С.1117.

7. СП. № 222 от 30.IX.1844. С.885.

8. Там же. С.886.

9. Надеждин Н.И. Письмо к издателям // СП. № 77 от 7.IV.1842. С.306-304; № 78 от 8.IV. 1842. С.310-311.

10. С. Иоанн Рильский и его македонская обитель // СП. № 6 от 10.I.1849. С.23-24.

11. Строев С.М. Письмо к В.В.Ганке в Прагу. СПб., 6/18 февраля 1840 // СП. № 41 от 20.II.1840. С.161-162.

12. Вельтман А.Ф. Несколько слов об отзывах о Ратиборе Холмогорском, помещенных в "Библиотеке для чтения" и "Отечественных записках" за сентябрь месяц // СП. № 212 от 24.IX.1841. С.846-847.

13. Турунов Я.Н. Письма из Москвы // СП. № 150 от 9.III.1841. С.599 (19 июня 1841 г.).

14. СП. № 36 от 14.II.1842. С.144.

15. СП. № 7 от 10.I.1847. С.25.

16. СП. № 267, 268, 269, 270 за ноябрь 1840 г.

17. СП. № 269 от 27.XI.1840. С.1076.

18. Посещение Черногории. Из письма австрийского путешественника // СП. № 78 от 6.IV.1840. С.312; О книге А.Попова "Путешествие в Черногорию" // СП. № 104 от 10.V.1847. С.414-415.

19. Морлаки // СП. № 95 от 1.V.1843. С.378-380.

20. Русины и поляки в Галиции // СП. № 198 от 4.IX. 1848. С.790-792. Здесь опубликован манифест главного русинского собрания во Львове от 31 июня 1848 г.

21. Шерегане или красные плащи войска Бана кроанско-го // СП. № 167 от 29.III.1849. С.665.

22. Сарепта, поселение братьев евангелической церкви // СП. № 42, 43, 44, 46, 48 за февраль-март 1848 г.

23. А. О Реймском евангелии // СП. № 28 от 5.II.1840. С.111-112;

24. Надеждин Н.И. Письмо к издателям (О кн.: Несколько слов о том, пишут ли сербы буквами своего изобретения? Д.Тироля и "Болгарские книжники, или какому славянскому племени принадлежит кирилловская азбука?" В.Априлова) // СП. № 77 от 7.IV. 1842. С.306-307.

25. СП. № 6 от 10.I.1849. С.24.

26. СП. № 165 от 26.УЛ.1841. С.658-659.
27. СП. № 210 от 22.ИХ.1841 и № 143 от 30.УЛ.1843.
28. СП. № 22 от 28.І.1842. С.86.
29. СП. № 67 от 26.ІІІ.1843. С.266.
30. СП. № 98 от 5.У.1849. С.391.
31. СП. № 10 от 14.І.1848. С.37-38.
32. СП. № 107 от 13.У.1848.
33. СП. № 57 от 12.ІІІ.1848. С.225.
34. СП. № 269 от 29.ХІІ.1848. С.1076.
35. СП. № 277 от 9.ХІ.1848. С.1108.
36. СП. № 272 от 2.ХІІ.1848. С.1088.
37. СП. № 268 от 27.ХІ.1848. С.1071.
38. СП. № 286 от 20.ХІІ.1848. С.1144.
39. Там же.
40. СП. № 100 от 7.У.1849. С.399.
41. СП. № 143 от 30.УЛ.1848. С.571-572.
42. СП. № 230 от 17.Х.1849. С.911.

Е.П.АКСЕНОВА

**В.И.ПОКРОВСКИЙ "РАССКАЗЫ ИЗ ИСТОРИИ ПОСЛЕДНЕГО
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ (1816-1866)"**

На страницах русских демократических изданий прошлого века встречаются имена исследователей славянства, не известных или мало известных в истории науки (С.С.Шашков, С.С.Окрейц, В.Н.Исполатов и др.). В ряду таких почти не замеченных историографий фитур можно назвать В.И.Покровского.

Биографические сведения о Василии Ивановиче Покровском весьма скучны. Он родился в 1838 г., происходил из среды духовенства, в 1859 г. окончил Московский университет, затем преподавал историю и статистику в средних учебных заведениях Москвы. Есть данные о его принадлежности к ишутинской организации; в 1866 г. по каракозовскому делу он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, затем выслан под надзор полиции в Тверскую губернию. Там он с 1871 по 1893 г. руководил земской статистикой; при его участии составлено более 20 томов трудов по изучению Тверской губернии¹. В 1878 г. Покровский вместе с И.И.Петрункевичем и А.П.Апостоловым основал газету "Тверской вестник", в которой помещал и свои статьи². Дальнейшая судьба Покровского (в петербургский период) также связана

со статистикой. В 1902 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук. Умер Покровский в 1915 г. В 1890 - 1900-х годах он считался земским интеллигентом-либералом и именно "либеральная" его позиция в статистических исследованиях вызвала резкую критику со стороны В.И.Ленина, особенно за оперирование "средними" цифрами³. В 1870-х годах Покровский был близок к революционным народникам. В это время он активно печатался в демократическом журнале "Отечественные записки" (под инициалами "В.П." или с полной подписью).

С 1868 по 1871 г. на страницах журнала публиковалась большая работа монографического плана, которую Покровский озаглавил "Рассказы из истории последнего пятидесятилетия". Слово "рассказы" в названии автор употребляет либо из скромности, ставя перед собой задачу осветить не все, а наиболее важные исторические вехи первой половины XIX в., либо в качестве журналистского приема, обозначая таким образом популярный характер своего объемистого труда. В нем нашли отражение события, имевшие место почти во всех европейских странах и даже за пределами Европы. Хронологически этот обобщающий труд должен был охватить период с 1816 по 1866 г., т.е. со времени после Венского конгресса и до событий, современниками которых были автор и читатели. Пятидесятилетнюю историю Покровский разделил на три периода, следуя вполне очевидной логике, если учитывать близость автора к революционному движению: первый период - 1816-1830 гг., второй - 1830-1848 гг., третий - 1848-1866 гг. Значительная часть работы посвящена славянским и балканским народам.

"Рассказы" начинаются введением, изображающим состояние Европы после Венского конгресса, как всеобщее ожидание народами существенных перемен во внутренней политике своих государств. На конгрессе, напоминает Покровский, государи "обещали даровать своим подданным правильное государственное устройство или конституцию, как бы в благодарность за их услуги"⁴. Изложением дальнейших событий автор показал, как "выполнялись" эти обещания.

Отличительной чертой "Рассказов" является весьма лаконичная, но емкая оценка исторических событий и явлений. Буквально в нескольких словах характеризует Покровский экономическое и политическое положение Австрийской империи, в состав которой входили и славянские народы (она была постоянным аналогом Российской империи в легальной демократической печати): "Торговля и промышленность ни в одном западноевропейском государстве не находились в таком неразвитом состоянии, как в Австрии. Для уничтожения обязательных отношений между землевладельцами и крестьянами ничего не было сделано... В политической жизни страны обнаруживался полнейший застой". Сословные представительные собрания "потеряли всякое значение и обратились в пустую формальность". Произвол правительства ощущался и в Венгрии, которая была, по меткому определению автора, "своего рода *memento mori*" ⁵ "для Австрии".

Следуя традиции демократической печати, Покровский обращал внимание прежде всего на революционную борьбу народов за свое освобождение, на сопротивление монархическим режимам. Ярким событием первого выделенного им из полуверковой истории периода было восстание в Греции, начавшееся в 1821 г. ⁶ Автор отметил, что хотя не удалось поднять общее движение всех христиан Османской империи и не оправдались расчеты на поддержку со стороны Александра I, греческое восстание успешно развивалось: греки добились составления конституции, сформирования правительства, избрания президента. Вместе с тем, как моменты, тормозившие движение, он называл разногласия в греческом вопросе между великими державами и несогласованность позиций греческих политических партий, что привело в результате к неестественному решению национально-освободительных задач Греции: она получила независимость, но территория ее была урезана, а в качестве формы правления определена наследственная монархия.

Объективно излагая исторические факты и почти не высказывая собственного мнения (ибо его вряд ли пропустила цензура), Покровский сумел и намеками выразить свое отно-

шение к исторической значимости события. Так, например, говоря о неудовлетворенности греков конституцией 1843 г., провозглашавшей представительное правление, в то время, как они "мечтали о восстановлении своей страны", он тем самым показывал, что целостность и единство территории и нации были для греков в тот момент важнее, чем формы политической организации.

Покровский не прошел мимо русско-турецкой войны 1828 г., отметив успехи русских войск и заключение выгодного для России и Дунайских княжеств Адрианопольского мира, в результате которого последние приобрели почти полную самостоятельность и "пожизненных господарей"⁷.

Традиционно в демократической печати большое внимание уделялось польскому вопросу. И "Рассказы" Покровского здесь не исключение. На первый взгляд может показаться, что автор восхваляет действия Александра I, дарованную им Польше в 1815 г. конституцию. Но это не так. Подробно останавливаясь на положительных сторонах конституции (которой так и не получила Россия), Покровский в то же время продемонстрировал, как сводятся на нет все достижения, провозглашенные конституцией, отсутствием в ней самого основного положения – об отмене крепостного права, без чего невозможно и "истинное представительное правление", что, по его мнению, наносило удар не политике, а экономике страны. Автор обращал внимание на контраст между развитием капиталистических форм производства в промышленности и прежней рутиной в сельском хозяйстве, поскольку крестьяне оставались в полной зависимости от помещиков. Тех немногих землевладельцев, которые, видя в подобном положении тормоз дальнейшему экономическому развитию, освобождали своих крестьян с землей, автор называл "светлыми личностями".

Верхнюю временную границу первого периода Покровский обозначил 1830 г. – годом французской революции и польского восстания. Автор заметил, что те, кто управляли Польшей, "не соответствовали своему назначению", нарушая почти все статьи конституции, существовавшей при этом "больше на

бумаге, чем на деле". В царствование Николая I правительственный нажим на Польшу усилился, вызвав недовольство поляков. Назревало восстание. Перечислив основные программные положения аристократической и демократической партий, Покровский отметил отсутствие единодушия у них, рассказал о оправданности расчета поляков на помощь Запада. В незаинтересованности основной массы населения - крестьян - в задачах восстания автор увидел важнейшую причину поражения восстания. Так, он обратил внимание на то, что демократическая партия хотела привлечь крестьян к делу восстания и требовала от сейма их освобождения, но "дворяне, не жалая поступиться своими материальными выгодами, не соглашались на такую реформу". Автор был убежден, что политические преобразования должны быть подготовлены объективным ходом экономического развития и считал "фанатиками" тех, кто предполагал "при помощи толпы молодых офицеров и студентов", без участия народных масс, "совершить полный политический переворот"; он знал (из опыта не только польских, но и русских революционеров), что подобные попытки приносят только вред народу. Покровский перечислил тяжелые последствия подавления восстания в Польше и как одно из них - усиление русификации. Реакционные начала в международной политике царизма он обозначил одним точным штрихом, сказав, что в европейских делах Россия после 1830 г. "приобрела более влиятельный голос".

Таким образом, в первом из обозначенных им периодов в многообразии реалий, влиявших на исторический процесс, Покровский выделил два наиболее характерных фактора: бесправное положение народных масс и национально-освободительное движение.

Излагая события второго периода, 1830-1848 гг., автор "Рассказов" показал нарастание освободительных тенденций, особенно усиление национальных устремлений у венгров, итальянцев, поляков Австрийской империи. "Но (австрийское. - Е.А.) правительство, - писал он, - имело много твердости и силы воли, чтобы восторжествовать над сепаратистами", т.е. проводя излюбленную политику "разделяй и

властвой", справляясь с разрозненными выступлениями⁸.

Покровский смело употреблял слова "восстание" и "революция", а не заменявшие их зачастую в подцензурной печати "бунт", "мятеж". Напомнив о событиях 1846 г. в Кракове, восстании галицийских крестьян, волнениях в Познани, он писал: "Все эти революционные движения скоро были подавлены. Мерославский и его приверженцы были арестованы, галицкие крестьяне - усмирены, а Краков занят войсками России, Австрии и Пруссии и присоединен к Австрийской империи". При этом он отметил усиление реакционной сущности русского самодержавия, не желавшего дать "доступа в восточную Европу революционным стремлениям Запада"⁹, и видимо, высказывался достаточно откровенно, так как именно эти главы "Рассказов" вызвали особое недовольство цензуры, и потребовалось делать перенабор пяти листов текста¹⁰.

Последний, третий, период Покровский начал с революций 1848 г. в Европе. С только что приведенной характеристикой политики царизма перекликалась оценка автором предреволюционной позиции австрийского правительства, с давних пор стремившегося "заградить все пути, которыми либеральные идеи могли проникнуть в Австрию". Однако, по заключению сочинителя "Рассказов" "есть умственные течения, которых ничем не остановишь". Идеи французской революции попали здесь на добрую почву, но они могли не привести к революции, если бы были проведены своевременные реформы в империи и населяющие ее народы могли бы соединиться "в братском союзе": "Основу же этому братству может положить только полноправность каждой национальности и конституционная система... Чиновники и солдаты не могут поддержать братства и единения"¹¹. Покровский не отрицал прогрессивности буржуазных реформ и обеспечения гражданских прав и свобод, и относясь в целом положительно к законодательным актам 1848 г., вызванным к жизни революцией, вместе с тем оговаривался, что "дарованная правительством конституция" содержала существенные ограничения прав граждан¹².

Обратившись к вопросу о социальном составе участников революционного движения в Австрийской империи, Покровский

увидел, что и рабочие заявили "свои права на участие в политической жизни страны... и на экономическую независимость"¹³, а говоря о подъеме национально-освободительного движения в славянских областях, он заинтересовался планами создания "федерации всех, или, по крайней мере, австрийских славян". Оценивая в этой связи значение славянского съезда в Праге, Покровский писал: "Важных непосредственных результатов съезд не имел, но он дал новый и сильный толчок стремлению славянских племен составить самостоятельную федерацию". Затронув такое событие как июньское восстание в Праге и особенно подавление его войсками Виндишгреца, автор заклеймил последнего как "врага демократии"¹⁴.

Будучи близок к народникам, Покровский особое внимание уделил положению крестьян Австрийской империи и заключил, что оно мало изменилось со времени отмены личного крепостного права; крестьяне оставались в зависимости от производла помещика, они были бесправны и беззащитны. "Крестьяне богемские, моравские и галицийские лишены были даже права приобретать землю в собственность, - писал Покровский. - В самом жалком положении находились крестьяне... венгерские, славянские и валахские, населявшие Венгрию и Трансильванию". Крестьянские волнения вынудили правительство пойти на замену "феодальных натуральных повинностей ... денежными сборами", а затем принять новый аграрный закон об освобождении крестьян с землей за выкуп¹⁵.

Большой интерес автора "Рассказов" вызвали революционные события в Венгрии¹⁶. Он рассмотрел позицию венгерской национальной партии, стараясь при этом объективно и разносторонне охарактеризовать ее лидера - Л. Кошуту, как "красноречивейшего и искуснейшего агитатора", европейски образованного, талантливого, популярного человека, у которого, однако, "чувство преобладало над рассудком", и он оставался "истым мадьяром, гордым своею нацией до пренебрежения к другим". Именно эта последняя черта, по мнению Покровского, помешала Кошуту в то время, когда австрийское правительство опасалось влияния Венгрии на другие народы, привлечь на свою сторону славян для совместной борьбы против

Габсбургской монархии¹⁷.

Довольно подробно описал Покровский все этапы борьбы венгров против австрийского абсолютизма, военные действия, их удач и просчеты, а также ответные действия контрреволюции. Участие русских войск в подавлении венгерской революции он назвал "вмешательством", показав тем самым свое отношение к этому факту¹⁸. Обращает на себя внимание отсутствие (возможно, по цензурным соображениям) сведений о демократическом крыле революционной организации; не очень реельно показана славяно-венгерская рознь.

На этих событиях рубежа второго и третьего периодов обрываются "Рассказы". По времени это совпадает с началом активной деятельности Покровского на поприще земской статистики в Твери (но могли быть и другие причины). Работа, к сожалению, осталась незавершенной. "Рассказы" Покровского написаны в период некоторого спада революционной активности в России. Публикация в легальной печати требовала сдержанности от сильного автора. Это, безусловно, сказалось на характере работы, выдержанной в научно-объективном тоне, без излишней публицистичности и резкости оценок. Хронологический подход к изложению, как бы "вертикальный срез", позволил автору проследить во времени динамику событий в одной стране и во всей Европе. Организация материала по странам внутри каждого периода – "горизонтальный срез" – дала возможность сопоставить процессы, происходившие одновременно в разных странах. Вполне понятно и оправдано желание автора в популярной форме изложив важнейшие исторические события первой половины XIX в., еще раз, в новых условиях, обратить внимание русского общества, особенно демократических его кругов, на национально-освободительную борьбу народов, на активные революционные, вооруженные методы борьбы, на стремление к национальной независимости и социальной справедливости.

Позиция Покровского в отношении славянских и балканских народов и их истории позволяет отнести рассмотренные главы "Рассказов" к демократическому направлению историографии славяноведения и балканстики, без которого пред-

ставление об изучении этой области науки в России было бы не полным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- I. Покровский В.И. (сост.): I) О ценности и доходности земель Тверской губернии. Тверь, 1875; 2) Очерки Тверской губернии. (М.), 1875; 3) Историко-статистическое описание Тверской губернии. Т. I-2. Тверь, 1879-1880; 4) Статистические таблицы Тверской губернии. Тверь, 1880 и другие работы.
2. Пицумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 72, II4.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 24. С. 195-196
4. Отечественные записки, 1868. № 5. С. 232.
5. Там же. С. 236-237.
6. Там же. № 8. С. 571-590.
7. Там же. С. 588-590.
8. Там же. № 10. С. 505-529.
9. Там же. 1869. № 7. С. 124-125.
10. Боград В.Э. Журнал "Отечественные записки" (1868-1884). Указатель содержания. М., 1971. С. 386.
- II. Отечественные записки. 1870. № 9. С. 60-62.
12. Там же. С. 88-89.
13. Там же. С. 64.
14. Там же. С. 88-89, 91.
15. Там же. С. 88, 92-95.
16. Там же. 1871. № 6. С. 403-416.
17. Там же. С. 404-406; 1870. № 9. С. 60.
18. Там же. 1871. № 6. С. 407-414.

Н.Т. САПРОНОВА

ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА И РОССИИ

В ОСВЕЩЕНИИ ВАС.И.НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Василий Иванович Немирович-Данченко - крупный русский писатель, журналист, путешественник, этнограф - родился 23 декабря 1844 г. в Тифлисе¹. Учился в кадетском корпусе в Бресте и Петербургском университете. Он рано начал писать и за свою продолжительную жизнь (умер 18 сентября 1936 г., в эмиграции, в Праге) создал десятки романов, повестей, рассказов, сюжеты для которых нередко черпал из болгарской истории. Был участником четырех войн - сербско-турецкой 1876 г., русско-турецкой 1877-1878 гг., русско-японской и первой мировой.

Во время русско-турецкой войны Вас.И. Немирович-Данченко был военным корреспондентом, участвовал в боевых действиях вместе с генералом М.Д.Скобелевым прошел путь до Адрианополя. Имея специальное военное образование, он с большим знанием дела вел дневник, посыпал корреспонденции в газеты "Наш век" и "Новое время".

В его собрании сочинений дневник корреспондента "С вооруженным народом", а также книга "Скобелев" занимают почетное место. События в Болгарии стали сюжетом для таких романов как "Вперед", "Троза", "В степи", "Боевая страда", повести "В огне", очерков и рассказов "За Дунаем".

О Вас.И. Немировиче-Данченко в советской критической литературе и историографии работ практически не существует. Лишь в наши дни мы ощущали этот громадный пробел, связанный с почти полным незнанием культуры российской эмиграции.

В дореволюционной литературе специальных солидных исследований также не обнаружено. Но были написаны тогда критические статьи, заметки, отклики на произведения, есть биографический очерк П.В.Быкова, которым открывался первый том нового собрания сочинений Вас.И.Немировича-Данченко в 1916 г.² Несмотря на значительный объем и серьезность поставленной задачи – дать развернутый анализ творчества писателя, очерк отличался небрежностью изложения, обилием фактических ошибок, отсутствием глубокой критики произведений писателя.

О Вас.И.Немировиче-Данченко писал известный литературный критик Н.К.Михайловский, детально проанализировав его романы о русско-турецкой войне³. К сожалению, Н.К.Михайловский необоснованно, с нашей точки зрения, остро критиковал отдельные психологические детали характеров литературных героев, не увидев главного – духа и героизма народа, отстаивавшего право на независимость. Можно сослаться на отдельные высказывания и замечания В.В.Чуйко, В.И.Русакова, А.В.Кауфмана⁴, других журналистов и деятелей культуры, отметив, что лишь один В.Апушкин попытался оценить

значение корреспонденций Немировича-Данченко для изучения истории русско-турецкой войны 1877-1878 гг.⁵

Основными источниками для заявленной темы явились произведения Вас.И.Немировича-Данченко и в первую очередь его дневник, а также книга "Скобелев" и художественные произведения, посвященные русско-турецкой войне.

Нельзя специально не отметить, что в наши дни возникли благоприятные условия для исследования творческой деятельности Вас.И.Немировича-Данченко, в том числе и его вклада в изучение истории и культуры Болгарии. Расширен фонд писателя в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве. Многие дела этого фонда, имевшие ограничение в доступе, теперь выдаются специалистам.

Фонд Вас.И.Немировича-Данченко является собой богатейшее собрание уникальных документов. Особую ценность представляет эпистолярное наследие Вас.Ивановича и его корреспондентов. Интересны письма Владимира Ивановича Немировича-Данченко, его брата, выдающегося режиссера, его жены, письма В.А.Верещагина, З.Н.Гиппиус, Д.Н.Мамина-Сибиряка, Ф.И.Шаляпина, президента Чехословакии Э.Бенеша⁶.

Очень ценные материалы юбилейных торжеств в связи с 80-летием, а затем и 90-летием писателя и журналиста, свидетельствующие о большом авторитете писателя, интересе к его творениям в интеллектуальном мире славянских стран и прежде всего Болгарии⁷. В архиве находятся буквально десятки теплых писем с искренней признательностью за подвиг писателя в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Нельзя не отметить значимости периодической печати, особенно эмигрантских газет, доступ к которым был открыт в последнее время. В ряде из них активно печатался Василий Иванович. Кроме того, до эмиграции он публиковался и в некоторых изданиях Советской России, в частности, в "Вестнике литературы"⁸.

Наконец, имеется обильная мемуарная литература, специальная или общего характера, где содержится анализ военных событий 1877-1878 гг. Известный интерес представ-

ляют воспоминания Мазюковича, Милотина, Паренсова, Куропаткина и др.¹⁰

Таким образом, обширная документальная база и прежде всего архив писателя, его опубликованные труды, а также многочисленные материалы по истории русско-турецкой войны позволяют достаточно подробно познакомиться с концепцией освобождения Болгарии от турецкого ига и роли России в его осуществлении, которую сформулировал Вас.И.Немирович-Данченко.

В данной статье рассматриваются только основные моменты трактовки писателем русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Участник боевых действий, Вас.И., отразил свое понимание роли корреспондента в освещении хода военных событий и других проблем прежде всего в труде "Год войны", неизменно подчеркивая необходимость соблюдения при этом объективности и правдивости. Он считал, что 50 военных журналистов, среди которых были такие видные писатели как В.Гаршин, В.Крестовский, - это маленькая армия, являющаяся связующим звеном между большой действующей армией и миллионной читательской аудиторией всего образованного мира¹¹.

Вас.И.Немирович-Данченко по достоинству оценивал вклад военных корреспондентов из стран Западной Европы. Особенно он подчеркнул роль Мак-Гахана в формировании общественного мнения в пользу болгарских повстанцев после поражения априльского восстания 1876 г. и осознания необходимости ликвидации турецкого ига¹².

В рукописном фонде и опубликованных трудах российского писателя широкое отражение нашли основные события русско-турецкой войны, а именно форсирование Дуная и начало военных действий, бои на Шипке, сражения за Плевну, переход через Балканы и взятие Адрианополя, содержится оценка характера, итогов войны и ее последствий для судеб болгарского народа.

При характеристике начала военных действий обращает на себя внимание заостренный критический анализ недостаточной подготовленности русской армии для решения сложных стратегических задач, за что писатель возлагал главную ви-

ну на ее армейское командование и интендантскую службу, из-за плохой работы которой был почти сразу израсходован неприкосновенный запас питания¹³.

Вследствие бездорожья, тоже неучтенного командованием, армия с опозданием подошла к Дунаю, когда уже начался разлив реки. Поэтому форсирование такой мощной водной преграды пришлось осуществлять в исключительно сложных условиях. В советской историографии, за исключением работы П.К.Фортунатова¹⁴, как правило, подчеркивался лишь героизм солдат и офицеров. Безусловно, переправа через Дунай – это подвиг, но очень дорого оплаченный. Следует отметить ценность фактических сведений относительно использования новейших инженерных средств, сообщенных Вас.И.Немировичем-Данченко.

Особое место в трудах писателя занимает характеристика боев за Шипку, ставших символом мужества солдат и офицеров России и болгарского ополчения. Этому событию посвящены многие страницы книги "Дневник корреспондента" и такие труды как "Летом и зимой на Шипке", "Богдан Шипкин", "Вперед", "Гроза" и др.

Обращает на себя внимание характеристика полководческих способностей крупных военачальников Турции, особенно Сулеймана-паши. Одним из преимуществ турецкой армии писатель считал широкое использование хорошо обученной кавалерии и мощной артиллерии, в основном горной. В то же время он многократно подчеркивал применение турецкими войсками жестоких форм пресечения возможной помощи русской армии со стороны местного населения. Это и полное сожжение целых деревень, и поголовное истребление населения, когда лишались жизни даже малолетние дети¹⁵. Несмотря на смертельную опасность болгары из ближайших к Шипке деревень доставляли воду прямо на позиции, выполняли роль санитаров, ухаживали за ранеными воинами¹⁶. Писатель отмечал безграничное мужество защитников Шипки, болгарских ополченцев и солдат Орловского полка, которые поклялись лечь костьюми, но не отдать перевала¹⁷.

Нельзя не согласиться с выводами Вас.И.Немировича-Данченко, изучившего бои за Шипку. Он отметил прежде всего их

огромное воздействие на моральное состояние армии, считал, что успешная оборона Шипки предотвратила вступление армии противника в Северную Болгарию, облегчив блокаду Плевны и ускорив общее наступление русской армии.

Наиболее драматическому событию войны, осаде Плевны, посвящено несколько специальных исследований. Среди них - "Боевая страда", "Скобелев", "От Плевны до Шипки".

Писатель проанализировал три штурма Плевны. При этом он особо выделил третий, в осуществлении которого активное участие принимал один из самых талантливых русских генералов М.Д.Скобелев. Его отряд действовал на левом фланге, и он значительно потеснил турок. Описание событий, связанных с действиями скобелевского отряда, содержится в романе "Боевая страда" в главе "Ад" и произведении "Скобелев"¹⁸. К сожалению, из-за отсутствия поддержки скобелевцам пришлось оставить занятые позиции и понести значительные потери. В поисках причин неудачного маневра отряда Скобелева, писатель увидел их в отсутствии помощи резервных войск, ибо главнокомандующий отказал генералу в подкреплении.

Но талант Скобелева блестяще раскрылся в осуществлении перехода через Балканы. Он командовал правой колонной войск, которая шла через Имитлийский перевал, двигаясь по тропе над пропастью, в зимних условиях считавшейся непроходимой.

Через всю жизнь писатель пронес чувство глубокого уважения к генералу, высоко ценил его военный талант, несмотря на постигшую Скобелева неудачу под Плевной. И когдаульварная пресса в связи с его загадочной смертью сочиняла грязные небылицы, Василий Иванович по-прежнему отстаивал свою оценку воинской доблести полководца.

Стремительно развивалось наступление русских армий на Грианополь. По свидетельству Вас.И.Немировича-Данченко русские захватили огромные обозы продовольствия и боеприпасов и торжественно вступили в город¹⁹.

19 января 1878 г. было подписано соглашение о перемирии. В трудах писателя содержится и оценка Сан-Стефанского

мира и последовавших затем решений Берлинского конгресса, причем, на наш взгляд, автор несправедливо одинаково критически подходил к их сути, т.е. практически ставил знак равенства между ними. Основную причину капитуляции России перед натиском крупных европейских государств он видел в слабости позиций Российской империи на международной арене. Он писал: "Смертельный удар соединенному славянству нанесла Россия, угодливо забежавшая навстречу жадной, но слабой Вене. Повторилось роковое преступление 1848 г., когда Нессельроде спас Австрию"²⁰. Известно, что западноевропейской дипломатии не удалось полностью зачеркнуть положительные результаты русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и в 1885 г. произошло воссоединение Северной Болгарии и Восточной Румелии, вопреки решениям Берлинского конгресса.

Немало интересного материала о послевоенном положении Болгарии есть в книге Вас.И.Немировича-Данченко "После войны"²¹. Обращает на себя внимание высокая оценка им Тырновской конституции, обеспечившей многопартийность и буржуазно-демократические свободы, а также условия для значительного подъема народного образования. Вот какую образную и чрезвычайно современную характеристику многопартийности можно найти в этой книге: "В борьбе партий крайние поглощаются средними и придают только силу организму, заставляют живее обращаться кровь в его жилах, вызывают мозговую работу"²².

Вас.И.Немирович-Данченко был страстным поборником единства славянских народов и создания Балканского союза. Особенно ярко его позиция по данному вопросу проявилась во время Балканских войн 1912-1913 гг., что может быть предметом специального исследования.

Итак, подводя итог, не обходимо отметить следующее:

Вас.И.Немирович-Данченко дал развернутую оценку русско-турецкой войны. Он вскрыл и серьезные неудачи армии России и ее значительные победы над турками, которые в конечном итоге привели к освобождению Болгарии. Первоначальные неудачи он объяснял недостаточностью сил, устаревшим вооружением, отсутствием быстрого реагирования на изменяю-

шущуюся ситуацию.

Особое внимание Василий Иванович уделял анализу боев за Шипку и Плевну, отметив героизм солдат и офицеров России и болгарского ополчения в этих сражениях. Детально проанализировал трехкратный штурм Плевны, роль генерала Скобелева и место операции в дальнейшем ходе военных действий.

Писатель отметил стремительное наступление русских войск от Казанлыка до Адрианополя, особо выделил героизм как русской армии, так и болгарского ополчения в достижении общей победы. Он подчеркнул значительную роль боевого содружества славянских народов в ходе войны.

Будучи подлинным гуманистом Василий Иванович считал войну "адским безумием человечества". Однако русско-турецкую кампанию 1877-1878 гг. рассматривал как объективно необходимую для освобождения славянских народов от османского ига. Вместе с тем положение военного корреспондента не позволило ему показать различие позиции широкой общественности России и целой ее правящих кругов.

Изучение книги "После войны" позволило обнаружить положительную авторскую оценку последствий освобождения Болгарии - утверждения конституционного режима, многопартийности, значительных шагов в развитии народного образования.

Наша историческая наука делает первые шаги в исследовании огромного наследия деятелей культуры первой волны российской эмиграции. Представляется, что его осмысление и объективная оценка будет способствовать ликвидации еще одного громадного белого пятна как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГАЛИ СССР. Ф.355. Оп.2. Д.264.Л.1.
2. Немирович-Данченко Вас.И. Новое собр. соч. П., 1916. Кн. I.
3. Михайловский Н.К. Полн.собр.соch. Спб., 1909-1913. Т.4. С.666-684.
4. Чуйко В.В. Роман Немировича-Данченко "Гроза". Особенности таланта г. Немировича-Данченко // Новости. 1879. № 31. С.1-2; Русаков (Либрович С.Ф.) Глеб Успенский и Вас.И. Немирович-Данченко. (Критическая параллель) // Новь.

1891. № 6. С.73-76; Кауфман А.В. Вас.И.Немирович-Данченко
 // Солнце России. 1914. № 14. С.3-7.
 5. Апухшин В.А. Война 1877-1878 гг. в корреспонденциях и романе // Военный сборник. 1903. № 4.
 6. ЦГАЛИ СССР. Ф.355. Оп.2. Д.124, 134, 141, 147, 149,
 154, 161, 177, 184. 212. 250.
 7. Там же. Д.291, 309, 318.
 8. Вестник литературы. 1921. № 3. С.9-10.
 9. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. I-97. СПб., 1898-1911.
 10. Мазюкович М. Воспоминания... СПб., 1900; Милютин Д.А. Мой дневник. М., 1947. Т.2; Паренсов П.Д. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877-1878 гг. СПб., 1885. Ч.1-2.
 11. Немирович-Данченко Вас.И. Год войны. СПб., 1879. Т.3. С.25.
 12. Там же. С вооруженным народом. СПб., 1913. С.209-210.
 13. Там же. Год войны. СПб., 1879. С.3.
 14. Фортунатов И.К. Война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С.75.
 15. Немирович-Данченко Вас.И. Летом и зимой на Шипке 1877-1878 гг. СПб. 1890. С.5.
 16. Там же. С.58.
 17. Там же. С.27.
 18. Немирович-Данченко Вас.И. Боевая страда. СПб., 1890.
 19. Там же. Скобелев. СПб., 1903. Ч.II. С.53.
 20. Там же. С вооруженным народом. СПб., 1913. С.7.
 21. Немирович-Данченко Вас.И. После войны. СПб., 1880.
 22. Там же. С.6.

В.И.ФРЕЙДЗОН

СТАТЬИ СТЕПАНА РАДИЧА В ЖУРНАЛЕ "СЛАВЯНСКИЙ ВЕК" (1901 г.)

Журнал "Славянский век" выходил в Вене на русском языке в 1900-1904 гг. под редакцией Дм.Вергуна, представителя С.-Петербургского телеграфного агентства. Целью учредителей журнала было - наряду со всесторонним усилением российского влияния в славянской среде Австро-Венгрии - воздействовать на славян монархии с целью сличения их против национального неравноправия, а также германской экспансии. Учитывались и непосредственные интересы славянских предпринимателей и купечества. Редакция прокламировала "панславизм" или, иначе, "славянский национализм",

исходя из общности интересов всех славянских наций. При этом действуя в условиях парламентаризма (хотя и ограниченного) и стремясь расширить круг читателей, редакция поощряла дискуссии в рамках общего направления журнала. В публицистике "Славянского века" ощущалась предгрозовая обстановка в Европе, политическая и социальная нервозность, близящаяся катастрофа¹.

Степан Радич, будущий идеолог, основатель и лидер Хорватской крестьянской партии (ХКП), выступил в журнале с серией статей "Второй период славянского возрождения", которой была предпослана его статья "Что такое Европа"², а также с несколькими корреспонденциями о ситуации в Хорватии. В статьях он рассуждал о проблемах, которые, по его мнению, должны были интересовать все славянство. Радич утверждал, что именно славяне, неполноправные народы (имелось в виду: в Австро-Венгрии и Турции) своей борьбой выдвинули на первый план вопрос о справедливости в международных отношениях в Европе на рубеже веков и что в этой борьбе они могут рассчитывать на политику тех двух держав, которые якобы не ищут территориальных приобретений – Франции и России. Последнее обстоятельство, а также общее оживление общественных движений в разных краях континента и, наконец, существование в центре Европы "громадного лагеря фанатиков" (по-видимому, речь шла о милитаристской Германии. – В.Ф.) таковы, по Радичу, условия, с которыми следует считаться славянским народам.

Для самой славянской среды, писал Радич, характерны "исчезновение призрачного политического панславизма по немецкому образцу и возникновение славизма, одновременно космополитического (имеются в виду общечеловеческие интересы. – В.Ф.) и национального, сплачивающегося для обороны (от германизма. – В.Ф.) и сторонника федерализма во всех областях человеческой деятельности"; при этом малые народы ищут свободы, "материального и нравственного прогресса". Так автор выразил свою приверженность федерализации монархии Габсбургов, как гарантии будущего славянских народов Центральной Европы. Но ему пришлось констатировать,

что "большинство в габсбургской монархии" не достигло важного: не выработало общей программы "переустройства всей империи в смысле федерализма" и не определило своего отношения к России.

Признаки "второго периода славянского возрождения" Радич видел в оживлении интереса славянских народов друг к другу, в издательской деятельности, в частности в выпуске словарей, изучении языков – русского в Словении, чешского – в Хорватии, в том, что большая часть польской прессы приветствует славянскую взаимность ("с условием равноправности всех славянских народностей").

Но при этом автор подчеркивал, что происходит духовное сплочение не "славянских племен, а славянских народов", т.е. не нескольких аморфных единиц, как это виделось в первой половине XIX в., а наций, способных, продолжал он, тем лучше понять свои задачи, "чем глубже их сознание и чем многостороннее их народная самостоятельность". Полвека назад, считал Радич, мы стремились друг к другу "как слепые", теперь же у всех имеется своя литература, наука, искусство. Так Радич подчеркивал приоритет национального, идею национального равноправия, стремясь ее сочетать со славизмом. Именно идя по этому пути, продолжал он, славянство станет "великим славным, цельным и культурным" – прообразом "здорового и счастливого человечества". Итак, хорватский публицист полагал, что для регулирования межславянских национальных отношений имелось больше возможностей, чем для решения сходных задач у других групп европейских народов. Увы, вся эта система взглядов опиралась на вымышленные основания и имела налет мессианства. Эти идеи, связанные с формированием нового славизма (неославизма), не выдержали первого серьезного испытания – аннексии Боснии и Герцеговины монархией Габсбургов, в связи с чем сам Радич, начиная с 1908 г., выступил с рядом статей, направленных против "сербской политики", а несколько позднее попытался сблизить ХКП со словенскими и австронемецкими клерикалами. Но это позднее. А пока Радич полагал, что необходимо I) сплочение западных славян –

чехов, словаков, поляков и создание "живой стены славянизма" (ясно, что против германализма); 2) "объединение всех южных славян", как он прямо заявил, против турок, венгров и итальянцев (т.е. речь шла о союзниках в национальной борьбе). Нетрудно увидеть, что Радич в политических целях абсолютизовал тенденции к сближению между славянами (замалчивая противоречия между ведущими политическими силами славянских наций), преувеличивал и их противоречия с соседними неславянскими нациями, частично однако все же угадав участников будущих конфликтов.

В славизме Радича органично звучала социальная тема, более того, она составляла его сердцевину и неразрывно увязана с национальной. Славизм Радича был пронизан социальным содержанием.

Это было время – у южных славян примерно с 80-х годов, у чехов почти на четверть века раньше – когда формирующееся буржуазное общество переживало длительный кризис, связанный со структурной модернизацией. Распад патриархального крестьянства и старого ремесла, обнищание и бурные выступления широких слоев населения, эмиграция, возникновение социал-демократических партий, а вместе с тем постепенное, но все более интенсивное, упрочение позиций национальной буржуазии (т.е. поляризация общества), – все это выдвинуло на первый план социальный вопрос (наряду с национальным и очень часто в связи с ним). Острота социальных противоречий в Центральной Европе была столь явственна, что раздавались тревожные голоса об опасности "распада всех социальных связей", распаде нации.

На это обратила серьезное внимание^и католическая церковь. В 1891 г. папа Лев XIII разослал знаменитую энциклопедию *"Rerum Novarum"* (ее столетие недавно широко отмечалось; напомню, в частности, о статье в "Известиях", связанной с появлением новой юбилейной социальной энциклопедии Иоанна Павла II – Центезимус аннус). Об этом следует сказать потому, что в Австро-Венгрии, стране в основном католической, влияние папского послания на общественную жизнь было значительным.

Братья Радичи по-своему также ставили социальные проблемы, и это нашло отражение на страницах "Славянского века". С.Радич отстаивал мысль, что славяне ввиду своих качеств более, чем другие народы, в состоянии найти выход из кризиса. Прежде всего он утверждал, что славянам присуще миролюбие: "Славянская народная политика" стремится к светлому идеалу человечества - миру без броненосцев, пушек и ... без крупной промышленности" (это - голос идеолога мелких сельских хозяев. - В.Ф.). "Западноевропейский индустрIALIZМ, опирающийся на милитаризм, не нашел себе поклонников среди славянских мыслителей" (последние ни здесь, ни в других выступлениях Радича не названы.- В.Ф.).

В связи с этим, по Радичу, славянам (славянской интелигенции) присуще "глубокое понимание народности" и стремление к справедливости, стремление разобраться в социальных проблемах. Особенность славян Радич видел в том, что народ здесь не считается "бесправной массой для фабрикантов" или "грозной машиной полководцев" или, наконец, "подножием "великанов""; "народ наш не служит средством для достижения каких бы то ни было "великих" отвлеченных целей"; народ для нас "не дикарь, не толпа, но и не кумир". "Наше стремление - "организовать экономические силы народа" (Радич не уточнял, что имеет в виду крестьянство, чтобы не оттолкнуть умеренно-либерального и консервативного читателей. - В.Ф.). В конечном счете, по Радичу, задача состоит в "проникновении в суть народной жизни", в "сближении всех слоев народа" (и устранении острых социальных противоречий), а это - путь к сближению всех народов человеческой семьи (т.е. решению национальных проблем. - В.Ф.)

"Одним словом, - заключал Радич свои размышления, - наш славянский национализм не только не идет в разрез с идеалом человечности,... но находит в нем свое оправдание". Это и имел в виду хорватский автор, упоминая славянский космополитизм, т.е. всечеловечность, совпадение интересов славянства и человечества.

Здесь должно отметить, что если речь идет о национальной проблеме – как известно, почти все славянские народы в начале ХХ в. испытывали неравноправие, их территория была раздроблена в политическом отношении – то действительно решение этих славянских задач было бы шагом вперед в развитии всей Европы, всей цивилизации. А это означает, что утверждения Радича имели определенное реальное основание – вообще, освобождение любого народа означает прогресс демократии, прогресс человечества. (Все эти наши рассуждения, разумеется, ни в коей мере не свидетельствуют об одобрении мессианских идей. – В.Ф.).

Оттеняя особенности славянства, Радич отвергал принципиальное противопоставление славян Западной Европе. Как об "отрадном явлении" в славянской среде он писал об "искреннем стремлении примирить наш славянский индивидуализм с тем, что есть лучшего общечеловеческого в западной культуре". Он, в частности, называл имена Дантон (символ демократии и патриотизма) и Монтескье (с его принципом разделения властей, как сожалел Радич, еще далеко не осуществленным). Необходимо следить за "литературным процессом" в Западной Европе, призывал Радич (по-видимому, речь идет об общественной мысли. – В.Ф.). Нельзя пренебрегать знанием Западной Европы, оно нужно всем.

Но, подчеркивал Радич, славяне должны брать у Запада полезное и противостоять наплыву с Запада "научной и социальной анархии". Итак, Радич выступал как против "западного" либерализма и милитаризма крупной буржуазии, так и против революционных идей. В особенности германскому мышлению, писал Радич, присущи "гуннские идеалы". Славянам не следует "производить" по западным рецептам "опыты над народным организмом", предостерегал будущий лидер Хорватской крестьянской партии. Кстати, эта линия – отвержение революционности и социалистических учений, как явлений специфически западных и противоречащих общеславянскому образу жизни и менталитету, – эта тенденция в публицистике Степана и его брата Антуна Радича резко усиливалась по мере нарастания революционного движения в России и особенно во

время революции 1904-1905 гг.

Несколько анекдотично в наше время звучит следующая рекомендация: "Простое заимствование (у Запада. - В.Ф.) чужих форм и рабское подражание чужим опытам сделали бы из нас вторых японцев, а эта роль вовсе не завидна". С другой стороны, - и это уже не комично - по Радичу, "слепое уклонение от умственной работы Запада привело бы нас к эпохе китайского окаменения". Нам нужен, по заключению Радича, "просвещенный патриотизм".

Что имелось в виду? "Интеллигенции необходимо, - считал он, - развить славянское понимание народности - "демократическое и социальное" и заняться "успешной малой работой", т.е. способствовать прогрессу народа во всех сферах жизни (эти идеи развивались Т.Г.Масариком - В.Ф.). Здесь Радич не упустил возможности вновь и вновь показать свое неприятие западного образа жизни: "малые дела" в Западной Европе, "несмотря на все усилия, не привели ни к каким действительным результатам только потому, что там народ выделился как "презренная чернь", тогда как славяне могут добиться успеха, поскольку "у нас разрыв между интеллигенцией и народом не сделался еще пропастью". Как видим, конструкция шаткая.

Итак, в статьях Радича содержится полемика против догм о славянской самобытности, принципиально враждебной всему западному, и вместе с тем расчет на то, что славянам удастся подправить западные народы, заимствовав у них же все лучшее, созданное ими. Таким образом, сохранилось определенное, но далеко не последовательное представление о славянстве как об особом мире, с особыми нравственными, политическими и социальными ценностями³. На практике, как вскоре выяснилось, Радич представлял интересы хорватского крестьянства, - прежде всего "зажиточного", быстро прогрессировавшего в начале XX в. слоя деревни, представлял как в национальной политике (австрославизм), так и в экономике и социальной области (ликвидация путем реформ остатков сословного неравноправия, устранение наиболее серьезных препятствий, тормозящих экономический подъем и пр.) и, наконец, в сфере морали.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробную характеристику "Славянского века", как издания, подготавливавшего неославистское движение, см.: Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. Чехи, словаки и неославизм. 1898-1914. М., 1984. С.57-63.

2. Славянский век, 1901 № 23, 25-30. Высказывания автора группируются по отдельным вопросам независимо от того, в каких выпусках журнала они опубликованы.

3. Достойно внимания, что Радич признавая цельность славянства, в начале XX в. полемизировал с известной идеей "русского моря", с противниками "развития малорусского, словацкого и словенского наречий". Интересны также его взгляды на русский язык как язык межславянского общения (вместо немецкого). Радич поддерживал эту идею, но выступал против общеславянского языка "высокой культуры".

Е.Ю.ЧЕРЫЖЕВА

РУССКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О СЕРБИИ

(Начало XX века)

В начале XX в. Сербия переживала сложный период своей истории. Все более усиливавшаяся экономическая и политическая зависимость от Австро-Венгрии на первый план выдвинула вопрос о сохранении и укреплении независимости страны. Эта историческая задача неотделима от другой, не менее важной для судьбы Сербии - необходимости интеграции в современное европейское общество, модернизации государства. Оба эти процессы шли противоречиво и драматично. Недовольство политикой последних Обреновичей, ориентировавшихся на империю Габсбургов, и сложные социально-политические изменения внутри страны привели к убийству королевской четы и государственному перевороту 1903 г. Вступление на престол Петра Карагеоргиевича ознаменовало переориентацию на союз с Россией, сопровождавшуюся активизацией русско-сербских политических, экономических и культурных контактов, что нашло отражение в русской периодической печати.

Интерес к славянским народам, возродившийся в русском обществе в начале XX в., выразился, в частности, в увеличении числа публикаций, посвященных истории и культуре этих народов. Внутриполитическая обстановка и международ-

ная ситуация России после 1905 г. способствовали возникновению "нового славянского движения", нацеленного на сближение со славянами. Однако утверждение этой идеи в русском обществе осложнялось многими обстоятельствами. Либеральная печать конца XIX - начала XX в. считала невозможным единение славянских народов в ближайшее время. Такие журналы либеральной ориентации как "Русская мысль", "Вестник Европы", либеральные газеты "Русские ведомости", "Россия", "Русское слово" связывали разработку идеи славянской общности со славянофильством, дискредитировавшим себя, как они полагали, еще в последней трети XIX в.¹, а на данном этапе являвшимся не более, чем "утраченной иллюзией"².

Однако в первые годы XX в. в прессе все чаще стали раздаваться голоса о необходимости активизировать изучение славянства и деятельность славянских обществ³. В марте 1908 г. возникло Общество славянской культуры в Москве, осенью того же года - Общество славянской взаимности в Петербурге, один из центров неославистского движения в России. В 1912 г. образовано Общество славянского научного единения. В России 1900-1914 гг. монархические издания - газета "Московские ведомости", журналы "Русский вестник", "Исторический вестник" и др. строили свою пропаганду славянской общности в основном на принципах самодержавия и православия. Славянский вопрос в его неославистской форме непременно освещался либеральными изданиями: "Речь", "Московский еженедельник", "Слово", "Новое слово" и др. В эти годы был возобновлен журнал "Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества", стоявший на позициях правых консервативных кругов, появились новые специальные журналы - "Славянский мир", "Славянство", газета "Славянин" и др. Сторонники славянского сближения в России выпускали в Вене в 1900-1904 гг. на русском языке журнал "Славянский век". Его редактор Д.Н.Вергун, публицист и поэт, придерживался панславистских взглядов на пути объединения славян. Вопросам, посвященным зарубежным славянам, уделяли внимание "Вестник Европы", "Вестник иностранной литературы" и др.

В русской периодике в рассматриваемый период регулярно помещались материалы информационного характера из славянских стран. Наиболее пристальный интерес прессы и многочисленные публикации вызвал сербский переворот 1903 г. Все центральные газеты ежедневно помещали телеграммы из Белграда и подробные отчеты об убийстве королевской четы и последних политических событиях в стране, перепечатывали зарубежную информацию на эту тему. Россия была возмущена зверством и жестокостью убийц короля Александра Обреновича и королевы Драги. Противоречивые вначале данные о произошедшем вскоре сменились достоверными фактами, а эмоции уступали место анализу случившегося. Но и в самые первые дни, несмотря на бурный всплеск негодования, русская пресса была единодушна в желании помочь Сербии сохранить внутренний мир, не допустить потрясений, что могло бы дать повод Австро-Венгрии для вмешательства во внутренние дела страны. Ежедневная информация постепенно уступила место подробным отчетам и стремлению к осмыслению и анализу проишедших событий. Так, в журнале "Русский вестник" в нескольких номерах сообщались подробности переворота, исследовались его предыстория, позиции различных партий, возможные перспективы, подводились итоги предыдущих публикаций. Уже в июле-августе русские газеты не допускали сомнений в том, что "сербский государственный переворот не был делом исключительно военных, хотя и получивших на то крупные денежные средства от партии Карагеоргиевичей. В заговоре, очевидно, участвовали и гражданские государственные деятели"⁴.

Вступление на сербский престол Петра Карагеоргиевича, известного своей прорусской ориентацией, было встречено в России с воодушевлением. "Санкт-Петербургские ведомости" писали о том, что избрание королем П. Карагеоргиевича - "залог будущего единения всех сербов"⁵. Русское правительство первым отправило поздравление новому королю в связи с его избранием⁶.

Русские издания также подробно освещали возникновение в Сербии так называемого "заговорщического вопроса", который

вызвал раскол в армии и осложнил отношения Сербии с Англией и европейскими державами.

Другой всплеск интереса к Сербии и событиям на Балканах в русской прессе был обусловлен аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. На это сооытие журнал "Славянские известия" отозвался обширными статьями его редактора В.Н.Кораблева о культуре и истории этих земель. Цель статей - осудить оккупационную политику Австро-Венгрии, начало которой автор относил к 1878 г. Одной из самых осведомленных газет, уделяющей большое внимание славянским материалам (путевые заметки о славянских землях, отклики на события культурной жизни), было "Новое время". Так, в серии статей под названием "Балканские письма" много примеров западного растлевающего влияния и опасности для Сербии германского "натиска на Восток"⁸. С 1907 г., когда славянским отделом в "Новом времени" стал заведовать Д.Н.Вергун, газета постоянно освещала вопросы славянской общности, подчеркивая необходимость славянских съездов⁹. Она подробно информировала о пребывании в Петербурге "славянских гостей", о ходе Пражского съезда.

Редакции журналов и газет, поставивших себе целью "способствовать культурному общению всех славянских племен на началах полной равноправности"¹⁰, привлекали к работе ученых-славистов, переводчиков, деятелей культуры славянских народов. В либеральной прессе сотрудничали русские ученые А.И.Яцимирский, П.А.Лавров, А.Л.Погодин, В.М.Бехтерев, А.А.Шахматов, печатался поэт Вяч. Иванов. Сотрудничество с многими деятелями культуры Сербии и других славянских земель значительно обогащали газетные и журнальные публикации. Редактор журнала "Славянские известия" В.Н.Кораблев поддерживал контакты с секретарем "Матицы сербской" в Новом Саде Т.Стоичем. Журнал либерального направления "Новое звено", подзаголовок которого определял его как "орган объединенного славянства и независимой либеральной мысли", публиковал статьи сербских политических и культурных деятелей: Р.Кошутича, А.Белича, М.Вуличевича. Журналы "Новое звено", "Славянские известия" и многие другие издания не-

однократно публиковали материалы сербской периодики "Од'ек", "Самоуправа", "Штампа", "Застава" и пр. В 1907 г. в журнале "Славянские известия" открылась постоянная рубрика "Обзор славянских журналов". Самые крупные мастера сербской литературы XIX - начала XX в. получили оценку в русской печати - Д.Обрадович, П.П.Негон, Б.Радичевич, Иован Змай, С.Чорович, Б.Нушич, Р.Доманович и др.

Таким образом, начало XX в. в России отмечено новым подъемом интереса к Сербии, пришедшим на смену некоторому равнодушию конца 80-90-х годов XIX в. С одной стороны, этот поворот обусловлен активизацией балканской политики России, а с другой - процессами, происходившими в самой Сербии: ее стремлением освободиться от экономической зависимости и политического давления со стороны Австро-Венгрии и найти опору в дружественных отношениях с Россией. Русское общество горячо отозвалось на укрепление отношений между Россией и Сербией, а русская печать сделала все возможное для укрепления доверия между двумя народами, способствуя более полному взаимному знакомству с событиями того времени, культурой и историей обеих стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русская мысль. 1901. № 7. С.218.
2. Вестник Европы. 1900. № 10. С.790.
3. Санкт-Петербургские ведомости. 1902. № 129. С.3.
4. Русский вестник. 1903. № 10. С.728 ("Сербская неурядица").
5. Санкт-Петербургские ведомости. 6 июня 1903.
6. Новое время. 5 июля 1903.
7. Славянские известия. 1908. № 6-8.
8. Новое время. 21 июля 1903. С.2.
9. Новое время. 17 мая 1907. С.3.
10. Славянский век. 1901. № 33/34. С.269.

Ю.В.ПАХОМОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБЕ УЧЕНОГО И ЕГО НАУЧНОГО НАСЛЕДСТВА И.Н.СМИРНОВ (1856-1904 гг.)

В истории русской науки есть много полузабытых фигур, лишь отдельные стороны деятельности которых освещены, а весь облик как бы погружен во мрак. Причинами подобной

полузабытости являются обыкновенно либо сложная личная судьба, либо непростой путь в науке, либо чрезвычайная многосторонность интересов. Случается и сочетание названных факторов. Размышления над судьбами полузабытых ученых позволяют посмотреть по-новому на некоторые старые вопросы: как соотносятся судьбы ученого и его научного наследства, что формирует сходства и различия между ними, существует ли зависимость пути в науке от общественной деятельности человека за ее пределами.

Свои ответы на эти вопросы предоставляет жизненный путь и судьба исследований Ивана Николаевича Смирнова (1856-1904), который научными достижениями, прижизненной известностью, сложным путем в науке, гибкостью общественно-политической позиции вполне заслужил большего внимания, чем ему оказываются¹.

Одним из немногих, кто обратился к изучению жизни и научной деятельности казанского профессора, был С.А.Никитин, уделивший внимание характеристику научных взглядов И.Н.Смирнова на славистических страницах "Очерков истории исторической науки в СССР". Эта характеристика может быть для краткости сведена к следующим основным положениям: Смирнов - позитивист, сторонник эволюционного учения Г.Спенсера; он - либеральный ученый; не является славянофилом; социологические выводы Смирнова лишены научного значения, а его выводы по частным вопросам истории южных славян сохраняют научное значение². Общая оценка Смирнова-ученого - положительна. Эта оценка никем не пересматривалась, но не она определяла отношение к казанскому профессору. Не имело большого значения и высокое мнение о Смирнове этнографов, изучавших поволжские угро-финские народы³. Ученый оставался на периферии истории науки по причине, лежащей в совершенно иной плоскости. Научные заслуги Смирнова остались известны только узкому кругу специалистов, потому что он в качестве участника Мултанского дела до настоящего времени считается "экспертом-фальсификатором"⁴. Отрицательное мнение о нем В.Г.Короленко, высказанное в ходе полемики во время и после суда, закрепилось и постепенно превратилось

в ярлык. Затем и самого Смирнова, и его научные работы начали забывать и постепенно забыли довольно основательно.

В 70-е годы нашего века и слависты, и этнографы все чаще сталкиваются с трудами Смирнова⁵. Возникает необходимость более подробной и комплексной оценки исследований ученого. Удаётся выявить неизвестные материалы о его жизни (в архивах Санкт-Петербурга и Казани⁶); собрать сведения о преподавательской работе⁷; отыскать газетные публикации⁸; заново просмотреть некоторые научные труды⁹. Эта работа еще не окончена, но появилась возможность углубить и скорректировать оценки, даваемые Смирнову.

Таким образом, судьба научного наследия ученого оказалась во многом типичной для русской науки XIX-XX вв. и может быть выражена формулой: "политическое клеймо" – "уничижаящая критика"¹⁰ "забвение" (хотя полностью Смирнова не забывали никогда – этнографы, например, просто не могли без него обойтись¹¹) – несколько завышенная современная оценка, что присуще всем "возвращенным именам". Настоящее изучение Смирнова только начинается.

Теперь посмотрим как сложилась его жизнь. Иван Николаевич родился в семье священника села Арино Царевококшайского уезда Казанской губернии и первоначально получил духовное образование. Из семинарии он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета¹², где будучи учеником профессора Н.А.Осокина¹³, также как и он, увлекся медиевистикой. Однако не только западноевропейские сюжеты привлекали внимание Смирнова, он формируется как славист, изучает языки, увлекается историей южных славян, анализирует работы Рачки и Дринова¹⁴, пишет и публикует (в 1879 г.) собственное исследование – "Очерк истории Хорватского государства до подчинения его угорской короне"¹⁵. Так очерчивается круг интересов ученого – ранняя история Хорватии и Далмации. Тем же проблемам посвящены магистерская и докторская диссертации "Отношения Венеции к городским общинам Далмации" (вып. I-II, Казань, 1880, 1884)¹⁶. Все это было результатом серьезной работы в архивах Балканских городов¹⁷. Следующая поездка на Балканы, заплани-

рованная на 1885 г., вследствие "непредвиденных обстоятельств" не состоялась¹⁸. Пока трудно определить причины этого, но они были весьма серьезны, так как в жизни ученого произошли большие перемены: он перестал заниматься славистикой и последующие десять лет сосредоточился на изучении истории и культуры поволжских финно-угорских народов. Заняться ими, по собственному признанию ученого, увлек его М.П.Веске¹⁹. Многочисленные командировки, сбор обширного материала, изучение языков завершились изданием "культурно-исторических очерков" "Восточные финны" (ч.1. Вып.1-2. ч.2. Вып.1-2) Казань, 1890-1895)²⁰. Интересным исследовательским приемом Смирнова стал анализ лексики финских языков, и хотя крупнейший ученый, один из руководителей Финно-угорского общества Э.Н.Сетяля²¹ нашел ошибки в конструкциях Смирнова, но счел его труд достойным Уваровской премии²². Маститым ученым с европейским именем предстает перед нами Смирнов в середине 90-х годов XIX в. Он и не подозревает, что ему предстоит совершить еще один крутой поворот – провести этнографическую экспертизу на Мултанском процессе²³. Приглашение его выступить экспертом тем более логично, что одним из выводов Смирнова было обоснование отсутствия развития финно-угорских народов в составе России вплоть до сохранения ими человеческих жертвоприношений²⁴. Смирнов очень серьезно относился к своему положению эксперта, но все, что он узнавал о Мултанском деле противоречило прежним сведениям о культуре, религии, даже о самих жертвоприношениях²⁵. Смирнов на процессе в октябре 1895 г. оказался в очень драматических обстоятельствах: он должен был выбирать между поддержкой сомнительного обвинения и сохранением собственной научной позиции. Ученый оказался достаточно мужественным человеком – в своем выступлении он попытался раскрыть все сложности и противоречия дела (что не интересовало суд), по существу экспертизы он подтвердил, что "есть указания на то, что такие (человеческие. – Ю.П.) жертвы приносились вотяками"²⁶. Обвинению было достаточно этого – вотяки были осуждены. Но вопиющие нарушения в следствии и суде

(защита была так ограничена в своих правах, что фактически отсутствовала), чрезвычайность самого происшествия, активные выступления прессы привели к новому пересмотру дела. Развернулась газетная полемика невиданных масштабов²⁷. Особым нападкам демократической печати подвергся профессор Смирнов за свою экспертизу на суде. Теперь Смирнов был должен защищать не только свои научные взгляды, но и добродое имя, и он настаивает на виновности ватяков²⁸. Скандал разрастался, вышел за пределы России²⁹. Неофициальным защитником на третьем процессе (проведенном по настоянию А.Ф. Кони) выступил известный писатель-демократ, публицист В.Г.Короленко. Полемика на суде 1896 г. между Смирновым и Короленко завершилась, конечно, в пользу последнего³⁰. Вряд ли он был прав по существу, но обвиняемые, наконец, были оправданы³¹. Окончание дела не прекратило газетную полемику, в результате которой Смирнов потерял возможность продолжать свои ученые занятия³². Но оставить науку он не мог и, спустя некоторое время, возвратился в славистику, задумав огромный труд "Очерк культурной истории славянства", в трех частях, посвященных южным, западным и восточным славянам³³. Ученый успел выполнить только часть своего плана ("Очерк культурной истории южных славян". Вып. I-3)³⁴, завершить работу помешала саркома³⁵.

Как видим, жизнь ученого в науке сложилась не просто: от успешных занятий славистикой он был вынужден перейти к высоко оцененным исследованиям финно-угров, которые оказались оборваны Мултанским делом. Возвращение Смирнова в славистику было плодотворным – появились новые серьезные исследования. И во всех случаях успех был достигнут благодаря позитивистской методологии.

По сравнению с концепцией С.А.Никитина, повторенной А.Е.Москаленко³⁶, можно отметить следующее: 1) Все научные достижения Смирнова связаны с позитивизмом, все его неудачи – с попытками создать собственный метод. 2) Смирнов на протяжении ряда лет выступал в печати с консервативных позиций. С этих позиций, не касаясь значения его

социологических выводов (они нуждаются в специальном изучении), *следует пристальнее присмотреться к "либерализму" Смирнова.

Если сравнивать "зигзаги" научной деятельности с эволюцией общественно-политических взглядов Смирнова, вырисовывается такая картина: в 1878–1884 гг. он близок демократическому лагерю³⁷, в 1885–1898 гг. – ориентируется на концепции Данилевского и Ламанского (от первого у Смирнова идея "полезности отношений зависимости" для народа при определенных ситуациях³⁸, от второго – идея опоры человечества на славянскую культуру³⁹); в 1898–1904 гг. – Смирнов враг всякого (в том числе и русского) национализма и шовинизма, сторонник создания "истории масс"⁴⁰. Таков этот "либерализм" ученого, если к нему приглядеться повнимательнее. Может быть, для лучшего понимания биографии историка предложенная схема и подходит, но не следует забывать, что отношение русского ученого конца XIX в. к общественно-политическим вопросам обладало рядом не всегда теперь понятных особенностей. И Смирнов, исследователь европейского масштаба⁴¹, мог долгое время не придерживаться определенной политической "линии". Его общественно-политические взгляды всегда представляли собой редкостную смесь, из которой он извлекал по необходимости то консервативные, то демократические идеи. Таким образом, по отношению к Смирнову и, может быть не только к нему, определение "либерал" по сути дела ничего не обозначает, кроме некоего крайнего обобщения, как бы центрального положения маятника, который постоянно колебался то "вправо", то "влево". Но Россия второй половины XIX в. была неподходящим местом для подобной неопределенности, а для университетской профессуры тем более⁴². Рано или поздно каждому предстояло совершить свой политический выбор и оказаться или сторонником, или противником государственной власти⁴³. И выбор Смирновым в 1885 г. национального, всеславянского идеала возможно в чем-то предрешил выбор 1895 г., на Мултанском процессе⁴⁴. Дело, предельно раздутое государственной властью⁴⁵, вместо уголовного приобрет-

ло значение политического, поэтому все демократические силы общества выступили в защиту несчастных вояков во многом по политическим соображениям⁴⁶. Точно так же и все экспертизы на суде, утратив свою специфику, перешли в категорию политического акта. Этого Смирнов или не понял, или не захотел понять. В любом случае он дорого заплатил за свою ошибку. Отстаивание им своей научной позиции оказалось не только никому не нужным делом, но чуть ли не осознанным и заранее подготовленным преступлением⁴⁷ только потому, что имело определенное политическое значение. И хотя, чтобы не осудить всю страну и государственную власть, вояков пришлось оправдать⁴⁸, Смирнов вынужден был изменить научную специализацию.

Так путь Смирнова в науке оказался искаженным из-за политической оценки его научных взглядов. Но произошло нечто гораздо более страшное – по политическим мотивам отвергалось и отвергается его научное наследие, из истории русской науки вычеркнута значительная фигура.

Судьба Смирнова и его научных трудов показывает еще раз, какую роль в России XIX–XX вв. играли политические проблемы и до какой степени была политизирована вся общественная жизнь и в частности наука. Нормальное, естественное развитие науки в этих условиях подчас становилось невозможным, искажались жизненные пути ученых и направление их исследований. Но существовало и обратное влияние. Выступление Смирнова способствовало обострению полемики вокруг Мултанского дела, а значит, увеличило значение этого явления в жизни русского общества конца XIX в. Сегодня, когда только начинает разрабатываться новая теория взаимоотношений личности и общества⁴⁹, появилась надежда, что настанет время, когда комплексное изучение биографий даст возможность превратить эту теорию в науку об обществе более точную, чем предшествующие.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Достаточно обратить внимание на заметку о Смирнове: Энциклопедический словарь. Ф.Л.Брокгауз, И.Л.Ефрон. СПб., 1900. Т.30а. С.534. В Советской исторической энциклопедии нет заметки о Смирнове.

2. См.: Очерки истории исторической науки. М., 1960.
Т.2. С.504-505.
3. См. например: Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976. С.191.
4. См.: Винберг А.И. Черное досье экспертов-фальсификаторов. М., 1990.
5. См.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С.308; Владыкин В.Е. Христолюбова Л.С. История этнографии удмуртов. Ижевск, 1984.
6. РО ГПБ. Ф.874. Архив С.Н.Шубинского; ЦГА ТАССР. Ф.977. Казанский университет.
7. См.: Казанский университет. Обозрение преподавания в ... учебном году. По историко-филологическому факультету. Казань (соответствующие годы).
8. Особенно много в "Казанском телеграфе" и "Волжском вестнике".
9. См.: Пахомов Ю.В. И.Н.Смирнов о материальной культуре южных славян // Общество и культура на Балканах в средние века. Калинин, 1985; Он же. Историко-этнографические воззрения И.Н.Смирнова // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. XI Всесоюзная конференция историков-славистов 27-29 января 1988 г. Тезисы докладов и сообщений. Минск, 1988; Он же. И.Н.Смирнов в письмах к С.Н.Шубинскому (в печати).
10. См. указ. работу А.И.Винберга.
11. См.: Народы европейской части СССР. М., 1964. Ч.П. С.524, 586.
12. ЦГА ТАССР. Ф.977. Казанский университет. Оп. "Совет". Д.6502. Л.1.
13. См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т.2. С.332.
14. ЦГА ТАССР. Ф.977. Казанский университет. Оп. "Совет". Д.6502. Л.1.
15. Смирнов И.Н. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его угорской короне. Казань, 1879.
16. См. рец. Н.А.Осокина: И.Н.Смирнов. Отношения Венеции к городским общинам Далмации. С XII до половины XIV в. Казань, 1881.
17. ЦГА ТАССР. Ф.977. Казанский университет. Оп. "Совет". Д.11020. Л.15.
18. ЦГА ТАССР. Ф.92. Оп. "Совет". Д.16412. Л.40.
19. См.: Смирнов И.Н. Весь М.П. (некролог) // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1890. Т.У. С.65-73.
20. Смирнов И.Н. Восточные финны. Казань, 1893-1895. Т.1-П.
21. См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.549.
22. См. Сетяля Э.Н. Рец на: Смирнов И.Н. Восточные финны // Отчет о XXXIII присвоении наград гр. Уварова. СПб., 1898.
23. См.: Луппов П.Н. Громкое дело мултанских удмуртов (ботяков), обвинявшихся в человеческом жертвоприношении (1892-1896). Ижевск, 1925.

24. Смирнов И.Н. Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов. Казань, 1889.
25. См.: Из допроса экспертов по Мултанскому делу // Русские ведомости. 31.10.1895. № 301.
26. Там же.
27. См. наиболее полную сводку: Луппов П.Н. Библиография по Мултанскому делу // Удмуртский НИИ социкультуры и общество по изучению Удмуртской АССР. Записки. Ижевск, 1936. Сб.5. С.120-134.
28. Смирнов И.Н. Открытое письмо В.М.Михайловскому // Волжский вестник. 1896. № 73.
29. См.: Шатенштейн Л.С. Мултанское дело. 1892-1896. Ижевск, 1960.
30. См.: Этнографическая экспертиза на третьем судебном разбирательстве Мултанского дела // Камско-Волжский край. 1896. № 152-54.
31. См.: Шатенштейн Л.С. Мултанское дело.
32. См.: Смирнов И.Н. Письмо А.Н. Пыпину. - РО ГПБ. Ф.621. Архив А.Н.Пыпина. № 790. Л.1.
33. Там же. Л.1-2.
34. Работа издана в Казани в 1900-1904 гг.
35. См.: Памяти проф. И.Н.Смирнова. Казань, 1904.
36. См.: Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С.308.
37. См.: Смирнов И.Н. Письмо С.Н.Шубинскому. 1881 г. - РО ГПБ. Ф. 874. Архив С.Н.Шубинского. № 20. Л.82.
38. Ср. с названием магистерской и докторской диссертации Смирнова: Отношения Венеции к городским общинам Далмации.
39. Смирнов И.Н. Прошлое и будущее духовной взаимности славян. Речь, произнесенная на торжественном собрании Казанского университета 6 апреля 1885 г. Казань, 1885.
40. См.: Очерк культурной истории южных славян. Казань, 1900. С.95.
41. Смирнов владел немецким, английским, французским, испанским и итальянским языками, а также "славянскими наречиями". См.: Смирнов И.Н.. Письмо С.Н.Шубинскому 24.02. 1881 г. - РО ГПБ. Ф.874. Архив С.Н.Шубинского. № 20. Л.75.
42. См.: Лейкина-Свирская В.Г. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.
43. Ср.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.17.
44. См.: Смирнов И.Н. Задачи и значение местной этнографии // Волжский вестник. 1891. 6,12.04.
45. См.: Козлинина Е.И. За полвека. М., 1913. С.452-453.
46. См.: Короленко В.Г. Мултанское жертвоприношение // Собр. соч. М., 1955. Т.9. С.337-393.
47. Там же. С.338, 341.
48. См.: Кони А.Ф. По делу о мултанском жертвоприношении // Избр. соч. М., 1959. Т.1.
49. См. великолепное выступление Р.Пассе: Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 2.

С.И.МУРТУЗАЛИЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАВОЕВАНИЯ БОЛГАРИИ ТУРКАМИ В ОСВЕЩЕНИИ И.Н.СМИРНОВА

(Из истории российского славяноведения начала XX в.)

Во второй половине XIX в. в России был сделан заметный шаг вперед в изучении отдельных проблем средневековой истории южных славян. В числе ученых, внесших вклад в развитие историко-правовых исследований, в историографии упоминается И.Н.Смирнов¹.

О самом ученом известно, пока, немного. Будущий историк и этнограф родился 7(19) января 1856 г. в селе Арино, Царевокакшайского уезда, Казанской губернии. Будучи сыном священника, Иван Николаевич учился в Казанской духовной семинарии (1870-1874), затем на историко-филологическом факультете Казанского университета (1874-1878), по окончании которого был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Вся последующая преподавательская и научная деятельность ученого связана с этим университетом.

В студенческие годы И.Н.Смирнов занимался преимущественно средневековой историей Хорватии. В 1879 г. вышла отдельным изданием его студенческая работа, посвященная внутреннему развитию хорватского общества² - первое в российской историографии серьезное исследование на эту тему. В 1880 г. Смирнов публикует магистерскую диссертацию³ и в 1881 г. становится доцентом университета. В 1883 г. с научными целями совершает поездку в Загреб и Венецию. В 1884 г. защищает докторскую диссертацию⁴ (продолжение магистерского исследования, выпуск второй) и становится профессором. В 1900-1901 гг. Смирнов посетил Болгарию, Сербию и славянские земли Австро-Венгрии. В это же время начинает издаваться его последний труд "Учерк культурной истории..."⁵. На пенсию Смирнов вышел в 1904 г. по болезни и в том же году 15(28) мая скончался в Казани⁶.

Отечественная историография не баловала Смирнова своим вниманием, а те немногие исследования, в которых говорится о его интересе к юнославянской проблематике, чаще всего

сводятся к констатации того, что "Очерк культурной истории..." сохраняет определенное научное значение до настоящего времени⁷.

Для справочного издания подобная характеристика вполне оправдана и уместна, тогда как для историографических трудов по славяноведению такая лаконичность явно недостаточна. Думаю, что в ближайшее время "рейтинг" ученого повысится, благодаря разысканиям Ю.В.Пахомова, занимающегося изучением научной биографии Смирнова⁸.

Характеризуя свой "Очерк", Смирнов писал в "Предисловии" к нему, что это только "иллюстрированный фактами проект культурной^{*} истории южного славянства" и специалисту не следует искать в нем привычной "фактической полноты" и "сложного научного аппарата". Ввиду отсутствия в "русской литературе доступного для публики свода юнославянской истории", ученый "дает ... очерк-проект", который "может хотя бы временно, служить читателям" (Вып. I. Предисловие).

Для понимания применяемых в "Очерке" приемов и методов исследования интересны "методологические замечания" ученого, "из которых, - как он пишет, - выясняются некоторые особенности ... изложения..." (Вып. I. С.105). Для Смирнова история - наука не самостоятельная, поскольку законы ее неизвестны. "Историку приходится обобщать и систематизировать... случайные заметки с риском значительных ошибок" (Вып. I. С.99). Лингвистика, "язык" для историка - "только описание культурного имущества, накопленного народом на протяжении веков, описание краткая, сухая - без тех подробностей, которые так важны для истории материальной культуры..." (Вып. I. С.100). На помощь историку приходит археология, но она ставит перед ним нелегкую задачу "решить точно ли соответствует данный предмет такому-то описи..." (Вып. I. С.101, 104). "Для того, чтобы данные

* Термин "культура" в этнографии подразумевает все достижения, а также способы деятельности человека⁹. У Смирнова "культурная история" является синонимом "материальной культуры".

лингвистики и ... археологии сослужили службу историку, он должен призвать на помощь нового союзника - этнографию" (Вып. I. С.101). Приведенный материал достаточно красноречив и вряд ли нуждается в дополнительных комментариях. Такой подход определил и научную логику исследования.

Смирнов считал, что для "реставрации прошлого" особое значение имеет изучение "современного материального и духовного быта" бедняков (Вып. I. С.101). Причина в том, что бедность - это "сила охранительная", тогда как "богатство - это сила, преобразующая жизнь" (Вып. I. С.102), а "капитал - международный просветитель". (Вып. I. С.103). "Печальная привилегия" и "удел бедности" состоит в том, чтобы "охранять старину и предания, давать материал для культурно-исторических иллюстраций" (Вып. I. С.102). Изучение культурной истории южных славян, по мнению ученого, "следует начать... с обзора современных (Смирнову. - С.М.) бытовых условий их беднейших представителей - сельчан..." - это позволит выявить более "низкие", в смысле более ранние, исторические "фазы культурного развития" народа (Вып. I. С.102).

Смирнов сознавал, что избранный им путь не исключает "возможность ошибок", поэтому первой своей задачей считал необходимость критического подхода к "современным бытовым материалам" (Вып. I. С.103).

Как известно, на формирование взглядов ученого большое влияние оказала позитивистская философия, под воздействием которой он ставил на первое место систематизацию исторических фактов^{II}. В центре внимания Смирнова, видного сторонника "эволюционистского направления в русской этнографии"¹², были проблемы общественной жизни народа, обычного права, семьи, ооцинны. Изучая этот круг проблем, ученый применял "эволюционно-типологический или морфологический метод", по его словам, позволяющий историку получить "первые указания на культурно-историческую ценность современного материала: в груде фактов, которая предлагается этнографам, он выделяет формы более ранние и позднейшие" (выд. в тексте. - С.М.) (Вып. I. С.104). Он стремился привлекать мате-

риал и использовать методику лингвистики, археологии, этнографии, однако выработать собственный цельный научный метод не сумел¹³.

Из всего разнообразия тем и проблем, рассматриваемых Смирновым в "Очерке" (географические условия, материальная культура, эволюция семьи, "внутренние отношения в территориальном союзе" и т.д.), особого внимания заслуживают воззрения историка на последствия османской экспансии для южнославянских народов, в том числе в болгарских землях в течение первых двух столетий после завоевания. Мнение свое в этой связи ученый высказал всего несколько раз и в разных местах "Очерка". Суммируя их, мы получаем следующую картину.

С XI в. "Болгария, уничтоженная почти политически, является жертвой турецких опустошений... турки на глазах Византии и с ее благословения начинают завоевание полуострова. В 1344 г. Лала-шагин (Лала-Шахин. - С.М.) водворяется в Филиппополе и начинает отсюда завоевание болгарских крепостей. В 1365 г. султан Мурад переносит свою резиденцию в Адрианополь и начинает завоевание принадлежавших Болгарии черноморских городов. Шишман становится турецким вассалом" (Вып.П. С.254).

Одной из главных причин поражения явилось стремление славян завоевать Византию, которая "манила" их и "мешала сосредоточиться на ближайших и более скромных политических задачах. Турки положили конец этой погоне за миражами" (Вып.П. С.332). Турецкая экспансия "ставит предел государственному творчеству южных славян" (Вып.П. С.301,230).

Начало расселения турок в болгарских землях Смирнов датировал XI в., отметив, что сперва турки селились "как служилые люди империи (вардариоты), потом как завоеватели" (Вып.Ш. С.352). В результате этого уже в XI в. остановился "рост экономического благосостояния и связанных с ним форм внешнего быта" (Вып.І. С.151).

Особого внимания заслуживает замечание ученого во-первых, о непрекращавшемся противостоянии балканских народов турками, а во-вторых, упомянув о гайдучестве, Смирнов пос-

тавил ухудшение "быта" в прямую зависимость от борьбы южных славян против завоевателей. Дословно это замечание звучит так: "Отношения постоянной борьбы с азиатскими насељниками; возникновение хайдучества*" вызвало в бытовой обстановке южного славянина ряд регрессивных явлений" (Вып. I. С.151). "Иллюстраией" (терминология Смирнова. - С.М.) последнего служит то, что основная часть крестьянского населения вынуждена была жить в землянках "заодно со скотом". "По отношению к Болгарии" подобное явление зафиксировано "в частности" в Ломском округе (Вып. I. С.151).

Завершая характеристику отрицательного влияния завоевания, Смирнов писал, что начиная с XIV в. турки "выступают" в "изолирующей роли", имея в виду прекращение общения между южными и западными славянами "на почве материальной и духовной" (Вып. III. С.353). "Покоренный... Балканский полуостров" турки превратили "в стеклянный колпак, под которым на протяжении веков совершается прозябанье южнославянского мира" (Вып. III. С.353).

Заслугой ученого следует считать то, что он не ограничился исследованием одних только отрицательных последствий завоевания, но сумел увидеть и положительные аспекты появления турок на Балканах.

Так, автор подчеркивал, что турки, "как воинственный народ", дали "новый толчок железоделательной промышленности". Путешественники XVI-XVII вв. свидетельствуют "о значительном развитии металлургии в руках турок" (Вып. I. С.125). О торговле Смирнов заметил, что большую роль играли дубровницкие купцы, которые "в раннюю турецкую пору - в XVI в. - имели "крупные колонии ... в главнейших торговых центрах Сербии и Болгарии - в Белграде и Софии" (Вып. II. С.317).

* Ученый не привел каких-либо конкретных данных о действиях гайдуков в болгарских землях. Есть только упоминание о "болгарских хайдукских песнях" в связи с последствиями ухода мужа в гайдуки, жена которого "тотчас... переходит к другому мужу" (Вып. II. С.182-183).

Турки оказали влияние и на "развитие мужского костюма" болгар, а именно плащей "биниш" и "кабаница" (Вып. I. С.154).

В положительном влиянии завоевателей на славян, автор "Очерков" однако усмотрел, что "относительно турок"^{*} культурное влияние было "неоднородно" и его не следует оценивать однозначно. "Турки вступили на Балканский полуостров совершивши продолжительный и длинный обход по передней Азии", принеся с собой заимствования, сделанные у иранцев, арабов и т.д.

Значительное внимание Смирнов уделил заимствованию тюркских слов болгарским языком, в подтверждение чего привел тот факт, что "целый ряд турецких терминов совершенно вытеснили из употребления славянские" слова, применявшиеся в области металлургии (Вып. I. С.125). У турок болгары заимствовали "названия шерстяных тканей (аба, бало, тифтих, чоха) и названия одежд, которые из них приготовляются" (Вып. I. С.154). Надо отметить, наконец, справедливость замечания Смирнова о том, что "заимствование слов одним живым народом у другого не могло, конечно, происходить без параллельных заимствований в области идей" (Вып. III. С.352). Однако проблема взаимовлияния требует отдельного изучения.

Ознакомление с "Очерком" приводит к выводу о том, что когда речь идет о политической истории Болгарии XI-XVI вв., его автор чаще всего основывался на исследовании К.Иречека — ссылки на чешского ученого преобладают.

Изложение событий политической истории Болгарии доводится до 70-х годов XI в. и материал о XV-XVI вв. более чем скучен, особенно в сравнении с Хорватией.

В данном случае Смирнов ограничился общей оценкой последствий османской экспансии для дальнейшей истории болгарского и других юнославянских народов, причем неоднократно подчеркивал разрушительность завоевания, приведшего к соз-

^{*} В данном случае под термином "турок" Смирнов подразумевал тюркские племена вообще (см.: Вып. III. С.352, 353).

данию своеобразного вакуума ("стеклянный колпак").

В то же время ученый сумел увидеть и положительные стороны южнославянского и турецкого культурного взаимовлияния: обогащение языка, заимствование идей и т.д.

Насколько можно судить, автор "Очерка" самостоятельно не работал с источниками по истории Болгарии, хотя ссылки (напр. на фольклор) имеются, а воспользовался научными публикациями других исследователей, что в общем понятно, т.к. круг его научных интересов был несколько иным.

Смирнов, конечно, не был болгаристом, но сам его взгляд на Болгарию сквозь глубокое изучение материала прежде всего по западной части Румелии, приобрел своего рода объемность, что позволяет почувствовать различие моментов общих и локальных. В известной мере подобный взгляд можно рассматривать как предвосхищение распространенного ныне системного подхода, когда объект исследования постигается не столько как набор свойств ему присущих, сколько как часть более широкой системы через отношение с другими ее частями. Может быть отчасти этим объясняются не банальные наблюдения о положительных заимствованиях у турок в ремеслах, быту и т.д., о посреднической роли турок в перенесении определенной суммы элементов переднеазиатской культуры в Болгарию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дьяков В.А., Мыльников А.С. Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России // Славяно-ведение в дореволюционной России: Библиограф. словарь. М., 1979. С.29-30.

2. Смирнов И.Н. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его угорской короне. Казань, 1879.

3. Смирнов И.Н. Отношения Венеции к городским общинам Далмации. с XII до половины XIV в. Казань, 1880.

4. Смирнов И.Н. Отношения Венеции к городским общинам Далмации. С 1358 по 1573 гг. Казань, 1884.

5. Смирнов И.Н. Очерк культурной истории южных славян. Вып.1-3. Казань, 1900-1904 (далее ссылки на эту работу даны в тексте с указанием выпуска и страницы).

6. Москаленко А.Е. Смирнов Иван Николаевич // Славяно-ведение в дореволюционной России: Библиограф. словарь. С.308.

7. Там же. С.308.

8. Пахомов Ю.В. Историко-этнографические воззрения И.Н.Смирнова // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны: XI Всесоюзн. науч. конф. историков-славистов

- 27-29 янв. 1988: Тезисы докл. и сообщ. Минск, 1988. С.235;
Он же: Историографические сюжеты в трудах И.Н.Смирнова //
Историография балканского средневековья. Сб. науч. трудов.
Тверь, 1990. С.56-61.
9. См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
10. Пахомов Ю.В. Историко-этнографические воззрения
И.Н.Смирнова. С.235.
11. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960.
Т.2. С.642.
12. Пахомов Ю.В. Указ.соч. С.235.

А.Н.КРУГЛАШОВ

СЛАВЯНСКИЕ ПЛАНЫ И СВЯЗИ РУССКОЙ СЕКЦИИ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Вопрос о славянском аспекте деятельности русской секции Первого Интернационала в определенной мере находил уже отражение в научной литературе¹. Однако, интерес к нему не носил специального характера; славянские планы и связи русской секции не выделялись из общей картины деятельности революционеро-эмигрантов из России, создавших в начале 1870 г. в Женеве Первую русскую секцию Международного Товарищества Рабочих (МТР). Эпизодичность обращения к этому фрагменту российско-славянских революционных связей делает необходимым более углубленное его рассмотрение. Тем более, что ряд моментов в славянских связях русской секции вызывали в отечественной историографии сомнения и разнотечения.

С момента преобразования группы редакции журнала "Народное дело" (1868-1870 гг.) в секцию, ее члены не раз заявляли о своем особом интересе к славянскому миру, процессам, происходящим в нем и высказывали желание играть роль не только связующего звена между европейским рабочим и российским социально-революционным движением, но и писали о своей готовности стать посредниками между Интернационалом и славянскими народами. В первом же письме к К.Марксу с просьбой стать представителем русской секции в Генеральном Совете Первого Интернационала, его авторы объявили о задаче борьбы за освобождение Польши. А в "Народном деле"

пояснялось, что в планах новообразованной секции – необходимость борьбы с "отсталыми идеями панславизма"². Безусловно, такое программное выделение борьбы с панславизмом вполне объяснимо: к тому времени господствующий московоильский панславизм полностью показал себя не только как тормоз в развитии демократических движений в славянских странах, но и как инструмент царизма в его внутренней и внешней политике. Такие намерения вполне импонировали К.Марксу, особенно в части, касающейся будущности Польши, на чем он особо остановил свое внимание в письме, адресованном русской секции; в нем он писал также о своем согласии быть ее представителем в Генсовете МТР³.

В своей программе, представленной Генсовету Первого интернационала и опубликованной в первом номере "Народного дела" за 1870 г., секция специально рассматривала славянские цели своей деятельности. Раздел программы, посвященный этим вопросам, назывался "Пропаганда и развитие международного товарищества рабочих в других славянских землях"⁴. В нем в общих чертах обозначены сходство исторических задач, стоящих перед всеми славянскими народами, и целей Интернационала, недопустимость националистического разделения славянских народов. В программе заявлялось: "Будущая Интернациональная и социалистическая организация рабочих масс именно дает подную свободу не только каждому народу и народности, но и вообще всякой группе лиц, самостоятельно и независимо соединяться с теми группами, с которыми наиболее связаны индивидуальные и коллективные интересы всей жизни"⁵. Исходя из такого понимания близости интересов славянских народов, программа намечала и пути объединения сил в общей борьбе с угнетателями. Конкретной формой такого объединения славян предлагалось создание групп "для деятельной пропаганды", а далее, образование "центральных секций в славянских землях, которые вызвали бы составление ремесленных союзов", федерацию этих союзов и, наконец, вступление их, помимо всех искусственных, территориальных границ, в общий интернациональный союз всех ремесел и профессий"⁶. До образования же таких

секций, объединенных общим Федеральным советом интернациональных секций в славянских землях, программа предлагала единомышленникам славянам начать с назначения своих агентов-корреспондентов при ней.. В целом, славянская глава Программы носила крайне общий характер; при этом, последовательно проводя идею соединения освободительного движения в славянских землях посредством организационно-федеративных связей, ее авторы совсем обошли вопрос о реальной возможности и желательности для славян именно такого объединения в рамках Интернационала. В "Уставе русской секции" вопросы организационной работы среди славян также нашли свое отражение в виде намерения освещать известия, "касающиеся России и славянских стран", не только в печатном органе секции - журнале "Народное дело", но и в других изданиях Интернационала. Обязанности по сбору и сообщению таких сведений Устав возлагал на славянских агентов-корреспондентов секции⁷.

Конечно же, возникает вопрос, имела ли секция какие-либо реальные основания для столь широких организационно-теоретических построений, или же последние были следствием революционного прожектерства, желания упрочить собственную значимость в глазах российской и славянской эмиграции в Швейцарии, в мнении Генерального Совета МТР, наконец, русской публики, читающей "Народное дело"? Ответить трудно не только потому, что документальное наследие русской секции отличается неполнотою, сколько оттого, что российские историки все еще "воздерживаются" от работы в западноевропейских архивах, где сохраняется определенная часть этих документов⁸. Тем не менее и ставшие доступными к сегодняшнему дню материалы достаточно надежно подтверждают, что планы группы Н.И.Утина - организатора и руководителя русской секции, имели под собою определенные основания. Именно об этих связях секция заявляла Генеральному Совету, перечисляя среди своих контрагентов чехов, поляков, сербов, что было встречено с удовлетворением членами Совета⁹. Попытки проследить реальные связи деятелей русской секции предпринимались современными исследователями В.Гро-

сулом и К.Поглубко¹⁰.

Основной средой для установления славянских контактов членов секции была студенческая молодежь в Швейцарии, где в 60-70-х годах находились славяне как из России, так и из Австро-Венгрии и Турции. Другой "питательной средой" могло служить и революционное прошлое деятелей самой секции. Например, еще будучи членом ЦК "Земли и воли" в Петербурге, находясь в близких отношениях с Н.Чернышевским и П.Ровинским, Н.Утин вполне мог иметь в своих руках польские связи землевольцев начала 60-х годов. Впечатляют также усилия Утина в эмиграции, где он близко сошелся с редакцией "Колокола", добиваясь реального продвижения в деле российско-славянского революционного диалога и сближения¹¹. Особо примечателен тот факт, что секретарь русской секции белорус А.Трусов был активным участником восстания 1863 г. Это, естественно, приближало его к кругам польской революционной эмиграции в Швейцарии. Таким образом, славянские связи секции имели свою предысторию.

Наиболее масштабными и продуктивными были болгарские и сербские связи деятелей русской секции. Так, в 1869 г. в Женеве побывал лидер болгарской революционной эмиграции Л.Каравелов. Подробности этого визита мало известны, но несомненно, что Л.Каравелову пришлось столкнуться с нарастающим противостоянием групп М.Бакунина и Н.Утина в русской эмиграции. Бакунин, как это свидетельствует его письмо к Н.Жуковскому, беседовал с Каравеловым ^и остался о нем самого хорошего мнения¹². В том же письме его автор отметил и значение образования русской секции, досадуя, что его собственные планы "переделал по-марксистски" Утин. И хотя Бакунин сам и через Нечаева пытался вовлечь Каравелова в орбиту своих планов и организаций, ему это мало удалось. Здесь, очевидно, сказалось то, что Бакунин недостаточно понимал специфику борьбы болгар за освобождение. Так, беседуя с ними в 1869 г., он начал рассказом о славянских перспективах всемирной социальной революции. В расстройстве болгарских планов Бакунина имел значение и крах его альянса с С.Нечаевым, в разоблачении которого

большое значение имела деятельность журнала "Народное дело". Поэтому, Л. Каравелов стал агентом-корреспондентом именно русской секции.

На наш взгляд, о доверии Каравелова к членам русской секции свидетельствует и тот факт, что Программа Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК), принадлежавшая перу Каравелова, сначала была опубликована именно в органе антибакунистов в "Народном деле"¹⁴, и лишь спустя несколько месяцев она появилась в видоизмененном варианте на болгарском языке¹⁵. Видимо, этот факт не следует объяснять случайностью или второстепенными расчетами. Скорее всего, в нем нашло отражение видение Каравеловым и его товарищами (предполагается, что соавтором программы был и В. Левский) значимости дружественной поддержки со стороны российских революционеров, а именно русской секции, имевшей к тому времени свое политическое лицо. Публикация программы БРЦК, которую журнал сопроводил благожелательным комментарием, не была единственным фактом содружества Каравелова и русской секции. Например, он использовал материалы критики Нечаева в своей газете "Свобода", часто цитировал тексты из "Народного дела". Однако, контакты с русской революционной эмиграцией не относились к тем, которые можно было афишировать. На мысль о сознательном уничтожении документов наводит поведение Каравелова во время нечаевского процесса и его рассказ о своей связи с Прыжовым, в котором явно "преуменьшается" его осведомленность в делах русских революционеров.

Другим виднейшим агентом-корреспондентом русской секции был сербский революционер С. Маркович. Видимо, еще в 1869 г. он вступил в контакт с редакцией "Народного дела", находясь на учебе в Цюрихе. Наиболее яркий след С. Марковича в деятельности русской секции как ее агента-корреспондента оставила его статья "Положение рабочего класса в Сербии"¹⁶: в статье, опубликованной как и другие материалы журнала анонимно, освещалось политическое положение Сербии тех лет, рассматривались социально-экономические характеристики ее общества, доказывалось сходство социальных проблем Запада и Сербии, а следовательно, и необходимость организованного

участия сербских трудящихся в деятельности Интернационала. Эта статья не прошла незамеченной. В самой Сербии, в либеральной газете "Сербия" появилась критическая статья, обличавшая публикацию в "Народном деле" как попытку разобщить сербское общество, внести в него раздор на классовой почве. С.Маркович не ответил на эти обвинения, но в "Панчеваце" появилась анонимная статья, принадлежавшая, как полагают сербские исследователи, П.Михайловичу, давшая ответ претензиям "Сербии" и предварившая перевод на сербский язык статьи Марковича из "Народного дела"¹⁷. Наверное, это единственный случай полемики в сербском общественно-политическом движении, привнесенный в спор между либералами и революционерами со страниц русского, революционного издания.

С.Маркович использовал также, как это справедливо отмечает белорусский исследователь И.Шпадарук, материалы "Народного дела" в целях революционной пропаганды¹⁸. Если коротко охарактеризовать близость идеиных позиций С.Марковича и русской секции, то нужно назвать не только приверженность делу Интернационала, отношение к Парижской коммуне, но и особое внимание к революционным потенциям сербского и российского крестьянства, к роли общинных учреждений, к которым и Маркович, и деятели секции подходили, в основном, с позиций Н.Чернышевского, пытаясь переложить его взгляды на язык теоретических наработок I Интернационала. Во многом разделял сербский революционер и отношение своих российских товарищей к М.Бакунину и С.Нечаеву. О Бакунине он отзывался уважительно, но считал его плохим организатором и отвергал крайний децентрализм его теорий, антигосударственность вообще¹⁹. В то же время взгляды членов русской секции по этим и другим вопросам вполне импонировали Марковичу. Объективно близки идеям Марковича взгляды Утина, высказанные им как в публицистических выступлениях в "Народном деле", так и в журнале "Вестник Европы". В последнем Н.Утин выступил (под псевдонимом) с рядом статей, рассмотрев на примерах политической истории Франции борьбу централизма и местного самоуправления, высказал уверенность в жизнеспособности именно демократически-федеративного иде-

ала, явно адресуя свои выводы российскому читателю в качестве приемлемых и для России²⁰. Подобный подход можно встретить и у С.Марковича. Поэтому неудивительно, что вхождение Марковича в организационную структуру I Интернационала, в борьбу различных идеинных течений в нем состоялось именно через русскую секцию²¹, а не через бакунинский "Альянс", хотя некоторые исследователи да и современники (например, М.Драгоманов) причисляли его к сторонникам М.Бакунина. Не полемизируя по вопросу об идеиной идентификации учения С.Марковича, которое занимает югославских историков продолжительное время, заметим, что бакунинские идеи в теоретическом наследии сербского революционера вовсе не являются преобладающими. Далеко не бесспорно утверждение, что идеи славянского федеративного единения Маркович почерпнул именно у Бакунина. Эти же идеи отчетливо пропагандировались русской секцией, да и в творчестве Л.Каравелова они имеют вполне самостоятельный характер, обнаруживая совпадение с позициями Марковича, а не Бакунина. В то же время, соглашусь, что вопрос о теоретических заимствованиях, взаимоотношениях и, наоборот, об идеиной автономности, оригинальности взглядов выше перечисленных выдающихся славянских деятелей 70-х годов остается открытым и нуждается в дальнейшей разработке.

В целом, члены русской секции, несмотря на усилия, увенчавшиеся определенными организационными успехами в славянской среде (примером тому может служить и единственное сохранившееся письмо А.Трусова к С.Марковичу, в котором обнаруживаются свидетельства о широких связях со славянской молодежью в Цюрихе²¹), были довольно далеки от главных целей славянской части Программы русской секции. Федерация славянских секций Интернационала не была создана, хотя делались попытки организации собственно славянских секций, например на юном Дунае. Впрочем, безуспешной оказалась и попытка Бакунина создать полноценную Славянскую секцию в Швейцарии, с помощью которой он надеялся объединить своих сторонников в славянских землях. Именно то, что ни Бакунину, ни деятелям русской секции не удалось создать

широкое революционное объединение славян в рамках I Интернационала, более всего подчеркивает чрезмерный оптимизм как деятелей русской секции, так и их главного оппонента - Бакунина, в оценках готовности славянских народов принять Программу и организацию Международного Товарищества рабочих. На наш взгляд, значительную роль в таком отторжении сыграло и то обстоятельство, что исторической задачей славянского освобождения было не совершение социальной революции в социалистическом смысле, а обретение национальной независимости и собственной государственности, политической свободы. Тем не менее, попытки деятелей русской секции разработать общеславянскую программу на революционной основе, их реальные связи с деятелями славянских народов представляют собой интересный эпизод в общем контексте российско-славянских связей, в определенной мере способствуя более полноценным ответам на вопросы о содержании и направленности этих связей, их реальном и мнимом наполнении в 70-х годах прошлого века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Козьмин Б.П. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957 г.; Шпадарук И.П. Борцы за народное дело. Минск, 1968; Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать. 1864-1873. М., 1984 и т.д.
2. Народное дело. Женева, 1870. № I.
3. Маркс К. Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих - членам комитета Русской секции в Женеве// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.16. С.422-428.
4. Народное дело. 1970. № I. 5
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Wodaford Mx.Cleallan. The revolutionary exiles. London, 1979. p. VII.
9. Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868-1870 Протоколы. М., 1964. С.156.
10. Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Западной Европе. Кишинев, 1973. С.421; Поглубко К.А. Очерки истории болгаро-российских революционных связей. Кишинев, 1972. С.143-150 и след.
11. Литературное наследство. М., 1941. Т.39-41. С.612, 652; Литературное наследство. М., 1965. Т.62. С.648-654.
12. Шпадарук И.П. Русские и белорусы в I Интернационале // Неман. 1966. № 3. С.164-179.
- 13 Michel Bakounine et ses relations slaves. 1870-1875/ Archives Bakounine. Leiden, 1974. S.131.

14. Народное дело. 1870. № 6-7.
15. Сидельников С.И. Болгарский революционный центральный комитет (1869-1872). Харьков, 1970. С.83-84; Болгаро-российские общественно-политические связи. 50-70-е годы XIX века. Кишинев, 1986. С.116.
16. Народное дело. 1870. № 2-3.
17. СРЕДИБ. 1870. № 69.
18. Маркович Светозар. Целокупна дела. Београд, 1987. Кн.2. С.77-279.
19. Шпадарук И.П. Русская секция I Интернационала и ее социологические воззрения. Минск, 1970. С.140.
20. Чунич Б. Светозар Маркович о Марксу и наследии учению // Сборник радова о Светозару Марковичу. Београд, 1976. С.74-76.
21. Французские парламентаристы 40-х годов // Вестник Европы. С.-Петербург, 1867. Кн.12. С.103-141; Война и цивилизация (Великие принципы) и идеологии второй империи // Вестник Европы. 1870. Кн.II. С.207-254; Старая и новая Франция. Централизация и общественная инициатива // Вестник Европы. 1871. Кн.3. С.12-56 и след.
22. Неделкович Д. Светозар Маркович у развою социалистичке мисли на делу. Београд, 1975. С.25; Целокупна дело. Београд, 1987. Кн.1. С.XI.
23. Литературное наследство. М., 1985. Т.96. С.492-493.

С.А.ВИНОГРАДОВ

БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС 1908-1909 гг.

И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ ПЕЧАТИ РСДРП

Боснийский кризис - это международный конфликт, вызванный аннексией Австро-Венгрией 7 октября 1908 г. провинций Боснии и Герцеговины, населенных сербами, мусульманами и хорватами и находившихся под оккупацией Австро-Венгрии на основании решений Берлинского конгресса 1878 г.¹

Провозглашение аннексии Боснии и Герцеговины правящие круги Австро-Венгрии приурочили к очередной сессии Делегаций, собравшихся в начале октября 1908 г. в Будапеште. Официально население было оповещено о принятом решении путем опубликования нескольких реескриптов Франца-Иосифа в правительственной газете "Винер Цайтунг" 7 октября 1908 г.²

Дипломатическая история Боснийского кризиса достаточно исследована отечественной и зарубежной историографией. Следует назвать монографии и статьи К.Б.Виноградова, Ю.А.Писарева и др., имеются также работы ряда зарубежных историков.

Объектом данного исследования стал еще недостаточно изученный вопрос об отношении большевистской и меньшевистской печати РСДРП к аннексии Боснии и Герцеговины.

Удалось обнаружить 5 статей различных авторов в большевистской и меньшевистской печати, посвященных полностью или частично исследуемому вопросу. Это статьи лидеров РСДРП В.И.Ленина (2 статьи), Л.Д.Троцкого (2 статьи) и Л.Мартова (1 статья).

Вначале остановимся на статьях большевистских авторов и, в первую очередь, В.И.Ленина.

29(16) октября 1908 г. в № 37 большевистской газеты "Пролетарий"³ была опубликована его статья "События на Балканах и в Персии". Ленин следующим образом характеризует причины Боснийского кризиса: "Суть того, что происходит сегодня на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контрреволюционной коалиции европейских держав против расющего демократизма Азии..."

Ленин подчеркивал: "Главное и основное: состоявшееся уже предварительное соглашение (России, Австрии, Германии, Италии, Франции и Англии. - С.В.), в коренном, т.е. в выступлениях против младотурецкой революции, в дальнейших шагах к разделу Турции, в пересмотре под тем или иным соусом вопроса о Дарданеллах, в разрешении русскому черносотенному царю душить персидскую революцию... Начавшаяся потом газетная перебранка из-за того правду ли сказал Эренталь⁴, что Италия, Германия и Россия дали свое согласие на аннексию (присоединение) Боснии и Герцеговины Австроией или нет, - это все сплошная комедия, сплошной отвод глаз, на который поддаются только либеральные филисты".⁵

Позднее в статье "Азартная игра"⁶, опубликованной в большевистской газете "Правда" (№ 134 от 4 октября 1912 г.), он так характеризовал итоги Боснийского кризиса: "Австрия оторвала кусок (Боснию и Герцеговину), Италия оторвала кусок (Триполи), теперь наш черед поживиться - вот политика "Нового времени".⁷

Таким образом, Ленин в своих статьях рассмотрел начало и итоги Боснийского кризиса, вскрыл его причины.

Представляют интерес и две большие статьи крупнейшего деятеля социал-демократического движения России Л.Д.Троцкого, стоявшего тогда на межфракционных позициях. Они появились в октябре–ноябре 1908 г. в газете "Пролетарий" ("Балканы, капиталистическая Европа и царизм")⁸ и в августе 1909 г. в газете "Социал-демократ"⁹ ("Затруднения внутренние и внешние"). Четвертая часть первой статьи Л.Д.Троцкого посвящена Боснийскому кризису. Он писал: "5 октября Болгария провозгласила себя независимой, а через два дня Австро-Венгрия объявила о присоединении Боснии и Герцеговины. Оба эти акта нарушили Берлинский трактат, но совершенно не изменили политическую карту Европы... Присоединение двух бывших турецких провинций Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии также не производит никаких реальных изменений государственных границ". Далее автор затронул предысторию события: "...обе провинции были вручены Габсбургской монархии более 30 лет назад и притом не кем иным, как Россией. Это была взятка, которую Австро-Венгрия получила согласно тайному рейхштадтскому соглашению 1876 года с правительством Александра II за свой будущий нейтралитет в русско-турецкой войне 1877–1878 гг." Одновременно Троцкий резко критиковал Австро-Венгрию: "Политика Австро-Венгрии на Балканах естественно сочетает в себе капиталистическое хищничество, бюрократическое тугуумие и династическое коварство..."⁹.

О Боснийском кризисе главным образом шла речь в другой его статье, в которой подробно освещались причины и начало кризиса, его ход, последствия для России, позиция международного социал-демократического движения по отношению к кризису.

Необходимо отметить, что Троцкий имел тесные связи с сербскими и болгарскими социалистами, неоднократно бывал на Балканах, напечатал ряд статей о положении там в большевистской и меньшевистской печати¹⁰.

Из-за большого объема статьи Л.Троцкого остановимся лишь на некоторых, наиболее важных ее положениях.

В самом начале автор подчеркивал: "Для Сербии вопрос

шел о самых основах ее существования... Чисто формальный акт "аннексии" Боснии и Герцеговины вызвал бурное движение в Сербии именно потому, что закрепил для нее положение экономической безысходности".

Он рассмотрел позицию сербских социалистов в это тяжелое для страны время: "...Официальные "герои" встретили достаточный отпор со стороны сербской социал-демократии, единственный представитель которой в Скупщине т. Кацлерович¹¹, с благородным мужеством развивал свою точку зрения среди коалиционного рева всех политических партий Сербии".

Касаясь результатов деятельности царской дипломатии в период кризиса, автор констатировал: "Но тут ее успехи оказались, как мы видели, очень скромными. Она предала Сербию, капитулировала перед Австроией и, заступившись за Болгарию, скинула в пользу Турции со счетов несколько десятков миллионов рублей"¹².

В заключение Л. Троцкий писал о значении Боснийского кризиса для внешней политики царской России, назвав катастрофическими его последствия для нее: "Фиаско царской дипломатии было беспримерным по своему позору ("дипломатическая Цусима")..., капитуляция перед Австроией и предательство Сербии в ее руки ставили крест на балканской политике России..."

Наконец, последнюю статью под названием "Восточный вопрос и социал-демократия" опубликовал в ноябре-декабре 1908 г. в меньшевистской газете "Голос социал-демократа"¹³ (под псевдонимом) М.Л. Мартов¹⁴.

Статья эта представляет значительный интерес. Во-первых, в ней рассмотрен Балканский вопрос, как национальный вопрос, который "приближается ныне к своему окончательному решению для европейского Востока". Во-вторых, в статье освещены цели кадетов, октяристов и умеренно правых по данному вопросу, - "чтобы ее собственные враги справа сделали нужное представляемому ею классу дело - завоевали для капиталистического развития России достаточные "сфера влияния" на Ближнем Востоке, вместо утраченных на Дальнем Востоке".

В-третьих, - представлена позиция социал-демократической фракции в Думе: "Думская социал-демократическая фракция в своих выступлениях по вопросам иностранной политики заняла определенную принципиальную позицию, вполне соответствующую и классовым интересам пролетариата, и общеноциональным традициям всего освободительного движения. Речи тов. Покровского¹⁵ в прошлой и нынешней сессиях по вопросам восточной политики и запрос о подвигах полковника Ляхова¹⁶ принадлежат к числу лучших выступлений нашей фракции и свидетельствуют о том, что партия может на нее положиться в самых сложных и трудных вопросах политической жизни". В-четвертых, в статье поддерживался лозунг Балканской конфедерации, выдвинутый социал-демократами Балкан.

Заключительный вывод статьи: "Если мировые события, ныне разыгрывающиеся перед нами, поведут за собой сильный общественный подъем в России, лозунг "Балканской конфедерации" будет тем лозунгом, который социал-демократия в интересах русской и мировой революции с успехом противопоставят национал-либеральному лозунгу "Великой России".

Если по вопросам внутренней политики России позиции большевиков и меньшевиков были в основном противоположными, то в оценке ее внешней политики их мнения часто были близкими или даже совпадали (полностью или частично).

Таким образом, в статьях большевистской и меньшевистской печати РСДРП, посвященных Боснийскому кризису, освещены самые различные его аспекты. Это дипломатическая история кризиса, позиции международной и российской социал-демократии, а также буржуазных партий России, в первую очередь кадетов, по отношению к кризису.

Печать РСДРП сумела дать достаточно полную и вполне объективную картину Боснийского кризиса, ставшего прологом первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Берлинский конгресс 1878 г. был созван для пересмотра условий Сан-Степанского мира 1878 г. по инициативе Великобритании и Австро-Венгрии, выступавших против усиления позиций России на Балканах. Другими его участниками явились Германия, Франция, Италия и Турция. Оказавшееся в диплома-

тической изоляции русское правительство пошло на уступки. Был подписан Берлинский трактат, по которому Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину.

2. Виноградов К.Б. Боснийский кризис - пролог первой мировой войны. Л., 1964. С.85.

3. "Пролетарий" - большевистская нелегальная газета, фактически ЦО. Издавалась с августа 1906 г. по ноябрь (декабрь) 1909 г. в Выборге, Женеве, Париже. Редактор - В.И.Ленин.

4. Эренталь Алоиз фон (1854-1912), граф. Австро-венгерский политический деятель и дипломат. В 1906-1912 гг. министр иностранных дел. Сыграл важную роль в подготовке анексии Боснии и Герцеговины в 1908 г.

5. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.17. С.224.

6. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.22. С.115.

7. "Новое время" - одна из крупнейших русских газет, в 1868-1917 гг. издававшаяся в Петербурге. Первоначально - либеральная, с переходом издания к А.С.Суворину (1876 г.) - консервативная. С 1905 г. - орган черносотенцев.

8. "Социал-демократ" - нелегальная газета, ЦО РСДРП, с 1912 г. - ЦО большевиков. Издавалась в Вильне, Петербурге, Париже и Женеве с февраля 1908 г. по январь 1917 г. Фактический руководитель и с декабря 1911 редактор В.И.Ленин.

9. "Пролетарий". I(14) ноября 1908 г. № 38.

10. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т.УІ. Балканы и Балканская война. М.-Л., 1926.

11. Кацлерович Т. (1879-1964) - деятель югославского и международного коммунистического и рабочего движения, один из основателей Социал-демократической партии Сербии (ССДП). На Копенгагенском конгрессе II Интернационала (1910 г.) познакомился с В.И.Лениным. В период первой мировой войны - интернационалист, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, на которых занимал позицию, близкую ленинской, с 1919 г. принимал активное участие в деятельности Коммунистической партии Югославии (КПЮ) и позднее входил в ее руководство. Был избран делегатом КПЮ на У конгресс Коминтерна.

12. "Социал-демократ". 21 августа 1909 г. № 7-8.

13. "Голос социал-демократа" - журнал меньшевиков-ликвидаторов (Женева-Париж) - февраль 1908 - декабрь 1911 г. Редакция - П.Аксельрод, Ф.Дан, Ю.Мартов, А.Мартынов и Г.Плеханов, который после У Общероссийской конференции РСДРП (декабрь 1908 г.) порвал с журналом и I3(26) мая 1909 г. вышел из редакции.

14. Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) (1873-1923) - русский социал-демократ, один из лидеров меньшевизма. В 1895 г. участвовал в создании Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", являлся одним из редакторов "Искры" и "Зари". На II съезде РСДРП примкнул к меньшевикам. В годы реакции в 1908-1910 гг. ликвидатор, во время первой мировой войны центрист. После возвращения в 1917 г. в Россию стоял на левых позициях в большевистской партии. Выступил против распуска Учредительного собрания, ареста участников контрреволюционных заговоров. Делегат (от меньшевиков) УП Всероссийского съезда Советов (1919 г.), изб-

ран членом ВЦИК. В сентябре 1920 г. уехал заграницу и участвовал в создании 2 / Интернационала.

15. Покровский И.П. - социал-демократ, депутат III Государственной думы от Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии, врач. Арестован в 1902 г. в Петербурге и выслан в Восточную Сибирь на поселение.

16. Ляков В.П. (1869-1919) - полковник царской армии. Получил известность в результате подавления национал-революционного движения в Персии и на Кавказе.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Л.П.Лаптева).....	3
Г.В.Рокина. Ян Коллар (1793-1852) и Россия.....	5
В.Матула. Концепция славянского единства и славянской взаимности в словацком национально-освободительном движении (До революции 1848-1849 гг.).....	13
Т.Иvantышинова. Россия и Центральная Европа во взглядах славянофилов.....	24
З.С.Ненашева. Славянские общества в России в последней четверти XIX в.	33
Е.Ф.Фирсов. И.Ю.Штрассмайер - выдающийся деятель славянства и меценат югославянской культуры.....	44
И.Очак. Хорватские источники о хорватско-русских связях в конце XIX - начале XX вв.	55
Д.Петрович-Милоевич. Русские славянофилы, святоандреевские либералы и сербская православная церковь (По материалам переписки М.Ф.Раевского и митрополита Михаила).....	63
В.Вулетич. Стоян Новакович и Россия.....	75
О.В.Лебедева. Культурные и политические аспекты православной миссии России в землях австрийских славян в XIX веке.....	89
Л.А.Кирилина. Отношение словенцев к России в 1848-1849 гг. (По материалам словенской прессы)	105
Л.П.Лаптева. Русский славист А.А.Котляревский и его связи с чешскими учеными (По материалам неопубликованной переписки с А.Патерой)	118
И.Ф.Макарова. Легендарные представления болгар о России в XV-XVIII вв.	130
А.Овакимян. Славянское возрождение в общественной мысли российских армян (80-90-е годы XIX в.).....	140
И.Г.Воробьева. Из эпистолярного наследия Нила Попова....	149
О.Н.Хохлова. А.А.Майков и национально-освободительное движение на Балканах.....	155
А.Н.Бачинин. Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П.Погодина.....	165

Н.М.Пашаева. Галицкие будители на страницах русской прессы 50-70-х годов XIX в.	174
М.М.Криль. Научные связи Галиции и России в первой половине XIX в.	183
М.Ю.Досталь. Славистика в "Северной пчеле" в 40-е годы XIX века	189
Е.П.Аксенова. В.И.Покровский "Рассказы из истории последнего пятидесятилетия (1816-1866)"	199
Н.Т.Сапронова. Освобождение Болгарии от турецкого ига и Россия в освещении Вас.И.Немировича-Данченко	207
В.И.Фрейдзон. Статьи Степана Радича в журнале "Славянский век" (1901 г.)	215
Е.Ю.Чепыжева. Русская периодическая печать о Сербии (Начало XX века)	222
Ю.В.Пахомов. Размышления о судьбе ученого и его научного наследства. И.Н.Смирнов (1856-1904 гг.)	226
С.И.Муртузалиев. Исторические последствия завоевания Болгарии турками в освещении И.Н.Смирнова (Из истории российского славяноведения начала XX в.)	235
А.Н.Круглашов. Славянские планы и связи русской секции Первого Интернационала	242
С.А.Виноградов. Боснийский кризис 1908-1909 гг. и отношение к нему печати РСДРП	250

Сборник подготовлен к печати
в Редакционно-издательской группе ИСБ РАН

Балканские исследования. Вып. I6. Российское общество и
зарубежные славяне. ХУШ-начало XX в. (Материалы междунар.
научн. конференции "Россия и славяне. ХУШ в.-1918 г." Мос-
ква, 25-27 июня 1991 г.). Сост. - М., Институт славяноведе-
ния и балканистики РАН, 1992. 258 с.

Подписано в печать 10.12.92. Формат бумаги 60x90 I/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. 14,0. Тираж 200 экз. Заказ № 10
Цена договорная

Отпечатано на ротапринте ВНИИстатаинформа Госкомстата РФ

inlav

inlav